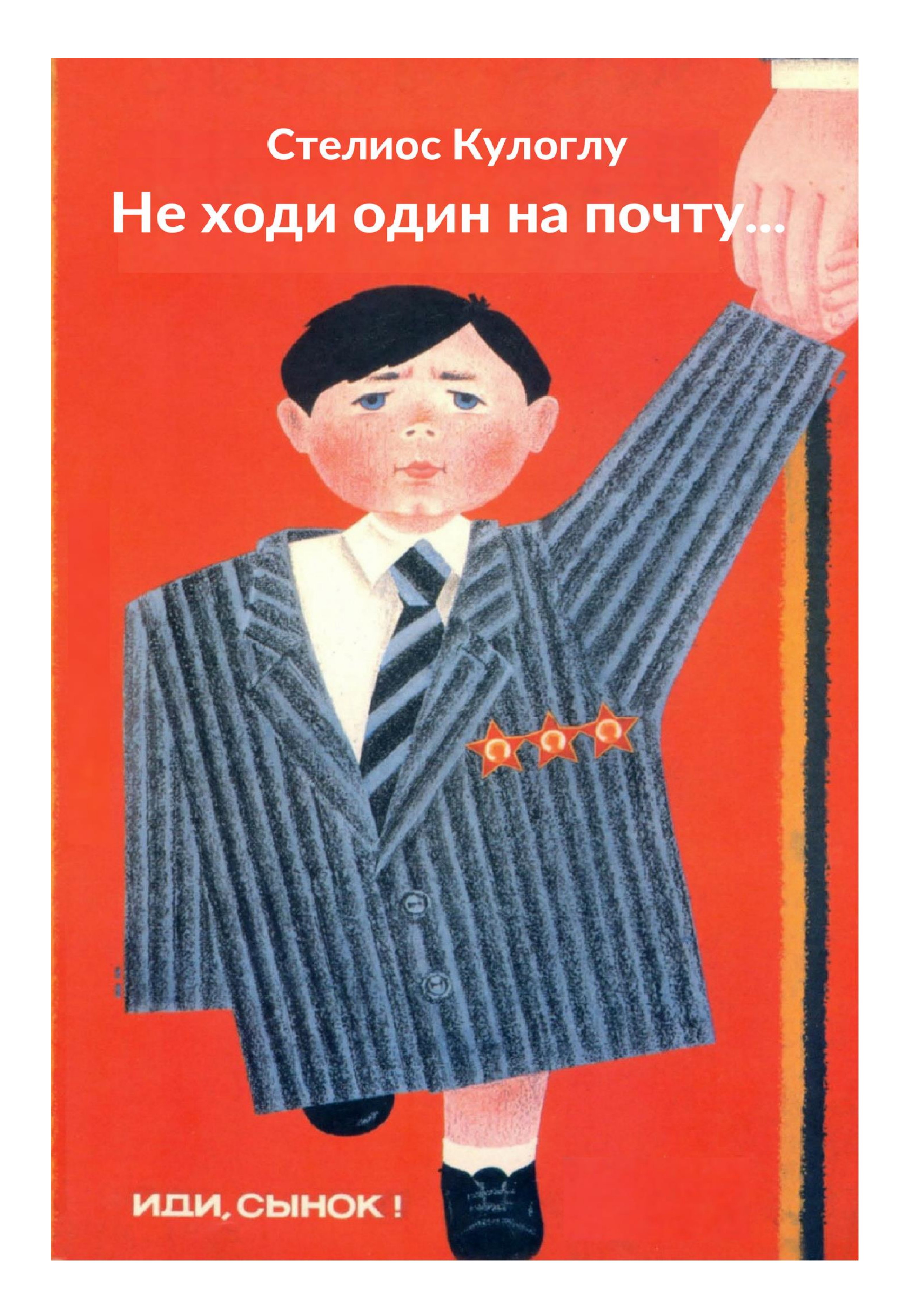

Стелиос Кулоглу
Не ходи один на почту...
ИДИ, СЫНОК!

Стелиос Кулоглу

Не ходи один на почту...

Перевод: Елена Белякова

...В ущерб любви к отцу народов -
Любая прочая любовь.

А. Твардовский, «По праву памяти»

Политика – заклятый враг любви.

Октавио Пас, «Двойное пламя...»

Часть первая

Отпускная из преисподней

- Не надо мне дворца. – Голос Христины печален, дрожит в нём гнетущая жалость. – Ни кресел мягких, ни картин. Ничего не надо.
- Почему?
- Я жинка молодая.
- А что тебе надо?
- Не знаете? Могу при всех сказать...
- Чоловика! – послышался голос пожилой колхозницы. – Трудно спать ей без живого тела.

Александр Довженко
«Поэма о море»

(Начало декабря 1989 года, почти месяц спустя после падения Берлинской стены)

- Передайте мне, пожалуйста, видео с Красной площади, господин Даннахер.

Я достал из сумки кассету и вручил ее Уиллу Хардману, главе подразделения ФБР. Из трех агентов он один задал вопросы, а оба его коллеги просто молча записывали. Лет ему было тридцать пять – сорок, так что мы вполне могли бы быть однокашниками в колледже. Несколько часов назад я вернулся из Советского Союза, и мой организм еще не освоился со сменой часовых поясов. По моей настоятельной просьбе «специнформация», а проще говоря – допрос, проводилась в нью-йоркском офисе газеты, в присутствии Хамфри Вебера, большого босса. Мне было комфортнее в знакомых стенах редакционного зала совещаний, на пятнадцатом этаже офисного здания на Вест Бродвей. День был пасмурный, однако один из агентов опустил жалюзи, чтобы лучше видеть изображение на экране. Хардман подал ему знак запустить кассету, где был записан парад в честь годовщины Октябрьской революции 1917 года. В Советском Союзе эту дату отмечают по старому стилю, 7 ноября. На экране появились кадры, которые я запечатлел на свою камеру.

Перед Мавзолеем Ленина по-гусиному вышагивали двое солдат почетного караула, а из громкоговорителей на Красной площади раздавались марши и революционные песни. Затем камера развернулась в противоположную сторону от Мавзолея и трибуны официальных лиц, где я и находился. Перед пустыми витринами ГУМа группа граждан с красными знаменами ожидала начала парада. Следующий план – сооруженная по случаю деревянная трибуна, на которой расположились дипломаты и журналисты в официальных костюмах. На экране появился сидевший рядом со мной Эрик.

Хардман взял в руки пульт, и изображение замерло.

- Это и есть тот самый мальчик? – спросил он меня.

Я утвердительно кивнул, глядя на экран. Этот просмотр дал мне возможность еще раз обдумать те события, из-за которых в течение каких-то нескольких дней моя жизнь приняла крутой оборот.

На коленях у Эрика лежал альбом для рисования с красной обложкой, и он увлеченно что-то чертил. Когда мальчик почувствовал, что камера смотрит на него, он поднял голову и с улыбкой посмотрел на меня. Потом я начал снимать первые военные колонны, подходившие со стороны реки и ожидавшие команды о начале парада за храмом Василия Блаженного. В этот момент Эрик слегка меня подтолкнул, и картинка дернулась.

Послышался детский голос:

- Кевин, смотри, Горбачев...

Камера неловко развернулась к трибуне Политбюро на Мавзолее. На ней уже появились Михаил Горбачев, его идейный оппонент, лидер консерваторов Егор Лигачев, глава КГБ Олег Елин и все советское руководство. Когда отмаршировали ракетные и сухопутные войска, двинулись невиданные доселе

шеренги демонстрантов. Впервые в советской истории неформальным общественным организациям, появившимся в последние годы, было разрешено пройти отдельной колонной. Когда перед Мавзолеем проходили «Комитет по защите гласности» и «Мемориал», группа демонстрантов остановилась и прокричала в сторону Политбюро: «Свобода прибалтийским странам!», «Демократия!», «Долой коммунизм!». Некоторые из участников шествия развернули транспаранты с требованиями отмены однопартийной системы и проведения свободных выборов. Изображение было нечетким, потому что руки мои дрожали, ведь я запечатлевал небывалый исторический момент: еще никогда в истории Советского Союза, да и дореволюционной России народ не осмеливался открыто ставить под сомнение самодержавную власть. Далее события развивались с кинематографической скоростью: как только Горбачев, не скрывая своего раздражения, удалился с трибуны, демонстранты принялись освистывать его. Таким образом, происходящее начало принимать символический характер. Гул, от которого волосы шевелятся у меня на голове каждый раз, когда я просматриваю события того дня, смешение возгласов страха и изумления разнеслось над Красной площадью.

На экране был виден Эрик, разговаривающий с какими-то людьми на краю трибуны. Они были одеты как дипломаты из стран Восточной Европы – в серых костюмах и старомодных галстуках.

Картинка вновь замерла.

- Один из них это Миллер?

Я пальцем указал на экран.

- Блондин, который беседует с мальчиком. Тот, с угловатым лицом.

- Вы впервые видели его?

- Да, и даже никакого внимания на него не обратил.

Хардман посмотрел мне в глаза. Это был пятидесятилетний мужчина с толстой шеей, редкими седыми волосами и голубыми кошачьими глазами.

- У него весьма подозрительное лицо, - сказал он, снова нажимая на кнопку проигрывания.

Спецподразделение внутренних войск, находившееся слева от храма Василия Блаженного, около гостиницы «Россия», двинулось в сторону Красной площади, а отряд конной милиции начал окружать выкрикивающих лозунги демонстрантов. Вскоре большинство из них разошлись, а на противоположном тротуаре, перед ГУМом, небольшие группы людей обсуждали случившееся. В кадре снова появилась опустевшая трибуна официальных лиц, и видеозапись оборвалось. Один из людей ФБР поднялся со своего места и, вместо того, чтобы поднять жалюзи, зажег свет.

- Я прошу вас подробно описать события того дня, - сказал Хардман.

***

- С Эриком и его матерью мы договорились встретиться в девять утра на Манежной площади. Встретились перед гостиницей «Москва», фасад которой был практически полностью закрыт панно с портретом Ленина, мрачно взирающего на

перестроечные интриги. Эрик держал в руках большой альбом для рисования красного цвета. На нем была голубая нейлоновая куртка и белая шапочка. Мать его была одета в серое пальто и зимние полусапожки советского производства. Мы условились о встрече в полдень на том же месте, и, перед тем как уйти, она попыталась поцеловать сына, но тот нетерпеливо отстранился от нее рукой. Затем она повернулась ко мне и прошептала беззвучно: «Я тебя люблю». Мы направились к Красной площади. Я погладил Эрика по голове и покровительственно положил руку ему на загривок.

«Ты любишь рисовать?»

«Дедушка подарил мне этот альбом», - ответил мальчик, не поднимая головы.

«А что тебе нравится рисовать?»

«Дедушку, маму».

«Ты очень любишь свою маму?»

«Дедушку больше», - оборвал он.

Прежде чем мы оказались на трибуне официальных лиц, мне трижды пришлось показывать свое удостоверение. Места мы заняли рядом с группой африканских дипломатов. Мне хотелось избежать бестактных вопросов тех коллег, что утрудили себя ранним подъемом, а также сотрудников американского посольства, с большинством из которых я был достаточно близко знаком. Я ни на шаг не сходил от этого места, ни с кем не разговаривал. И затем стал снимать все, что вы видели.

- А потом? – равнодушно спросил Хардман. По его интонации нельзя было понять, верил мне он или нет.

- Когда я оторвал от глаза камеру и огляделся, то заметил, что большинство дипработников и журналистов уже разошлось. Только тогда я понял, что Эрика там нет. Я быстро спустился с трибуны и принялся искать его в удаляющейся толпе, бегать туда-сюда, но его нигде не было видно. Время шло, и народу оставалось все меньше и меньше. Я был так напуган, что у меня подгибались ноги и я хотел провалиться сквозь землю. Говорят, что нет страшнее кошмара, чем потерять в толпе своего ребенка, но это не совсем так: еще страшнее потерять доверенного тебе чужого ребенка. Было ужа за полдень, Красная площадь опустела, и только старушки-уборщицы в дряхлой одежде и цветных платках на головах яростно мели мостовую. Я сделал глубокий вздох и направился к тому месту, где мы договорились встретиться с его матерью, в надежде, что мальчик затерялся в толчее, и мы его вскоре обнаружим. Другого объяснения его исчезновению я найти не мог.

- И вы даже не заподозрили, кем на самом деле является этот ребенок? – спросил Хардман. Нотки иронии послышались мне в его голосе, и я не понимал, считает ли он меня лжецом или дураком.

- Эту информацию от меня скрыли. К тому же, я не агент ФБР...

- В таком случае вам лучше рассказать нам все с самого начала, - сказал Хардман, ища одобрение в безразличном взгляде Вебера.

[Москва, конец октября 1989 года]

Все началось где-то за три недели до парада, когда я решил написать репортаж об «Обществе по развитию советско-американских отношений на неофициальном уровне». Его офис находился в центре Москвы, на Кузнецком мосту, напротив ЦУМа. Он размещался в дореволюционном доме с гипсовыми статуями и мозаиками на потолках. Когда я поднялся на третий этаж, один из людей «Пионера» остановил меня.

- Кевин Даннахер, журналист из Америки. У меня назначена встреча с товарищем Тамуряном.

Охранник кивнул головой, будто ждал меня, и поманил кого-то пальцем из глубины коридора, откуда вскоре появилась коренастая женщина средних лет с усталой походкой, как у всех советских женщин ее возраста на госслужбе. Мы вошли в большой продолговатый зал с паркетным полом - по всей видимости, бывшую бальную комнату, превращенную теперь во что-то наподобие маленького театра. С одной его стороны возвышалась сцена с дешевым занавесом горчичного цвета, на котором был прикреплен самодельный плакат со словами: «Американ бой, американ бой, уеду с тобой», а снизу был подписан английский перевод этой фразы. На расстоянии двух метров от сцены начинались ряды красных кресел, в которых расположились около сотни женщин, накрашенных по-советски помадой более яркой, чем алый цвет революционных стягов. На большинстве из них были юбки чуть выше колена (джинсы не только дорого стоят, но их и днем с огнем не сыщешь). Несмотря на безвкусную одежду, женщины в большинстве своем были красавицами, как, впрочем, и все русские. Самой молодой, как мне показалось, было лет семнадцать, но, в общем, никому нельзя было дать больше тридцати пяти лет. Сопровождавшая меня дама кивком предложила мне занять место на последнем ряду. Я достал блокнот и начал делать заметки по ходу кастинга.

Женщины по очереди понимались на сцену и представлялись на плохом английском. Те, кто немного лучше владел языком, объясняли, почему они хотят познакомиться с американцем и уехать в Америку. Остальные довольствовались простым: «Хэллоу, Америка», что с русским акцентом звучало довольно смешно. На первом ряду была установлена видеокамера, записывающая выступающих женщин. Безостановочно работал фотограф. Тут я впервые увидел Сергея Тамуряна, по кличке «Пионер», возглавлявшего «Общество по развитию советско-американских отношений на неофициальном уровне». Низкорослый, полный мужчина, лет под шестьдесят, с круглым добрым лицом и представительной лысиной на макушке, он находился в беспрестанном движении. Он постоянно прерывал девушек указаниями по поводу того, как лучше себя вести и говорить.

- Многие из моих клиентов в Америке выбирают невесту даже не приезжая в Москву, по видеороликам и фотоальбомам, которые мы им высылаем, - вмешался Тамурян. – Они судят только по вашей внешности, по тому, как вы одеты, как вы улыбаетесь. Кроме того, напоминаю, что большинство американцев, слыша о Советском Союзе, представляют себе женщин-трактористок, вроде тех, что они видели в коммунистических пропагандистских брошюрах. Старайтесь быть женственней.

Шоу продолжалось более двух часов. Это была генеральная репетиция, поскольку через несколько дней в Москву должны были прибыть человек десять потенциальных женихов из Соединенных Штатов. «Пионер» не переставал давать указания и в какой-то момент напомнил девушкам, что беседы, которые они будут вести с господами не первой молодости или, по его выражению, «мальчиками» должны быть политкорректны.

- Я знаю, что почти всем вам несладко живется, и вам совершенно не по душе политика партии. Но вы должны помнить, что на Западе любят нашего генсека гораздо больше, чем мы. Перестройка – одна из первых тем, на которые заговорят с вами «мальчики», и, Бога ради, не заявляйте им, что вы недолюбливаете Горбачева и что демократизация вам по барабану. Никто не захочет жениться на Сталине в юбке.

***

В боковой стене зала я обнаружил дверь, ведущую в небольшое помещение, напоминающее фойе. В центре его стоял длинный узкий стол с яблочным соком из какого-то грузинского совхоза и бутербродами с колбасой с большими кружочками жира. Те из кандидаток, кто нормально отговаривал свой текст, шли в эту комнату, нервно закуривали сигарету, а потом набрасывались на еду. Я последовал за одной из девушек, пришедшей со своей мамой. Она привлекла мое внимание тем, что явно проигрывала остальным: низкого роста, в очках от близорукости на крючковатом носу. Подумав о неумолимом капиталистическом законе спроса – предложения, я предположил, что навряд ли ей повезет отыскать жениха своей мечты.

Одна из положительных сторон коммунизма заключается в том, что ему удалось привить советскому человеку оптимизм. Где-то в начале шестидесятых бывший секретарь КПСС Никита Хрущев делал прогнозы относительно двадцатилетия, в течение которого коммунистическая система обгонит капиталистическую, и все будут есть из золотых тарелок. У людей пропала бы необходимость покупать продукты питания, которых бы было вдоволь, платить за проезд в транспорте и культурно-развлекательные мероприятия. Целое поколение советских людей выросло на вере в то, что рай на земле – это лишь вопрос времени. Но поскольку летели десятилетия, а пророчество так и не свершалось, на смену вере в чудотворную силу марксизма постепенно пришло мистическое ожидание чуда, которое могло произойти в любую минуту. Таким образом, мама и дочь непоколебимо верили в то, что последней посчастливиться отведать на Западе всего того, что, вопреки предсказаниям Хрущева, так и не воплотилось в социалистической действительности. Мать пришла поддержать ее, храня в душе надежду на величие и вселюбовь Божью. Девушка объяснила мне, почему она предпочитает русским американцев:

- Наши пьют постоянно, женщин ни в грош не ставят и хотят попасть на все готовенькое. А вы, в Америке...

Она была готова повести меня под венец, но к счастью меня выручил вошедший в фойе «Пионер».

- Я весь в твоем распоряжении, - сказал он, протягивая мне руку.

***

- Не является ли то, чем вы занимаетесь, своего рода легализованной проституцией?

«Пионер» безучастно взглянул на меня, затем развернулся и с тоской посмотрел на купола Василия Блаженного.

Мы переместились в его номер в гостинице «Россия», неподалеку от Кремля. Перед входом в здание, где находилась его контора, нас ожидал водитель на белой БМВ, неотъемлемом атрибуте русских нуворишей. Мы с «Пионером» устроились на заднем сидении, на переднем же сидел еще один пассажир – огромная шея с человеческими ногами. Через пять минут мы подъехали к гостинице и поднялись на последний этаж. Его номер охраняли еще два бугая, под пиджаками которых виднелись пистолеты. Это были типичные «афганцы», лет тридцати, с жестких лиц которых стерлось милое простодушие обычного румяного советского гражданина, шагающего по дорогам Истории.

Не сводя взгляда с Кремля, «Пионер» нажал на кнопку и вызвал одного из своих людей. Мне подумалось, что, возможно, перестарался со своим вопросом про легализованную проституцию, и интервью закончится толком даже не начавшись. Я успел разузнать, что, если кто-то из кандидатов, ознакомившись с фотоальбомом, выказывал интерес к одной из девушек, ему предлагалась десятидневная поездка в Советский Союз. За три с половиной тысячи долларов пакет включал в себя экскурсии по Москве и Ленинграду, услуги водителя, переводчика и частные апартаменты. Потенциальным невестам все это обходилось почти задаром: они подавали заявление с четырьмя фотографиями, платили всего пятьдесят рублей (т.е. пять долларов по ценам черного рынка) или двадцать пять рублей, если претендентке было меньше двадцати лет. Компания получала еще три тысячи долларов в случае успешного сватовства.

- Скажи Алексею, пусть принесет статистику, - приказал «Пионер» «афганцу».

Последовала минута замешательства. «Пионер» нервно стучал пальцами по разделяющему нас столику. Я делал вид, что записываю. Он прикурил сигарету «Marlboro», даже не предложив мне.

- Не пытайся сделать из меня сутенера. Наша организация занимается общественно-полезной деятельностью. Каждый день к нам поступают тысячи заявок со всех концов Советского Союза. Мне звонят сотни матерей с просьбой принять их дочерей в качестве кандидаток. Есть, например, письмо от сорокалетней женщины, где она просит найти жениха ей или же ее двадцатилетней дочери. Могу показать, если захочешь, что они пишут: «Я пойду за любого. Белого, черного, гомосексуалиста, христианина, еврея». Разумеется, я не могу откликнуться на все заявки, но я хотя бы даю надежду. А тем, что находят мужей, -

отпускную из преисподней. Вот именно, отпускную из преисподней, а не приглашение в рай.

***

Стройный сорокалетний мужчина, без стука вошедший в номер, держал в руках черную папку.

- Позвольте представить вам Алексея Карекина, моего компаньона, - произнес «Пионер», - он занимается базой данных нашей организации. Каждая претендентка заполняет анкету, состоящую из пятидесяти вопросов. Таким образом, в любой момент мы можем ответить на запрос самого разборчивого клиента из Америки. Алексей – физик-ядерщик, работает в НИИ под Москвой.

Карекин делал то же, что и каждый уважающий себя советский человек: кроме своей официальной работы, он имел еще одну, вторую. Он производил впечатление образованного человека, говорил негромко.

- Я был бы счастлив сконцентрироваться на ядерной физике, - оправдывался он. – Но на зарплату в двадцать долларов месяц не прожить. Вы, наверное, слышали нашу поговорку: «Они делают вид, что платят, а мы делаем вид, что работаем».

- Я знаю еще такую: «Как живет советский гражданин на сто пятьдесят рублей в месяц? На это вопрос нет ответа, потому что никто не может прожить на такую мизерную сумму».

Они переглянулись, будто бы говоря: «Этот тип что-то да знает». Я выиграл одно очко. Затем Алексей с гордостью прибавил:

- Мы начали нашу работу в 1987 году, когда, с «перестройкой», приоткрылись границы. Тогда мы хранили нашу информацию в компьютере Института ядерной физики. Зато теперь у нас есть своя собственная машина.

«Пионер» нетерпеливо выхватил папку из рук Карекина и мельком взглянул на него.

- Вы, конечно же, знаете «Литературную газету». Это одно из самых достоверных советских изданий. Так вот, недавно они провели исследование среди учениц старших классов, и шестьдесят пять процентов школьниц хотят стать валютными проститутками. Разумеется, мне бы больше понравилось, если бы все браки заключались по любви, однако в условиях нашей жизни тот выход, который предлагает наша компания, явно достойней. А знаешь ли ты, как отреагировали те, кто в ответе за всю эту ситуацию? Политбюро запретило публикацию результатов исследования, чтобы не давать пищу антикоммунистической пропаганде.

Он протянул мне бумаги, якобы чтобы я посмотрел, но тут же одернул руки.

- Есть еще одно исследование, которое не афиширует Политбюро, - продолжал «Пионер», листая бумаги в папке. – Оно было проведено несколько месяцев назад, по заказу «Московского комсомольца». Вопрос был, какую профессию старшеклассницы считают самой престижной. Проституция стояла на девятом месте, после специальностей, связанных с поездками и зарубежными контактами – стюардесса, гид, переводчик и пр.. Не говоря уже о том, что

журналистика для них еще хуже проституции, - с сарказмом заметил «Пионер», передавая мне папку.

Я протянул руку со словами:

- Ну, не исключено, что школьницы в чем-то и правы.

«Пионер» широко улыбнулся. Наверное, мне удалось завоевать его расположение.

- Позвольте еще один вопрос. Это правда, что вас называют «Пионером», потому что вы первый в Москве занялись нелегальным бизнесом?

На этот раз Сергей Тамурян рассердился не на шутку. Он встал, начал нервно ходить по комнате, а потом указал на Кремль.

- Это там сидит настоящая мафия. Ленин ее зачинатель, не я. Хочешь, расскажу тебе, чем я занимаюсь?

- Для этого я и пришел.

- А я думал, ты об «Общества по развитию советско-американских отношений на неофициальном уровне», но не беда. Я начинал с торговли одеждой. В Москве невозможно было найти пальто. И я заключил договор с государственной фабрикой в Казахстане. Они отправляли мне пальто, а я продавал их местных магазинах. Вот у тебя на родине это как называется?

- Торговля.

- Везде это так называется, только не здесь. Здесь торговля запрещена. Госплан решает, что в год будет пошито миллион пальто. Так решили бюрократы в Москве. А нам нужно десять миллионов, каждый год. То же самое с картофелем, мясом, да практически со всеми продуктами. Кто-то занялся торговлей, чтобы покрыть нехватку. Однако подобную коммерческую деятельность, во всем мире считающуюся нормальной, здешняя официальная пропаганда называет ее криминалом.

Он снова сел за стол, достал из пачки «Marlboro» сигарету и нервно затянулся. Закрыв было тему, он передумал.

- И хуже всего то, что, чтобы заниматься какой-либо коммерческой деятельностью, надо платить проценты этой партийной мафии. Я не могу завезти в Москву грузовик товара, не проплатив куче продажных чиновников. Чтобы заниматься этими пальто, мне надо было давать взятки партийным функционерам, начальнику ЖД, коменданту Москвы. Когда мой бизнес разросся, и у меня было сто шестьдесят человек на зарплате, я каждый месяц выплачивал им большие суммы. Большинство из них были высокопоставленными лицами государства.

После недолгих раздумий он добавил:

- А хочешь, я еще кое-что тебе скажу? Но смотри, не струхни, напиши об этом...

Тут уже настала моя очередь иронично улыбаться.

- Многие из тех, кому я платил, сегодня изображают из себя «вдохновителей» перестройки.

И тут я задал вопрос, о котором впоследствии мне пришлось горько пожалеть.

- Кто, например?

«Пионер» переглянулся с компаньоном, безразлично слушавшим нашу беседу, и с яростью затушил сигарету, будто давя кого-то.

- Например, Олег Елин, руководитель КГБ. Это он руководит системой. А Горбачев, который на самом деле верит в реформы, в действительности совсем одинок в своих усилиях. Мафия правит даже Кремлем.

Мы оба непроизвольно посмотрели в окно на красную звезду над кремлевской стеной. Мне удалось выяснить гораздо больше, чем я ожидал. Я протянул собеседнику руку и сказал, чтобы заполнить паузу:

- Однако вы мне так и не рассказали, почему вас зовут «Пионером»?

- В другой раз, - ответил Тамурян. – Я в последнее время часто бываю в казино в гостинице «Ленинградская». Ты уже писал о первом советском казино?

- Столько всего происходит, что я не знаю, за что браться в первую очередь. Впрочем, идея неплохая.

- Ну, заходи тогда, угощу. И, если понадобится помощь, можешь на меня рассчитывать.

У него был вид человека, у которого весь мир в кармане. Когда я покидал его номер, мне даже в голову не могло прийти, что помощь его мне понадобится очень и очень скоро.

***

В какой-то степени я тоже являюсь жертвой распада советской империи. С начала 1989 года возрос дефицит предметов первой необходимости, в течение всего лета стояли шахты, по причине первой в советской истории официальной забастовки, компартия и комсомол погрязли в своих внутренних проблемах. Летом в Польше к власти пришел премьер из антикоммунистической «Солидарности», и во всех «братских» странах царил хаос протестов и революций. Осенью 1989 казалось, что пошатнулась даже система взяточничества: несмотря на посуленные моей секретаршей Наташей пятьдесят долларов, работники телефонной службы отказывались починить международную линию в офисах газеты ранее, чем через пару дней.

Звонки из Советского Союза за рубеж обычно осуществлялись через телефонистку, и эта операция могла занять даже сутки. А несколько месяцев назад нам предоставили возможность установить прямую международную телефонную линию, к которой мы подключили факс. Но эта международная линия заглохла, и поэтому я никак не мог выслать свою статью про «Пионера» и старшеклассниц.

- Как там говорится? – крикнул я Наташе, которая сидела в соседней комнате. – В СССР только машины работают на бензине, а все остальное на взятках? Похоже, что даже это осталось в прошлом. В этой стране ничего не работает...

К счастью ли, к несчастью ли, из-за рубежа нам могли дозвониться по старой линии. Я поднял трубку и услышал ворчание Брюса Уайтсмита., главного редактора воскресного номера.

- Уже утро пятницы, а у меня еще нет воскресной темы. Как ты сам понимаешь, придется отложить ее на следующую неделю.

- Ты в своем уме? А если материалы опубликуются за это время? Ты знаешь, что у нас в руках? Шестьдесят пять процентов девушек мечтают стать валютными проститутками. Да это неопровержимое доказательство кризиса в Советском Союзе...

- А мне надо до шести вечера сдать шестьдесят пять процентов воскресного номера. Если я это не сделаю, это будет неопровержимое доказательство кризиса в газете, потому что выпустить номер не получится. Хотя с такой популярностью, которой пользуются жители Запада у женской половины СССР, откуда взяться времени на информирование американской общественности.

Уайтсмит веселился, не давая мне слово вставить.

- Вместо репортажа, на следующей неделе, хочу, чтобы ты написал мне о том, что чувствует при взгляде на ужасы социализма западный человек, который еще несколько лет назад рассуждал в университетских аудиториях о преимуществах социалистического строя над капиталистическим и хотел превратить США в страну Советов.

Я никогда не поддерживал за советский социализм, но по мнению Брюса все, кто участвовал в американском студенческом движении начала 70-х, являлись агентами Москвы. В своих политических взглядах он был чуть левее Чингисхана.

- Если бы мы победили, ты бы стал главным редактором какой-нибудь лагерной газеты, - отшутился я. – Кстати, поскольку всю жизнь я здесь сидеть не собираюсь, когда освобождается какое-нибудь место?

Москва – мое первое место работы в качестве постоянного зарубежного корреспондента. До этого было несколько командировок во Вьетнам и в Восточную Европу. Моя журналистская карьера началась десять лет назад с освещения революции в Никарагуа для одного американского левого издания. Этого пункта моей биографии Уайтсмит простить мне не мог.

- Что-то мне подсказывает, что вместо столицы мировой революции ты предпочел бы какой-нибудь капиталистический ад. Нью-Йорк, Париж, Милан...

- В этом я полностью солидарен с рядовым советским гражданином. Я здесь с 1985, я и Михаил Сергеевич Горбачев начали работать почти одновременно. Еще чуть-чуть и я выполню пятилетний план по строительству социализма в СССР, правда, сдается мне, что это последняя пятилетка. Я хочу увидеть, к чему приведет эксперимент под названием «перестройка», а затем, как и все, свалить на Запад. Когда-то мы хотели изменить мир, теперь единственное, что мы хотим, это сменить мир.

- Вот эта твоя последняя фраза очень подходит для заголовка, - заметил Уайтсмит, - но не будем забываться. Когда будет готова воскресная статья?

- Она готова, но сломался факс, и я жду, пока его починят. Я бы мог отправить ее из офиса какого-нибудь коллеги, но, сам понимаешь, информация о настроениях среди молодежи, это сенсация. Да, к тому же, то, что я выяснил про Олега Елина, руководителя КГБ и члена Политбюро...

- А что, нет никакой службы, где был бы факс?

- На центральной почте.

Как и все западные люди, мой главный редактор не имел никакого представления, что такое советское государственное учреждение.

- Прекрасно. Давай, высылай оттуда. Заодно посмотришь, как обслуживается рядовой гражданин на государственной почте. Разве не вы, левые, говорите, что надо быть вместе с народом?

Я хотел было бросить что-нибудь на счет Ку-клукс-клана, но в итоге пообещал отправить материал в течение нескольких часов и положил трубку. Решив все-таки не отправлять Наташу, а самому прогуляться по центру Москвы, я зашел в соседнюю комнату и сказал ей:

- Пойду на Главпочтамт, отправлю факс. Ты не хочешь сходить?

Наташа с нежностью посмотрела на новую шведскую мебель, которой мы обставили офис несколько недель назад. Новые ковры и современная офисная мебель серого цвета, стеллажи из белого пластика, диван из черного дерматина, компьютер, факс, два видеомагнитофона для записи новостных выпусков главных телеканалов, телефонные аппараты нового поколения, серые металлические жалюзи на окнах.

Весь этот антураж являл собой полную противоположность грязной многоэтажке на Таганской площади, где размещался корпункт газеты.

Она указала жестом на новую мебель.

- С тех пор, как мы сделали ремонт, я никуда отсюда выходить не желаю.

***

Это была самая красивая женщина из тех, что я видел за все эти годы в Москве. У нее была белоснежная кожа, большие раскосые зеленые глаза и длинные черные волосы. Поначалу она разозлила меня, поскольку, проигнорировав огромную очередь к службе телефакса, обогнула ее и решительно подошла к окошку. Потом она что-то возбужденно сказала, почти угрожающе махнув правой рукой перед лицом румяной сотрудницы почты. Что она говорит, мне было не слышно из середины очереди, состоявшей, помимо меня, из низшего звена работников иностранных компаний, открывшихся в СССР за последние годы. Я довольствовался разглядыванием ее восхитительных икр и аристократической внешности, которую не портила даже недорогая одежда – короткое серое пальто и платье оливкового цвета до колен.

Центральный главпочтамт – это серо-желтое здание сталинской эпохи в конце улицы Горького, неподалеку от Красной площади. На первом этаже находится огромный зал с деревянными перегородками, покрашенными дешевой масляной краской. У каждого окна, одно из которых – новая служба факсимильной связи, начиналась бесконечная очередь терпеливых граждан. В глубине зала возвышается бюст Ленина с высеченными на его постаменте словами: «*Социализм без почты и телеграфа есть пустейшая фраза,* - Владимир Ильич Ленин».

Я смотрел на нее, а она что-то громко говорила, потом передала сотруднице почты какую-то бумагу, та равнодушно посмотрела на нее и начала долго разговаривать с кем-то по телефону. Когда минут через двадцать подошла моя очередь, я почувствовал себя отомщенным: нетерпеливая красавица все еще стояла у окошка. Я по сей день не могу вспомнить, я ли заговорил с ней, или это она

первой пошла в атаку. Однако отчетливо помню, когда я подошел к окну, она взглянула на меня тем чарующим взглядом, перед котором ни один, как оказалось впоследствии, мужчина устоять был не в силах. Вблизи она была еще великолепнее. Почти сходящиеся брови придавали ее облику диковатый и несколько экзотичный вид. Судя по морщинкам у ее глаз, ей можно было дать лет тридцать.

Служащая почты говорила ей, что послать факс в Восточный Берлин невозможно, но та настаивала на срочности этой операции. Позднее я узнал, что это самый упрямый и настойчивый человек из всех, что мне доводилось встретить. Я передал служащей свою статью и с улыбкой повернулся к незнакомке. Она тоже ответила мне улыбкой.

- Вы из Восточного Берлина?

- Да, когда-то я жила в этой стране. А Вы? Из Италии?

- Нет, из Америки.

- А в Москве чем занимаетесь? Бизнес?

- Я корреспондент одного нью-йоркского издания.

И тогда я осознал общественную полезность социалистических очередей: здесь очень удобно завязывать знакомства.

- Кажется, вам очень не терпится послать свой факс. Вы нарушили очередь.

- Это было невежливо с моей стороны, но дело очень срочное.

Она лукаво улыбнулась, как человек, который скрывает какую-то тайну, но может выдать ее тебе, если ты вызовешь его доверие.

- У меня проблемы с властями моей страны.

- С компартией?

Она огляделась, как будто хотела убедиться, что нас никто не слышит.

- Если вы надеетесь на журналистскую сенсацию, не стоит тратить силы. Министерство культуры ГДР обещало профинансировать мою работу, мы даже подписали соответствующие бумаги. Теперь они говорят, что это невозможно ввиду чрезвычайной политической ситуации. Я пытаюсь выйти на связь, но с линией какая-то проблема. Здесь, в Москве, или в Берлине. Неизвестно.

Я жестом указал ей на лозунг в глубине зала.

- Как говорит Ленин, социализм без почты и телеграфа….

Она звонко рассмеялась.

- Как вас зовут?

- Мадлис. Мадлис Хопе.

Последовало несколько секунд замешательства. Надо было что-то придумать и продолжить беседу. Как мне показалось, она тоже подбирала нужные слова. В конце концов, я проговорил первый:

- Как вам кажется, Эрик Бауэр удержится у власти? По всей Восточной Германии проходят демонстрации.

Она расхохоталась.

- Впервые со мной заводят подобную беседу в очереди…

Я почувствовал себя мальчишкой. На самом деле, что точно не обсуждают все эти годы в очередях восточные немцы, так это политическое положение.

- Вас не интересует политика?

Она приняла загадочный вид.

- Только в той степени, в какой это влияет на финансирование моего фильма.

Женщина в окошке в какой-то момент очнулась от спячки, поднялась со стула и прокричала, обращаясь к очереди:

- Товарищи, перерыв до трех!

Бросив нам в лицо бумаги, она с силой захлопнула окно. Было ровно два часа - мы попали на обеденный перерыв. С двух до трех по полудню все в СССР замирает, что бы ни происходило. Наверно, даже запуски ракет в космос никогда не планируются на это время. Это единственная правительственная мера, которая с успехом была реализована в Советском Союзе.

Она бросила взгляд на часы, и я заметил, как изящна ее рука.

- Мне надо на Мосфильм. Я договорилась по поводу монтажа рабочего варианта фильма. Там, в студии, есть факс. Хотите, попробуем отправить оттуда?

Тот день выдался на редкость солнечным. Мы вышли из здания Главпочтамта и подошли к моей машине. Она обратилась ко мне в единственном числе:

- А ты что хочешь послать?

- Репортаж об одном секретном исследовании: шестьдесят пять процентов советских девушек мечтают стать валютными проститутками.

- Только шестьдесят пять процентов? – угрюмо переспросила она.

***

- Секундочку, - сказал Хардман. – Прежде чем вы продолжите, вам надо вспомнить, кто первый начал беседу…

- Я уже голову сломал, но вспомнить никак не могу. А это важно?

- Важно все, - ответил Хардман. – Продолжайте…

Мы подъехали к мосфильмовскому комплексу около половины третьего. Вахтерша потребовала пропуск и не пропустила меня. Московские киностудии, как и все госучреждения – институты, университеты, библиотеки, напоминают штаб КГБ. Никто не может пройти без специального разрешения. После тщетных попыток уговорить охранника пропустить нас, Мадлис повернулась ко мне и сказала:

- Попробую послать и оба текста. Подожди здесь.

Она практически вырвала у меня из рук бумаги и прошла внутрь. Я поглазел на двух девушек, лет восемнадцати, сидевших перед входом на Мосфильм, ожидая то ли автобуса, то ли любимого актера, а затем спросил вахтершу, можно ли воспользоваться телефоном на КПП, чтобы связаться с офисом. Она была не против. Очевидно, ни одна директива этого не запрещала. Я подумал, что советские люди по сути своей неплохие, просто система их испортила. И тут услышал наташин голос на другом конце провода.

- Кевин, как хорошо, что ты позвонил. Фабио вернулся, мы только что пообщались по телефону.

Корреспондент «Коррьере делла Сера» Фабио Черутти – один из самых близких моих друзей в Москве. Только ему я бы мог доверить отправку факса, не боясь, что моя новость будет украдена. Но в те дни он поехал со своей секретаршей в Литву, и офис его был закрыт. Вторая его секретарша, Марина, в отсутствие начальства еще утром сбежала за покупками.

- Может, и не придется ехать в офис «Коррьере...». Тут сейчас один человек пытается отправить статью. Не знаю, чем там у него получается, потому что меня рядом с ним нет.

- Ты хочешь сказать, что отдал весь материал какому-то человеку?

Я успокоил ее, и через пару минут вернулась смеющаяся Мадлис.

- Кабинет с факсом заперт. Сотрудник с ключами придет завтра.

- Ладно, нашелся факс, поехали, отправим все оттуда.

- Это исключено. Мне надо заняться монтажом. Если я пропущу свою очередь, мне придется ждать еще пару месяцев.

Итак, нам подвернулась прекрасная возможность созвониться.

- Тогда дай мне твой текст, я его отправлю. И позвони мне узнать, чем все закончилось.

Она, сомневаясь, начала что-то лопотать о моем драгоценном времени. Я ответил, что этим займется секретарь офиса, и мы договорились созвониться вечером, после монтажа. Когда через час я рассказывал Фабио о преимуществах государственной почты, в кабинет вошла Елена, его секретарь, и сообщила, что документы был благополучно отправлены в Нью-Йорк и Восточный Берлин. У Елены, владевшей, помимо замечательного немецкого, деталями нашей личной жизни, вид был хитровато-заговорщический.

- Девушка, с которой вы познакомились, занимается кино?

- Елена, у тебя определенно есть журналистский талант. Может, бросишь итальянцев и устроишься в американскую газету? Там лучше платят.

- Просто в бумагах речь шла об актерах и съемках, - сказала она себе в оправдание.

- Не хорошо читать чужие бумаги, - с притворной строгостью объявил ей Фабио.

***

Хардман жестом прервал меня.

- Вы даже не заглянули в ее бумаги?

- Мне даже в голову не пришло ничего подобного. А потом, я ни бельмеса не понимаю по-немецки.

Он переглянулся с Вебером, который подал мне знак продолжать.

- Я могу закурить? – спросил я, роясь в своих карманах.

- Мне казалось, что в ваших офисах курение запрещено, - обратился к Веберу Хардман.

- Почти все уже бросили эту привычку, но этот – не такой как все, - сказал большой газетный босс, печально покачивая головой. – Я пришел к выводу, что в Ирландии, откуда он родом, кровь горячее, чем у нас. А об их мозгах позвольте

мне вообще промолчать. Когда он собрался ехать в Москву, я был готов назначить его главой политического отдела газеты, подобному посту позавидовал бы любой журналист, а этому Советский Союз подавай, событий ему хотелось. Я как в воду глядел, когда предупреждал его, что это поставит крест на его карьере. Раз ему так хочется, пусть портит свое здоровье.

Я глубоко затянулся и продолжил сетовать агентам на свою судьбу.

***

Через два дня я ждал ее у входа в закрытый квартал на Кутузовском. Мой дом (я говорю «дом» потому, что, вопреки возникающим последнее время проблемам в моих отношениях с советскими властями, я все еще считаю себя жителем Москвы), так вот, дом мой находится в одном из лучших гетто столицы СССР, на Кутузовском проспекте. Оно похоже на огромные комплексы типовых многоэтажек в рабочих районах на Западе, однако в Москве эти дома считаются элитными. Они огорожены стеной и высокими заборами. Здания в этом квартале имеют П-образную форму с внутренним двором, где располагается парковка. Вход туда, как и во все закрытые кварталы, охраняется КГБ, и разрешен он только иностранцам со специальными пропусками – дипломатам, журналистам и бизнесменам. Простые смертные могут пройти без пропуска только в сопровождении иностранца. Официально считается, что все эти меры направлены на нашу защиту, но, конечно, не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться, что эта система препятствует контактам «целомудренных» советских граждан с «зараженными» капиталистическими идеями представителями Запада.

С большинством охраняющих здание «ребят» из КГБ у меня сложились теплые отношения, основывающиеся на спиртном. Они вполне мне симпатизировали, или, вернее, симпатизировали тому факту, что у меня дома всегда была выпивка. Мы не пили вместе, потому что печень у советских людей гораздо больше нашей. Но я периодически приносил им бутылочку чего-нибудь, чтобы им не так холодно и не так скучно было проводить свою восьмичасовую вахту в деревянной будке. Им было все равно, будет ли это водка, виски или вино, и у меня сложилось впечатление, что они могли бы выпить даже спиртовое горючее. Впрочем, его я никогда им не предлагал. В тот вечер я пообещал принести их любимый напиток - «Метакса». Еще один мой московский друг, Василий Папас, начальник Отдела печати Греческого посольства, периодически поставлял мне ящики этого коньяка. Я хотел, чтобы в головах этих молодцев на входе «Метакса» прочно связалась с образом Мадлис, дабы не надо было в следующий раз за ней спускаться, – что-то подсказывало мне, что это был не последний ее визит. По дороге к дому я разъяснил Мадлис, что не приглашал на ужин идущего за нами кагэбэшника и что он просто возьмет бутылку и уйдет восвояси.

- С ящиком водки и в спальню Горбачева можно добраться, - пошутила она. – Все же я предпочла бы, чтобы спецслужбы хотя бы соблюдали условности.

- Их уже давно никто не соблюдает. По вечерам мы вынуждены оставаться дома, потому что работники ГАИ заставляют нас дуть в «трубку». Как только они

замечают иномарку со спецномерами, тут же тормозят ее для проверки на алкоголь.

(У наших машин желтые номера, начинающиеся с кода страны и с соответствующей профессии буквы – *К* для корреспондентов *Д* для дипломатов и т.д. Еще несколько лет назад, если к какому-нибудь советскому гражданину заезжал гость на машине с желтыми номерами, на следующий же день его посещали сотрудники КГБ. С «перестройкой» у местного населения подобные проблемы исчезли, зато появились новые проблемы у нас. Чтобы от них отделаться, мы платим им деньги, но сумма постоянно растет: когда-то это было пять рублей, сейчас пятьдесят).

- Вам не следовало бы платить им.

- Знаешь, как они делают проверку на алкоголь в крови? С помощью многоразовой трубки. А потом еще ждать всю ночь результатов в отделении милиции.

- Ездите на метро, - с улыбкой сказала Мадлис. – Это единственное место в СССР, где блюдется пунктуальность.

Гости почти собрались. Уже подъехали Элен Форсайт, сотрудница американского телеканала, американский консул Леонард Дарел с женой и Юрий Любимов – одно из последних моих журналистских открытий. Сорок из своих шестидесяти лет он проработал советским шпионом на Западе. Это был приятный человек, с прекрасным английским манерами, страдающий, правда, раздвоением личности. Прожив много лет в Великобритании, где он жил в образе западного бизнесмена, он ясно осознавал, что у развитого социализма будущего нет, и что горбачевские реформы были неизбежны. В связи с окончанием «холодной войны», число иностранных разведчиков было урезано, его вызвали в Москву, и он осуществил неудачно высадку в жесткой советской реальности.

Когда мы с Мадлис вошли в зал, он с ностальгией рассказывал о старых добрых временах, когда он перемещался на «Кадилаке» с водителем, а теперь же он вынужден самостоятельно чинить свои «Жигули», тщетно разыскивая запчасти. Советские автовладельцы уже давно начали забирать щетки стеклоочистителей домой, потому что в продаже найти их невозможно.

- Жизнь – непредсказуемая штука, - говорил Любимов. – Когда-то мы с женой так тосковали по Родине, что запирались в комнате, пили водку и ели блины, проверив, разумеется, несколько раз, заперта ли дверь. Мне тогда казалось, что я был бы счастлив вернуться обратно, но после сорока лет, проведенных в другом мире, здесь очень сложно привыкнуть.

Консул сидел с гордым видом, словно это он стоял в авангарде борьбы с империей зла. Мадлис с любопытством разглядывала мою квартиру. Как каждый уважающий себя иностранец, я не в шутку увлекся любимым видом спорта перестроечных времен: я скупал дешевый антиквариат на аукционах, которые начали проводиться с горбачевской либерализацией экономики. Мой дом превратился в музей. В нем появились две арфы, рояль, длинный дубовый обеденный стол и двенадцать стульев с коваными подлокотниками, кресла-качалки девятнадцатого века, книжные и гардеробные шкафы в стиле ар деко, серебряные подносы и канделябры, фарфоровые вазы, китайские ширмы, старые фотоаппараты и советские радиоприемники пятидесятых годов, которые я поместил в

специальные витрины из букового дерева, два огромных дореволюционных дивана, живопись соцреализма и десятки ковров из Казахстана, Азербайджана и Дагестана, которые не влезали больше на антресоли и поэтому были в несколько слоев разбросаны по полу.

Меня нисколько не удивило опоздание Джузеппе, моего друга Фабио и русской девушки, которую он везде с собой водил. Я уже давно смирился с тем фактом, что на Сицилии время течет в своем, медленном, ритме. Джузеппе, старший брат Фабио, - сорокалетний усатый мужчина с большим животом и горящими глазами. Адвокат по профессии, он один из последних могикан марксизма-ленинизма. Он принадлежал к закоснелому крылу итальянской компартии и в эти дни находился в Москве во главе делегации юристов-коммунистов, с заданием изучить за шесть месяцев законодательные нововведения советской конституции и перспективы их внедрения в итальянскую действительность.

Он не раз посещал Москву в качестве официального гостя советского правительства, в основном, в связи с его отважной позицией во время чернобыльской аварии 1986 года. Искренне веря в официальные заявления советских властей, которые поначалу скрывали реальный размах катастрофы, он публично выпил украинского молока в центре Палермо. Это был символический жест обличения империалистической пропаганды, которая хотела использовать незначительную техническую аварию в целях дискредитации всей социалистической системы. Через несколько дней Горбачев признал действительные масштабы катастрофы, и было доказано, что украинское молоко радиоактивно, но при этом ни здоровье, ни вера Джузеппе ничуть не пошатнулись. Убедившись в том, что даже ядерная война не заставила бы его изменить своим идеалам, мы просто подшучивали над ним, говоря ему, что от него исходит легкое свечение из-за употребленной им с молоком радиации. Он обижался на эту шутку, но зла не держал. Он очень любил своего брата Фабио, а заодно и меня. Будучи другом его брата, я стал членом большой сицилийской семьи. Каждый раз, когда он встречался с советскими людьми, он расплывался в улыбке, считая их всех своими товарищами или, по крайней мере, попутчиками на корабле отрады. Он не был знаком с Любимовым, но не мог скрыть своего восторга при виде представителя родины социализма в компании выходцев с падшего Запада.

- Джузеппе, или Иосиф, если по-русски. Тезка Сталина...

Он протянул руку. Консул перестал улыбаться, а Любимову пришлось даже ждать несколько секунд с протянутой для приветствия рукой?. Опытный бывший разведчик мгновенно преобразился и с улыбкой произнес:

- А меня зовут Юрий. Но, к сожалению, это единственное, что объединяет меня с Юрием Гагариным...

- Да нет, что касается моего имени, так это не совпадение, - не унимался Джузеппе. – Наш отец был одним из руководителей компартии в Палермо. Меня назвали Джузеппе в честь Сталина.

- А я думал, такое есть только в СССР, - холодно заметил Любимов. – Чтобы истребить остатки религиозного сознания в быту, партия раньше рекомендовала давать детям новые имена, а не бабушек и дедушек. Был даже опубликован список: Индустрина, Алмаз, Мыслис, Октябрина, Рем – от «революция мировая», Нинель...

- Нинель? – переспросил Джузеппе, который, как хороший ученик, стремился к знаниям даже в минуты досуга.

- Это «Ленин» наоборот.

- Весьма интересно, - сказал Джузеппе, сраженный изобретательностью советских товарищей.

Я решил вмешаться.

- С этими вашими именами вы совсем забыли познакомить нас с вашей спутницей.

Мы все повернулись к новому приобретению Фабио – высокой стройной девушке двадцати пяти лет с короткими волосами цвета меди, милым курносым носиком и лукавыми голубыми глазами. На ней был зеленый плохо скроенный пиджак. Она скромно сидела на стуле. Мне показалось, что в ее внешности есть что-то то ли деревенское, то ли просто грубоватое, и, как выяснилось впоследствии, я был прав.

- Это Лариса, - представил девушку Фабио.

- Где-то я вас видел, - задумчиво произнес Любимов.

- Наверное, вы ее видели в газетах или по телевизору, - разъяснил Джузеппе с гордостью, словно бы он представлял председателя образцового совхоза. – Это «Мисс КГБ».

Фабио как всегда отличился. Знаменитая спецслужба, в доказательство своей модернизации, организовала конкурс красоты с участием работающих в ней представительниц прекрасного пола. Это событие широко освещалось советскими средствами массовой информации, и иностранные корреспонденты наперебой брали интервью, которые неумело раздавала первая «Мисс» в мировой истории разведки. Фабио был уверен, что это хорошо организованная пропагандистская акция, и рассказывал мне, что беседовал с Ларисой в присутствии ее начальника, который постоянно вмешивался в разговор, отвечал за нее на трудные вопросы и поправлял свою подчиненную. Однако, будучи профессиональным журналистом, Фабио решил проверить истинность открытых намерений КГБ на практике.

Механически пожав Ларисе руку, консул повернулся ко мне и с загадочным видом произнес:

- У тебя появилась замечательная возможность наладить свои отношения с КГБ.

Мы все уставились на него, ожидая продолжения. Ему было около сорока, у него было круглое веснушчатое лицо, маленькие глаза и очки от близорукости в золотой оправе. Он мастерски укладывал гелем свои редкие волосы так, чтобы они покрывали всю его голову. Пальцы на его руках были длинные и худые, как у пианиста. Он был родом из знатной бостонской семьи с богатым дипломатическим прошлым. Его отец и дед считались одними из лучших дипломатов, работавших когда-либо в Стейт Департмент. Леонард унаследовал семейные традиции: его юмор был скорее благородным, нежели веселым, а чувства его скрывались под безупречными манерами. Мы достаточно давно были знакомы, и наше сотрудничество было всегда успешным. Но при этом я никак не мог понять, что он на самом деле обо мне думает. Это была хорошая компания для Москвы, в которой, если бы не бурные политические события, было бы невыносимо скучно. Однако я

уже давно для себя решил, что близкими друзьями мы не станем. Обычно он был немногословен, и поэтому меня удивил его комментарий по поводу КГБ.

Он с наслаждением затянулся сигарой:

- Пожалуй, расскажу вам. К тому же, это не секретная информация. Намедни советские власти выразили нашему посольству официальный протест по поводу одного интервью, сделанного Кевином. Сергей Тамурян, один из крестных отцов московской мафии, утверждает, что в свое время платил Елину. Глава КГБ очень зол на тебя, - добавил он, поворачиваясь ко мне.

На несколько секунд водрузилась тишина.

- Твой начальник прав, - с поддержкой обратился Джузеппе к Ларисе. - Кевин и мой брат не теряют возможности покритиковать Советский Союз. Сначала им старая система была не по душе, теперь же, когда идут реформы, которых они так хотели, они недовольны быстротой их проведения.

- К сожалению, я ничего не могу поделать, - с серьезностью ответила Лариса. – Товарища Елина я видела только на фотографиях. Он даже на конкурс красоты не пришел.

- Ничего страшного, Лариса, консул шутит, - успокоил ее я. – Я лишь передал слова «Пионера». К тому же это интервью принесло мне удачу.

Я повернулся и заглянул в глаза Мадлис. Потом я рассказал историю с испорченной телефонной линией и о нашем знакомстве на Главпочтамте.

- Хорошо, но почему ты не пошел в корпункт какого-нибудь другого издания, чтобы отправить свою публикацию? - спросила жена консула.

- Потому что этот сукин сын боялся, как бы мы не посягнули на его эксклюзив, - высказалась Форсайт.

Затем она тихо проговорила Мадлис:

- Ты познакомилась с одним из лучших журналистов в городе.

- Я с первой минуты поняла это, - ответила та с сияющим взглядом.

Я был уверен, что мне удалось произвести на нее впечатление.

***

- Лариса. Какое красивое имя. Оно напоминает мне героиню пастернаковского «Доктора Живаго».

Мы сидели за столом со свечами. Чтобы избежать привычной политико-журналистской беседы, особенно в присутствии КГБ, пусть даже в прекрасном его варианте, я решил заговорить про литературу.

- Я недавно его прочла, хотя и закончила филфак в университете, - сказала Лариса. – До недавнего времени этот роман был запрещен.

- Замечательно, теперь мы взялись за диссидентскую литературу, - с легкой досадой заметил Джузеппе.

- Это один из лучших романов про любовь, - сказала Мадлис.

- И не только про любовь. Это история двух влюбленных, которые в годы гражданской войны принадлежат к противоположным лагерям. Они уединились где-то в степи, а кругом свирепствовала смерть. Они так любили друг друга, что преодолели навязанную идеологией ненависть.

- Может быть, ты преувеличиваешь взаимосвязь любви и политики?

Мадлис произнесла эту фразу с вопросительной интонацией, однако в действительности она придерживалась другого мнения.

- В литературе самые большие любовные истории теряют смысл вне социального контекста эпохи. Любовь Ромео и Джульетты драматична именно потому, что запрещались отношения между враждующими семьями. История Ларисы и Живаго была бы банальна, если бы не совпала с годами Революции.

Фабио, как хороший товарищ, подхватил мою речь:

- Он просто под впечатлением своей новой книги, которую он пишет.

Мадлис вновь обворожено спросила:

- Ты еще и книги пишешь?

- Он уже три написал, - ответил вместо меня Фабио. Все эти годы, прожитые нами в Москве, мы всегда помогали друг другу.

- Сейчас я пишу политический триллер. По сути, впрочем, я исследую вопрос о том, губителен ли коммунизм для высоких чувств.

- Разве я вас не предупреждал? – расхохотался Джузеппе. – Идея элементарна: во всем виноваты коммунисты, даже в любовном влечении.

- Все тоталитарные режимы стремятся контролировать любовные отношения, - упрямо продолжал я. – Нацисты запретили немцам вступать в половую связь с людьми не арийского происхождения, они хотели расовой чистоты, а коммунисты – чистоты классовой. В послереволюционные годы связь с представителем старой аристократии, «класса эксплуататоров» считалась порочной. До «перестройки» советским людям было запрещено иметь отношения с иностранцами. Строго-настрого запрещено.

- Несколько лет назад мне даже в голову не могло прийти остаться жить в Москве, - вступился Фабио, звонко целуя Ларису, чтобы сохранить равенство сил.

Джузеппе был настроен на идеологическую борьбу. Он с высока взглянул на Фабио, как старший брат на несмышленого братишку. Затем он обратился ко всем присутствующим:

- Ну вот, с этими историями про тоталитарные режимы мы подошли к самой сути. Когда на Западе, видите ли, все браки заключаются по любви до гробовой доски... В Италии дочери политиков выходят замуж за знаменитых журналистов, и, совершенно случайно, потомки больших и богатых родов вступают в брак друг с другом. Так называемый «спланированный брак»: две семьи умножают свое богатство и власть, чтобы бедным ничего не досталось. Как говорит Кевин, экономическому обмену подлежат любовь...

Консул как-то пренебрежительно поглядел на предателя западных ценностей, однако тот факт, что перед ним был сицилиец, утешил расистскую часть его натуры.

Джузеппе перешел в наступление:

- Любовь запрещается, - произнес он, подчеркивая фразу. – Здесь коммунизм, а ты пойди, прогуляйся по паркам, посчитай, сколько там парочек.

- До недавнего времени это было запрещено, - вмешалась Лариса с видом эксперта.

- Одна из вещей, поразивших меня, когда я оказался на Западе, это гуляющие под руку молодые пары и целующиеся на улице, - сказал Любимов,

хранивший до этого молчание. – Здесь, раньше, если бы кто-то начал целоваться на улице или на скамейке, прохожие сами сделали бы замечание. Я бывал в подобных ситуациях, и самые обычные слова в таком случае: «Прекратите вести себя как американцы». У нас очень пуританское общество.

- А как вы тогда объясните то, что через моего брата уже пол Москвы прошло? – заявил Джузеппе. Но тут же понял, что ляпнул не то, искоса бросил взгляд на Фабио и прикусил язык.

За столом царило замешательство. Лариса склонила голову к Фабио, он гладил под столом ее руку. Чтобы разбить лед, я хотел было пошутить, что «Мисс КГБ» арестует Фабио сразу после ужина, но это тоже было бы чересчур. Наконец, молчание нарушил Любимов:

- В нашем обществе существует двойная мораль. Руководство настаивает на том, что простые граждане должны быть сдержаны и не заводить романов на стороне, однако ни оно само, ни граждане этих правил не соблюдают, и, в итоге, дозволено все.

- В университете мы переделали известную поговорку о труде: «Они притворяются, что они – попы, мы же, что мы – монахини».

Джузеппе посмотрел на нее как на отступницу.

- Разве, когда ты была студенткой, ты не была комсомолкой?

- Мы все были комсомольцами, в обязательном порядке. Но, несмотря на официальные директивы, существовала романтическая атмосфера.

- Позвольте мне кое-что объяснить, - сказал я. – Одно дело любовное влечение, другое – любовь. Влечение – это телесное, сексуальное влечение к кому-то другому. Любовь – это влечение, телесное и духовное, к одному единственному человеку.

- Он лучше разбирается в вопросе, - заметил Фабио, к которому вернулось хорошее расположение духа.

- Я так и не поняла, в чем заключается твоя теория, - уязвлено сказала Мадлис. – Ты хочешь сказать, что мы, граждане социалистических стран, обречены на жизнь без любви?

- Конечно же, люди влюбляются, но тоталитарная система не дает им насладиться своей любовью и стремится ее уничтожить. Вот что меня интересует: способно ли сильное чувство победить систему?

- Впрочем, постель – это последний бастион человека в его отношениях с режимом. Непреступный, к тому же, - настаивала Мадлис.

- В последнем я не очень уверен, - возразил ей Любимов. – Нередко они врывались и в спальню. Если партийная организация получала сведения, что кто-то находится в связи с замужней женщиной, собиралось собрание, где происходил разбор поведения провинившихся. Если директор гостиницы в каком-нибудь захолустье догадывался, что ваша спутница вам не супруга, он мог не дать вам ключей от номера и доложить партийной организации, к которой вы относитесь. Когда-то бытовал анекдот: «Почему в Советском Союзе такие большие кровати? Да чтобы туда помещались трое – муж, жена и Ленин».

И тут бывший разведчик сказал нечто такое, что вспомнилось мне несколько дней спустя, когда дела мои приняли весьма мрачный оборот.

- Любовная связь предполагает личную жизнь, но здесь пытаются отслеживать все и вся. Если в квартире установлено прослушивающее устройство, то на него записывается все.

- Давайте не будем преувеличивать, - сказал я, направляясь на кухню за бутылкой вина. Нас здесь двадцать тысяч, иностранцев в Москве. Им понадобились бы десятки тысяч сотрудников, чтобы слушать все наши разговоры.

***

- Светлана, большое спасибо, ужин был очень вкусный.

Светлана, моя новая горничная, впервые приготовила еду. Она была моей первой помощницей, не направленной УПДК – службой, которая обеспечивала нас от красок до обслуживающего персонала. Еще несколько месяцев назад наем не относящихся к этому управлению работников был строжайше запрещен. Но в связи с общим распадом, система дала слабинку. Светлана брала сто пятьдесят долларов в месяц, как и все ее предшественницы, которые, впрочем, как мы подозреваем, даже не будучи сотрудницами КГБ, были готовы разболтать все твои секреты спецслужбам, лишь бы не лишиться привилегий работы с иностранцами и зарплаты в конвертируемой валюте. Светлане было около шестидесяти, и ее огромные чистые глаза моментально вызвали у меня доверие. В тот вечер я узнал, что у нее есть дочка на выданье.

- Можно попросить вас об одолжении? Моя дочка, Маша, студентка в университете, и у нее любовь с одним американским бизнесменом. Она хочет поехать к нему, но ей не дают визу в американском консульстве.

Я пообещал ей поговорить на эту тему с консулом и вернулся за стол. Лариса и Мадлис беседовали о Берлине.

- Я неделю назад оттуда приехала, - говорила «Мисс КГБ». - Мне там так нравится, что я езжу туда при каждой возможности.

- Уникальный город, - с насмешкой ответила Мадлис. – Где еще есть стена посреди города?

Ей удалось очаровать все компанию. У нее были безупречные манеры, а анализ политической ситуации, который она давала, был гораздо прозорливей, чем при первой нашей встрече на Главпочтамте. Когда консул спросил ее, падет ли в Восточной Германии режим Эрика Бауэра, она ответила ему, что в этом нет никаких сомнений. Но главный, по ее мнению, вопрос заключался в следующем в том, произойдут ли реальные перемены в системе, или это просто косметические работы.

Она периодически бросала взгляды в мою сторону, будто желая убедиться, слушаю ли ее я. В какой-то момент она шепнула мне:

- А когда ты покажешь мне свою книгу?

- Да хоть сегодня. Можешь остаться, когда все разойдутся.

Мне показалось, что она ждала моего предложения. Когда я провожал гостей к выходу, Фабио выразил свое одобрение:

- Повезло тебе. Это, несомненно, самая обворожительная женщина в Москве...

[Прага, 1983 год]

- Нет, это не чучело Брека, - со смехом сказала экскурсовод пражского музея Комитета национальной безопасности. Патрику подумалось, что смех ей очень к лицу. У нее были голубые глаза, нежная кожа и длинные рыжие кудри. Она была похожа на живую куклу, которая ведет группу представителей западной прессы по самому мрачному музею в мире.

Когда директор «Голоса Лиона» сообщил ему о приглашении посольства Чехословакии в Париже, Патрик обрадовался как ребенок. Спустя пятнадцать лет после ввода советских войск, в 1968 году, чехословацкие коммунисты почувствовали себя так уверенно, что решили позвать западных журналистов, дабы продемонстрировать процесс «нормализации», как именовалась «суровая зима», последовавшая за «Пражской весной». Судя по всему, ни одно из крупных изданий не приняло этого приглашения, и поэтому они обратились к редакциям провинциальных газет. Патрик отдавал себе отчет в том, что речь шла о дерзкой пропагандистской акции, но политика его мало интересовала. Просто представилась замечательная возможность съездить в Прагу, о которой один его друг, итальянец, побывавший там год назад, рассказывал, что это один из красивейших европейских городов, не говоря уже о женщинах, которые жаждут пообщаться с иностранцем. В конце концов, это давало возможность французскому журналисту взять интервью у представителей чехословацких властей. Другой вариант - туристическая поездка в Прагу - превратился бы в фиксацию впечатлений от серости города и тоски горстки интеллектуалов, которых то и дело сажали и выпускали из тюрем. Начинающего тридцатилетнего журналиста долго убеждать было не надо. Хватило обещания главного редактора опубликовать его репортажи.

И так он оказался в Музее полиции, в окружении корреспондентов западноевропейских коммунистических изданий, и все вместе они слушали красавицу-экскурсовода, поющую дифирамбы собаке-герою соцтруда.

Бреком звали натасканную полицейскую овчарку, которая за двенадцать лет службы в пограничном спецназе помогла задержать шестьдесят перебежчиков в Австрию. В благодарность за его заслуги власти дали ему право закончить свою жизнь под опекой работников центрального управления полиции, а впоследствии из него сделали чучело и поместили в музей. Однако, поскольку шкурка бедного Брека не выдержала навязчивого внимания посетителей, дирекция музея решила заменить чучело отважного, однако иссохшего Брека на чучело другой овчарки. Его двойник находился на одном из самых заметных мест в музейном крыле, посвященном неудачным попыткам побега из страны, а пес, подлинность которого не мог подтвердить никто, позировал также на продававшихся при входе в музей открытках с подписью: «Охрана границ Чехословацкой Социалистической Республики – почетный долг каждого гражданина».

В стеклянных витринах, рядом с двойником Брека, были выставлены другие подтверждения необходимости неусыпной бдительности. Каждая витрина была

посвящена одной из попыток побега. Здесь демонстрировались конфискованные предметы: самодельный аэроплан, на котором два контрреволюционных элемента попытались перелететь границу, и планы которых были сорваны внезапным западным ветром, два зеленых водолазных костюма пытавшихся бежать вплавь по реке, таща на себе контрреволюционные листовки.

Соседний зал был посвящен тщетным попыткам империалистов дискредитировать основы социализма. Одна из витрин была заполнена денежными купюрами процветающих западных стран в знак доказательства того, что всемирный капитал не жалел средств, чтобы портить жизнь пролетариату. Рядом можно было увидеть три тома «Истории русской революции» Троцкого, а также десятки других контрреволюционных изданий, конфискованных на границе прежде, чем их содержание успело заразить целомудренных граждан Чехословакии. В третьей витрине демонстрировался шпионский инструментарий западных джеймс бондов: фотографирующие зажигалки, стреляющие авторучки, пропитанные смертельным ядом перчатки.

Следующий зал был посвящен событиям 1968 года. На стенгазете красным фломастером были выделены имена Вацлава Гавела, Александра Дубчека и десятков «ревизионистов», маскировавших свои антиленинистские идеи под личиной так называемого социализма с человеческим лицом. Оказывается, контрреволюционеры проникли повсюду – в партию, в правительство, в профсоюзы, в Союз писателей. Как становилось очевидно из документов, вплоть до 1969 года им удалось развернуть настоящий белый террор, покуда не начался период «нормализации» и за дело не взялся товарищ Густав Гусак. Патрик заметил, что нигде нет и намека на ввод советских танков в 1968 году, но предпочел не обсуждать это со своими коллегами. Создавалось впечатление, что вторжения и вовсе никогда не было.

Внимание Патрика привлекла рыжеволосая экскурсовод, которая в какой-то момент оставила журналистов переварить «труды и дни» контрреволюции и направилась к выходу. Он решил подстеречь ее у двойника Брека, сделав вид, что он ошеломлен подвигами первого в истории человечества пса, усвоившего наказы марксизма-ленинизма. Как только она приблизилась, он спросил ее, подлинный ли перед ними Брек, на что та рассмеялась.

- Нет, это не Брек. Это его двойник. Вам понравился музей?

Он попытался подобрать ответ, который мог бы прийтись по вкусу.

- Я понял, что сбежать из социалистической народной республики не так уж и легко.

Она опять засмеялась.

- Я работаю здесь с 1975 года, с момента открытия музея. И это самый дипломатичный ответ из тех, что мне когда-либо доводилось услышать.

Он решил пойти ва-банк. Глубоко вздохнув, он сказал:

- Мне вот не понятно, если в вашем обществе все так распрекрасно, откуда берутся люди, которые хотят бежать?

- Боюсь, этот вопрос не по адресу. Я компетентна лишь в вопросах касательно музея.

- Вот это настоящий дипломатический ответ.

- Один – один. Вы впервые в Праге?

- Да, только вчера приехал. Мне кажется, в Праге есть более любопытные достопримечательности...

- Это ваши слова, не мои.

- В смысле?

- Это один из последних анекдотов. У одного пражанина советские туристы украли швейцарские часы. Тот идет в полицию и подает следующее заявление: «Какие-то швейцарские туристы украли у меня советские часы». Офицер просит дважды повторить текст заявления и, в конце концов, спрашивает: «Может быть, вы все-таки хотите сказать, что какие-то русские туристы украли ваши часы?». «Это ваши слова, не мои», - отвечает мужчина.

Он рассмеялся так громко, что журналисты в соседнем зале обернулись и направились в их сторону. Времени у него осталось мало.

- Я тоже знаю несколько хороших анекдотов. Может, встретимся где-нибудь в другом месте?

Она, казалось, колебалась, но Патрик был настойчив.

- Я могу пригласить вас сегодня на ужин?

- В восемь. У входа в музей.

***

- Днем я даже не успел спросить твое имя.

- Меня зовут Анна.

- Анна. Красивое имя. А меня – Патрик. Патрик Вентура.

Они шли к «У Мецената», со стороны пражской Малой страны, одного из немногих мест, где, при хорошем стечении обстоятельств, а также оставив немного чаевых, можно было поужинать - в других же заведениях надо было резервировать стол за несколько дней. Когда они оказались у входа в ресторан, Анна открыла дверь, достала несколько чешских бумажных купюр и, прежде чем Патрик успел вмешаться, дала их портье. Его лицо просветлело, и он жестом предложил им пройти.

Раздеваясь в гардеробе, Патрик сумел разглядеть, что одета она была в узкое красное платье, подчеркивавшее ее формы. Официант проводил их к столу на две персоны и зажег свечу. Ее огромные глаза засверкали в свете пламени.

- Давай, рассказывай анекдоты. Теперь твоя очередь.

- Да я и не знаю ни одного. Я сказал это, чтобы ты пришла. Ты такая красивая...

- Ты меня разочаровал... Я ожидала услышать свежие анекдоты с Запада.

- Я знаю один о Чехословакии. Мне его рассказал один друг, когда узнал, что я сюда еду. Один чехословак освободил джина из бутылки, и тот, в благодарность, пообещал исполнить три его желания. Чехословак трижды пожелал, чтобы китайцы напали на Чехословакию, и их агрессия была бы остановлена. «Хорошо, я исполню твое желание», - говорит джин. «Но почему ты не пользуешься возможностью устроить свою жизнь? Я не понимаю, зачем ты загадал

одно и то же желания три раза». Тогда чехословак ему отвечает: «Я хочу, чтобы китайцы шесть раз прошли через Советский Союз».

Анна улыбнулась.

- Я знала его.

- Похоже, тебе не понравилось. Прости, я не хотел поставить тебя в неловкое положение, не хотел оскорбить твои убеждения. Меня не интересует поли...

- Нет, ты неправильно меня понял. Я просто слышала его много раз.

Она ненадолго задумалась, а затем произнесла:

- Должна тебе признаться, мне стыдно, что я работаю в этом музее.

- Да ладно, я понимаю.

- Нет, как ты можешь понять? Просто мне больше негде работать, да и, как тебе известно, здесь все принадлежит государству. Я закончила факультет переводчиков и пять лет работала по специальности в МИДе. Потом меня направили в этот музей, несмотря на мои старания получить другое назначение. Это своего рода идеологическое перевоспитание.

Он сделал жест, словно пытаясь сказать: «У тебя есть проблемы?»

- Не у меня, у моего бывшего мужа. Он был дипломатом, но его исключили из партии в 1970 году, с началом «нормализации». Его обвинили в сочувствии «пражской весне» и уволили из дипломатического корпуса. Вскоре мы развелись, но эта история затронула и меня, по семейным обстоятельства. А зачем, собственно, я тебе это рассказываю? Не знаю. Тебе хочется доверять.

Он склонился к ней и взял ее за руку, а затем погладил по волосам. Анна обернулась к нему и поцеловала его запястье... «И это только второй день», - подумал Патрик. Поездка в Прагу начинается как нельзя лучше.

***

- Счет, наверно, - целое состояние, - пытливо предположила Анна, указывая на бумажку в руке у Патрика. «У Мецената» - один из самых дорогих ресторанов.

- Совсем не дорого, - ответил Патрик, доставая из кармана горсть крон. Всего двадцать пять долларов по ценам черного рынка.

- Как месячная зарплата, - заметила Анна.

- И как же вы живете? – озадачился Патрик.

У него появился шанс узнать подробности о жизни в Чехословакии.

- Да ты не думай, обычные люди не ходят по таким местам, - пояснила она. Чехословацкие рестораны весьма доступны. К тому же жизнь тут устроена иначе, чем на Западе. Квартплата, электричество, телефон – все практически бесплатно, а продукты питания, если ты их, конечно, отыщешь, стоят дешево. Даже с деньгами не так уж много чего можно приобрести. Поэтому эти двадцать пять долларов в кронах, которые мы получаем, - как бы на карманные расходы. Перекусить по дороге, сходить в кино.

- Карманные расходы, - задумался Патрик. Не так уж и плохо. Я каждый месяц должен находить деньги, чтобы оплачивать дом, векселя, кредитные карты. А у вас есть кто-то вроде большого папы.

- Нам пора идти, - перебила его Анна, кивнув в сторону официантов, которые уже убрали соседние столы и ходили кругами вокруг сидящей пары. Патрик заметил, что все посетители разошлись, и вылил в свой бокал остатки второй бутылки красного вина.

- А мы только начинаем, - сказал довольный Патрик. – Слышал я, здесь много хороших джаз-клубов.

- Придется тебя разочаровать. Последний джаз-клуб закрылся по решению Центрального комитета по нравственному воспитанию молодежи. Жизнь здесь останавливается в одиннадцать вечера, и все заведения закрываются.

Патрик немного помедлил, а потом взял ее руку, погладил еще раз ее волосы и, увидев, что она откликается, предложил:

- Пойдем ко мне, туда, где я остановился на эти дни. Я привез из Франции хорошее красное вино.

Он достал из кармана листок с адресом. Пригласившая их чехословацкая сторона не предоставила гостиницы, и поэтому Патрик решил пожить у матери одной чехословацкой журналистки, работавшей на парижском «Radio France International» в отделе Восточной Европы. Официально он просто гостил у этой женщины, поскольку частным лицам было строго запрещено сдавать свою жилплощадь, но на самом деле он платил ей половину суммы, которую он мог бы отдать за номер в хорошей гостинице. Впрочем, таким образом он помогал матери журналистки. Дом был большой, как и обещал их общий парижский знакомый, предложивший этот экономичный вариант, а женщина была рада хотя бы просто посмотреть на человека из тех краев, где находилась ее дочь.

Шел снег. Скульптуры на Карловом мосту были припорошены снегом, а внизу простиралась покрытая льдом река. Они остановились посередине моста и обернулись в сторону Градчан. Освещение и снег делали величественный замок на холме похожим на замок злой колдуньи из детских сказок. Он обнял ее и поцеловал в губы. Она не сопротивлялась.

Домой они добрались к часу ночи, совершенно замерзшие, не найдя такси в центе города. Они сняли промокшую обувь и оставили ее у входа. Свет везде был потушен – очевидно, хозяйка следовала положенному распорядку. На носочках они поднялись по деревянной винтовой лестнице в комнату Патрика. Он спустился на кухню за бокалами. Когда он зажигал свет, ему послышался какой-то шум, однако он не придал этому никакого значения. Потом они выпили вино, он опять ее поцеловал, и, когда, раздевшись, они улеглись в кровать, было уже третий час ночи.

«В постели с экскурсоводом полицейского музея», - подумал Патрик. Он еще не успел отомстить за ввод советских войск и за крушение «пражской весны», когда внезапно распахнулась дверь комнаты. В тусклом свете, идущем от лампы в коридоре, появилась хозяйка квартиры в ночной сорочке и громко крикнула что-то по-чешски.

Патрик едва успел залезть под одеяло, а после спросил Анну:

- Какого черта ей надо?

- Она сказала мне убираться из ее дома. Она решила, что я – валютная проститутка.

Хозяйка вышла из комнаты, но через стекло в двери было видно, как она нервно вышагивает по коридору.

Патрик быстро натянул брюки и свитер, Анна же, одевшись, молча сидела на краю кровати. Он попросил ее объяснить хозяйке, не говорившей ни на одном из иностранных языков, что она гид, а не путана. Анна не решалась.

- Она не поймет.

- Скажи ей.

Она подошла к приоткрытой двери и что-то громко сказала по-чешски. Последовавший хозяйкин ответ был все таким же резким и громким.

- Она говорит, что те, кто общается с иностранцами, работают на спецслужбы и что мне надо поскорее убраться отсюда.

- Тогда мы уйдем вместе, - решительно сказал Патрик. – Пойдем в гостиницу.

***

- Будьте добры, покажите вашу визу. И паспорт и визу госпожи.

Патрик автоматически полез в карман, и вспомнил, как накануне отдал документы хозяйке квартиры. По чехословацким законам каждый приезжий был обязан в течение двадцати четырех часов зарегистрироваться в ближайшем к его месту жительства отделении полиции. С помощью соседки, которая была похожа на дореволюционную благородную даму и говорила по-французски, хозяйка объяснила ему, что сама договориться со знакомым полицейским в местном участке. Паспорт ему вернули, и, вложив в него двадцатидолларовую купюру, он передал документ администратору гостиницы «Интерконтиненталь».

- Мы остановились в другом отеле, но нам там не понравилось, и мы решили перебраться сюда. Виза и багаж остались в старом отеле.

Администратор взял деньги и, улыбаясь, сказал:

- Хорошо, но завтра принесите мне визу. Паспорт дамы?

- У меня нет паспорта. Я чешка, - по-английски сказала Анна.

Администратор положил деньги обратно в паспорт и пододвинул его обратно к Патрику.

- Сожалею, но я думал, дама – иностранка. Чехословацким гражданам запрещено останавливаться в гостинице.

Патрик начал рыться в карманах, но администратор быстрым движением руки остановил его:

- Дело не в деньгах. Есть строгие правила.

- Я бы хотел узнать, почему...

Администратор пожал плечами и уселся на свое место. Он вел себя так, как будто его спросили, когда человек перестанет эксплуатировать другого человека. Глубоко зевнув, он взял в руки газету, которую читал до того, как его потревожили

ночные гости. По пути к выходу, Патрик взглянул на часы – стрелки показывали половину четвертого.

- Я опять-таки предлагаю, - сказала Анна. - Пойдем ко мне?

- А я опять-таки говорю тебе, что это невозможно, - ответил Патрик. – Я бы не хотел оказаться в одном доме с твоим бывшим мужем.

- Но в этом нет ничего такого, - уже без особой надежды настаивала Анна. – Квартир на всех не хватает, и разведенные вынуждены годами проживать вместе. Часто и со своими новыми любовниками.

- У нас это называется групповуха, - упрямо возразил Патрик. – Отличная система: с одной стороны, людям запрещено снимать номер в гостинице, с другой – им навязывают групповой секс.

Анна смотрела на небо с выражением отчаяния на лице. Снег прекратился, и было страшно холодно.

Они шли в обнимку через старый еврейский квартал, потом вдоль реки.

- По тебе заметно, что ты впервые в социалистической стране.

- Что ты имеешь в виду?

- Ты ничего не знаешь о нашей жизни. Здесь практически все, по крайней мере, раз были женаты и развелись. Для молодых людей, стремящихся вырваться из лона семьи, брак – единственный способ получить жилплощадь, потому что государство выделяет его, в первую очередь, молодым парам. Поэтому все разводятся...

***

В парадной мрачной многоэтажки стоял резкий запах дихлофоса. Анна жестом приказала ему ждать внизу и начала подниматься по скрипящей деревянной винтовой лестнице. Патрик прикурил еще одну сигарету – за день он выкурил больше пачки. Вскоре спустилась Анна с ключом в руке.

- С моей подругой нет никаких проблем. Правда, в общежитии нас может не пропустить вахтер.

- Вот смеху-то будет.

До общежития было три четверти часа дороги, и, пока они отыскали такси и доехали, начало светать. Ехали они молча. Только раз Анна шепнула ему:

- Я вспомнила еще один анекдот: «Социализм похож на горизонт. Насколько ты к нему приближаешься, настолько он от тебя отдаляется».

- То же самое я бы сказал про секс при социализме. Насколько ты уверен, что все получится, настолько, выясняется, это невозможно, - со смехом парировал Патрик.

Несмотря на просьбы и доводы Анны, вахтерша – толстая женщина в черной одежде – была неумолима. Мужчинам вход в женское общежитие был заказан. Не помогло даже щедрое предложение Анны в чехословацких кронах.

***

- Как та самая вахтерша, что не пропустила нас на Мосфильм в день нашего знакомства, - произнесла Мадлис, отрываясь от экрана компьютера.

Я седел рядом с бокалом в руках и, пользуясь случаем, перечитывал свой роман.

- Тебе не надоело? Ладно, завтра продолжишь, - сказал я ей.

- Нет, ну пожалуйста, еще чуть-чуть. Интересно ведь.

- Тогда я пошел спать, и когда закончишь...

- Нет, не оставляй меня наедине с этой адской машиной. Я представления не имею, как она работает...

***

- Ладно, ничего страшного. Зато я узнаю с тобой много нового. Вчера, в музее, я узнал, как сложно отсюда бежать. Вечером – как сложно здесь оставаться.

Патрик старался утешить ее. Они пили водку в каком-то кафе в полуподвале старого здания в центре города, там, куда заходит рабочий класс пропустить рюмочку перед началом заводской смены. Уже расцвело, но погода была пасмурная, моросил дождь – лучшее время для пражской меланхолии... Город постепенно оживал, сквозь стекла кафе Патрик видел красные трамваи, с шумом пересекающие заснеженные дороги. Анна беззвучно плакала, и, когда Патрик взял под столом ее руку, взглянула на него влажными глазами и тихо сказала:

- Я больше не могу жить в этой стране.

- Не грусти. Я помогу тебе уехать. Мы уедем вместе.

Она с мольбой посмотрела на него.

Вдруг входная дверь кафе распахнулась, и вошли четыре крупных мужчины. Все разговоры затихли, и в зале воцарилась полная тишина. Патрик не мог понять, что случилось: на вошедших не было формы, они не были похожи на полицейских в штатском, но на руках их были красные повязки, как у французских студентов, стоявших на карауле в мае 1968. Патрик взглянул на Анну. Лицо ее побледнело, рука со стаканом замерла. Вошедшие оглядели зал, подошли по очереди к нескольким столам и проверили документы. Пару раз они задавали вопросы и что-то записывали. Пройдя мимо стола, за которым сидели Патрик и Анна, они прошли вглубь помещения, проверили еще кого-то, а затем открыли дверь и вышли. Посетители кафе вновь оживились, официант принялся бегать между столиков, а Анна наконец-то пришла в себя. Патрика распирало любопытство.

- А это-то что такое?

- Дружинники. После последней резолюции ЦК о борьбе с паразитизмом по всей стране были сформированы отряды дружинников. В рабочее время они проверяют кафе, кинотеатры, бани и даже парки и отлавливают тунеядцев. Потом они сообщают по месту работы тех, кто им кажется подозрительным, или тех, кто не может внятно объяснить, почему он не на работе. Если руководство решит, что причина действительно не уважительная, то могут лишить месячной и зарплаты и даже уволить.

- Моя бабушка, кажется, рассказывала мне, о подобных отрядах, которые отлавливали сбежавших из школы детей. Как же они назывались?.. Не полицейские. А! Вспомнил – «детские инспекторы». А ты почему испугалась? Музей же сейчас закрыт.

Она пожала плечами и склонила голову. В конце концов, она произнесла:

- Не знаю. Просто боимся. Без повода. Я, может, и знала, что придраться ко мне не за что, но они могли решить, что во мне есть что-то подозрительное...

Ласково взяв ее руку, он посоветовал ей поспать несколько часов перед работой. Сам он не успевал, потому что официальная программа предусматривала посещение автозавода «Шкода», а во второй половине дня они должны были находиться в редакции газеты «Руде право», ежедневного органа коммунистической партии. Вечером его и других французских журналистов ожидал прием во французском посольстве – шанс обсудить проблему Анны с кем-нибудь из дипломатов. Также, если успеет, он собирался обсудить эту тему с Густавом, официальным сопровождающим группы журналистов, который пообещал помочь решить любую проблему. С Анной они договорились, что он встретит на следующий день в шесть, после работы.

В тот же вечер, на приеме в посольстве Франции, Патрику удалось поговорить наедине со вторым секретарем посольства. Его ответ был неутешителен:

- Лучше забудьте. Разрешение на выезд на Запад дается лишь в исключительных случаях. Поразительно, как это у вашей подруги хватило смелости провести с вами время. Помните, что все мы здесь - потенциальные шпионы.

- А если я женюсь на ней?

- Вы так влюблены?

- Она восхитительная женщина, но мы не так уж давно знакомы. Не знаю даже, влюблен ли я. Однако мне сильно не по душе, когда людей удерживают силой...

- Как я понимаю, вам навряд ли охота обсуждать плюсы и минусы социалистической модели.

- О социализме у меня нет практически никакого представления, и еще меньше меня интересует политика.

- Значит, вас интересует эта женщина. У нас одинаковые интересы. Если вы хотите хорошо провести время, я бы порекомендовал вам найти какую-нибудь девушку, работающую в гостинице. Возможно, у нее будут иные нравственные устои, но все ваши практические проблемы будут решены.

Патрик не успел ответить.

- Не удивляйтесь. Ваша квартирная хозяйка была права, когда так разгневалась. Почти все эти женщины сотрудничают с органами, и им разрешено работать в обмен на информацию. Она, видимо, решила, что вы познакомились в какой-нибудь гостинице. Как ей догадаться, что ваша дама работает экскурсоводом в полицейском музее и поэтому говорит по-английски. К сожалению, в Чехословакии существует извращенное представление о нас, французах. Они считают, что мы всегда ищем легких отношений.

- А брак? Я бы с удовольствием бы пошел на это.

- Брак не гарантирует разрешение на выезд. Бывали случаи, когда ждать потом приходилось по пять лет.

- Странно, но наш официальный сопровождающий, чехословак, показался мне более оптимистичным, чем Вы.

Лицо французского дипломата исказилось в гримасе, будто бы говорившей: «Вот - очередной простак».

Патрик пересказал свой разговор с Густавом, имевший место чуть ранее в тот же день, когда они ехали на небольшом государственном автобусе с завода «Шкода» в редакцию «Руде право». Густав так заинтересовался, что даже записал имя и место работы Анны и пообещал передать просьбу Патрика своему начальству, чтобы уже через несколько дней ответ был готов. В противоположность словам французского дипломата он утверждал, что разрешения на выезд даются обычно без проблем.

- Вы сообщили ему, что речь идет о любви с первого взгляда?

Патрик утвердительно кивнул.

- А, ну тогда другое дело, - с иронией заметил второй секретарь. – В социалистических странах любовь всегда в почете.

***

- У вас, разумеется, была возможность убедиться в том, что те, кто стремится дискредитировать социалистическую Чехословакию, не гнушаются никакими средствами.

Просьба Патрика была незамедлительно передана руководству Густава, и уже на следующий день он сидел в кабинете Ивана Плиты, заместителя министра Внутренних дел по вопросам национальной безопасности, сам толком не понимая, как он там оказался. После первых общих фраз Плита перешел к делу. Он хотел выяснить, каковы политические взгляды Патрика, и сделать так, чтобы тот признал «возмутительность попыток дискредитации развитого социализма».

Патрик непроизвольно рассмеялся.

- Я недавно начал работать как журналист и осветил пока только несколько судебных процессов в Лионе. Любезное приглашение вашего посольства показалось мне замечательной возможностью посетить Чехословакию, но это мой первый визит в социалистическую страну, и у меня нет никакого представления о существующем положении вещей. Может быть, это покажется вам странным, но я абсолютно равнодушен к политике.

- Однако у вас была возможность убедиться в попытках дискредитации, о которой я вам говорю...

- Ну, если это утверждаете Вы, специалист по подобным вопросам...

Замминистра Внутренних дел по вопросам национальной безопасности от удовольствия сглотнул слюну. Это был худосочный невысокий человек, лет пятидесяти, с худыми руками, в которых он теребил какой-то чехословацкий армейский орден.

- Вот, скажем, недавний случай. Не знаю, в курсе ли вы дела гражданина А. Х.?

- Понятия не имею.

- Странно, о нем очень много говорили на Западе. Этот чехословацкий гражданин хотел выдвинуться на пост Председателя Республики. Он даже издал брошюру со своей программой и разослал повсюду ее на свои средства.

Замминистра сделал паузу, будто бы ожидая от Патрика комментарий.

- А что это была за программа? Антисоциалистическая?..

- Не совсем. Он просто заявлял, что необходимы изменения в модели принятия решений ООН и, что касается Чехословакии, выдвигал свои предложения по поводу борьбы с бюрократией. Точно такие же предложения были выдвинуты на недавнем съезде Компартии. Оттуда же он позаимствовал идею о необходимости более деятельного участия граждан в процессе проведения в жизнь партийных резолюций.

Наверное, лицо Патрика выражало недоумение, потому что замминистра расплылся в улыбке. Он бросил на стол орден, поднялся с места и принялся ходить туда-сюда, попутно разглядывая Патрика.

- Проблема в том, что он делал политические предложения и хотел выдвинуть свою кандидатуру. Не спрашивайте меня, запрещено ли это Конституцией страны, как предвзято спросил меня недавно один ваш коллега. Нет, в принципе, подобные действия не запрещены, покуда они не направлены на смену власти и возврат к капитализму. Но все в нашей стране знают, что решение подобных вопросов – дело Партии...

- Значит, лучше быть подальше от политики, как я.

Замминистра бросил на него пронизывающий взгляд, словно задумавшись, кем на самом деле является Патрик – простофилей или провокатором. Оставив без внимания последнюю реплику, он продолжил:

- Наши психиатры обследовали его и поставили диагноз – «реформационный психоз», навязчивое желание изменить мир. Случай больного А. Х. Был опубликован в «Криминальной хронике», официальном издании чехословацкого Министерства Внутренних дел, с целью подчеркнуть необходимость бдительности со стороны партийных организаций и социалистической системы здравоохранения. Несмотря на то, что именно мы опубликовали этот случай, заметка была переведена и использована на Западе в целях создания для Чехословакии образа государства орруэловского типа.

- Да, это действительно чересчур, - вставил Патрик.

Замминистра вздохнул с облегчением. Предложив Патрику сигарету, он закурил, несколько раз глубоко затянулся и сказал:

- Мы хотели бы попросить вас написать о том, что этот человек был действительно психически болен. После этого вы можете ехать со своей возлюбленной куда угодно.

Патрик остолбенел. Плита же продолжал:

- В противном случае мне будет очень сложно убедить соответствующие органы выдать ей разрешение на выезд. Вы, должно быть, знаете что Анна Линова была замужем за дипломатическим работником, обладавшим секретной государственной информацией. Она относится к той категории граждан, которой выезд из страны, можно сказать, заказан.

В эту секунду Патрик принял решение во что бы это ни стало вывезти Анну из Чехословакии. Ему ничего другого не оставалось кроме как войти в роль.

- Мне необходимо время, чтобы обдумать ваше предложение. Действительно, здесь произошла революция, и, возможно, реформы излишне. На Западе многие люди против революций, но почти никто не против реформ.

- Когда заканчивается ваш официальный визит?

- Сегодня вечером. Завтра я еду в Будапешт.

- Я предупрежу наше посольство в Париже, и, если вам будет угодно, вы можете снова приехать в нашу страну, - проговорил сквозь зубы замминистра. – Кроме того, могу организовать для вас интервью с лечащим врачом А. Х. в психиатрической клинике. Его лечение проходит удовлетворительно.

***

Около восьми вечера поезд Прага - Будапешт тронулся. Всю ночь они занимались любовью. На рассвете они пересекали границу. Переплатив немного крон, они выкупили купе, и, наслаждаясь сексуальной свободой, они опробовали на прочность все четыре койки, запивая все это огромным количеством дешевого советского шампанского.

***

Хардман резко поднялся с места, а его помощники оторвались от своих блокнотов. Вебер сидел подперев рукой голову.

- Мы можем обойтись без прослушивания всего этого романа? - с недовольством спросил глава отдела ФБР.

- Иначе вы не поймете, как развивалась эта история.

- Хорошо, продолжайте, - сказал он, все еще не садясь на место.

***

Когда они впервые остановились передохнуть и до того, как они окончательно опьянели, Патрик достал фотоаппарат и сделал несколько крупных планов Анны на фоне красной занавески, висевшей в купе, как будто это были фотографии на паспорт. В продолжение вечера он неоднократно обещал ей вывезти ее из страны – к тому же, он чувствовал, что влюбляется. Точнее, он уже был по уши влюблен. Они оба сошлись на том, что уже давно, наверное, много лет, так пылко не занимались любовью. Анна твердила, что он не должен писать ничего, что могло бы повредить его карьере, но также признавалась в своем страхе, что другой возможности уехать у нее не будет. Перед тем как сойти с поезда на станции в приграничном чехословацком городке, она поцеловала его и попросила быть осторожным. Еще много дней он слышал ее запах на своих руках.

***

- Ну, Кевин, пожалуйста, покажи мне, что было дальше.

- К сожалению, дальше я еще ничего не написал. Мне осталось еще несколько глав. Надо быстрее их доделать, потому что по контракту с издателем я должен сдать книгу через пятнадцать дней.

- А как тебе пришла в голову эта история? Только не говори, что это из твоей жизни...

- Это история одного француза, журналиста. Ее рассказали мне в Париже. А в 1983 году, когда происходит действие, я на самом деле впервые побывал в Чехословакии, что, собственно, и помогает мне передавать атмосферу того времени.

- А в Москву ты почему приехал? Тебя послала редакция?

- Я сам напросился. Советский союз был для меня загадкой, которая, когда началась перестройки, превратилась в захватывающую перипетию. Ведь никто не может предсказать, чем все это закончится, как в хорошем романе.

- А, может быть, ты ищешь идеальную любовь... И, наверно, поэтому ты придумал эту свою теорию про любовь и социализм.

Она устроилась в кресле рядом с рабочим столом и задала мне вопрос, который ее особенно волновал:

- На фотографии – твоя жена?

- А рядом мой сын, Хауард. Синтия – архитектор. Они побыли здесь некоторое время, а потом она решила продолжить свою карьеру в Америке. Да и малому же Москва не понравилась. Они оба вернулись обратно, но периодически навещают меня. Я скучаю по Хауарду – ему уже четыре года, но мы очень мало времени провели вместе.

- Я тоже скучаю по своему сыну. Ему девять лет. Его зовут Эрик, и живет он у деда в Берлине. Я тоскую по нему страшно.

- Я не знал, что ты замужем...

- Как все люди в соцстранах, я рано вышла замуж и быстро развелась. Как ты верно подметил в своем романе.

- Я почти ничего о тебе не знаю. Помню, ты сказала тогда, когда мы познакомились, на почте, когда я спросил тебя про Восточную Германию: «Да, когда-то я жила в этой стране». Кажется, ты не очень привязана к своей родине.

Она на минуту уставилась в потолок.

- Я люблю Германию, немцы мне не особо симпатичны, потому что для них очень важно чувство долга. После шести лет в Советском Союзе, я чувствую себя больше русской, чем немкой. Русские хоть и безалаберные, но большие энтузиасты и мечтатели. Мне нравится славянская душа.

Я приблизился к ней, нежно поцеловал, потом взял ее за руку и повлек за собой в спальню. Я раздел медленно раздевал ее, глядя на отражение ее красивой обнаженной спины в огромном старинном зеркале во всю стену. Мы молча любили друг друга. Казалось, я уже очень давно знал ее тело. Когда мы закончили, она прикурила сигарету и спросила:

- Герои твоего романа влюблены. И что, коммунизму удастся разрушить эту любовь?

- Я не скажу тебе, чем все закончится. К тому же, я еще и сам этого не написал.

Она лукаво взглянула на меня.

- Ну-ка, скажи, теоретик. При социализме бывает любовь с первого взгляда?

- Разумеется. Почему ты спрашиваешь?

Мы посмотрели друг другу в глаза, и, мне кажется, мы оба поняли, почему она эта спросила.

***

Всю неделю мы не расставались ни на секунду. Это были лучшие дни за все пять лет, проведенные мной в Москве. Поскольку внимание мировой общественности переключилось с Советского Союза на Восточную Германию, Венгрию и прочие страны Восточной Европы, у меня было предостаточно времени, чтобы отдаться чувству, которое казалось мне главной любовью моей жизни. Мадлис переехала из общежития, в котором она жила, в мою квартиру. По вечерам мы куда-нибудь выходили. Ей нравилось ужинать в первом в советской истории кооперативном ресторане на Кропоткинской. Это было единственное место в городе, где в тебя не бросались тарелкой с едой и официанты не толкались, зажигая свечи на столике. Их свет играл в ее дорогом жемчужном колье, которое она обычно носила и которое делало еще более притягательной ее длинную белую шею. Она говорила, что это – единственное, что ей осталось на память о замужестве. Я понял, что денег у нее не много, но она отказывалась даже от того, чтобы я просто заплатил за такси те несколько раз, что она ездила в общежитие улаживать какие-то вопросы.

С Фабио мы общались только по телефону. Весьма кстати он связался с этой Ларисой, с которой проводил почти все свое свободное время. Пятнадцать дней с одной и той же женщиной – это были самые долгие отношения в московской жизни Фабио. Даже тогда, когда Лариса летала в Берлин, он сидел дома или ходил куда-то с нашим третьим товарищем, Василисом Папасом. С последним мы шутили по поводу Фабио, что «Мисс КГБ» запретила ему встречаться в ее отсутствие с другими дамами, в противном случае он был бы отправлен в ГУЛАГ на идеологическое перевоспитание. Василис, как настоящий грек, любил повторять, что Аристотель считал дружбу самой необходимой частью жизни, более важной, чем любовь. Однако, в противоположность дружбе как абсолютно сознательному выбору, который выдерживает проверку временем, любовь он считал чем-то таинственным.

***

Осень в том году выдалась теплая и сухая, и по вечерам мы с Мадлис гуляли по Москве. В один из вечеров, когда стояла полная луна, мы оказались на Патриарших

прудах, где начинается булгаковский роман «Мастер и Маргарита», который мы оба считали одним из лучших произведений русской литературы XX века. Мы гуляли в обнимку по берегу пруда, на скамейках под сенью деревьев сидели целующиеся парочки в ожидании рассвета... Возле одной из скамеек собралась группа молодых людей. Кто-то играл на гитаре, остальные же пели какие-то романтические русские песни. Мадлис знала их почти все, и в итоге мы стали петь вместе с ними, выпивая самогон из красной бутылки.

Казалось, она счастлива. Она живо склонилась и поцеловала меня.

- Я чувствую себя самой счастливой женщиной в Москве. Ты изменил мою жизнь...

- Но...

- Я не могу больше так жить. То есть я не могу больше жить на два города – Москву и Берлин. Я хочу забрать своего сына и уехать далеко, ибо, что бы ни случилось с этим государственным строем, боюсь, понадобятся годы для того, чтобы жизнь вошла в свое русло. Мне кажется, я растрачиваю понапрасну лучшие годы моей жизни.

- Ты хочешь сказать, что собираешься меня оставить?

Я сказал это как бы в шутку, но ком сдавил мое горло.

- Я хочу всегда быть с тобой, но мне не дано знать, что с нами будет. Ты еще не свободен...

Она впервые затронула эту тему.

- Мадлис, мне уже очень давно не было так хорошо, и я чувствую, что мои отношения с Синтией исчерпались, но мне нужно время. К тому же, политическая жизнь полна событий, и мне, очевидно, придется остаться здесь еще на некоторое время.

- Не волнуйся, я никуда от тебя не денусь, - сказала она, как будто с сердца ее упал камень.

Немного погодя она весело попросила:

- Давай, сыграй нам на гитаре... Ты же говорил мне, что умеешь.

За все это время у меня не разу не нашлось сил отказать ей в малейшей прихоти. Я начал петь «битлов», подыгрывая себе на гитаре, когда она дернула меня за рукав.

- Пойдем скорее отсюда.

В ее голосе слышалась тревога. Я оглянулся и увидел поодаль мужскую фигуру. Человек был одет в плащ, но лицо его было скрыто. Он напоминал прохожего, который остановился, чтобы послушать наш маленький концерт.

- Почему? Что случилось?

Она взяла меня под руку, и мы быстро пошли прочь. Мадлис то и дело оборачивалась, чтобы убедиться, что нас никто не преследует. Я заметил, как помрачнело ее лицо, и мне как бы открылась другая, до этого скрытая, ее сторона. Мы сели в машину и всю дорогу ехали молча, пока не притормозили на улице Герцена. Я припарковался с краю дороги и выключил двигатель.

- Может быть, объяснишь мне, что все это значит?

- Ничего.

- Мы вели себя так, будто за нами гнались.

- Боюсь, дело в этом. Мы боимся даже нашей тени... Где бы я ни оказалась, я буду всю жизнь бояться. Это прямо-таки кафкианский страх, у него нет причины. Возможно, мне страшно оттого, что мне так хорошо с тобой.

- Ты приехала в Москву учиться. Готовишь свой фильм... Есть что-то, чего я не знаю?

- Нет, я тебе все рассказала.

- Тогда скажи мне, какого черта ты боишься. Кто был тот человек, смотревший в нашу сторону. Бывший любовник?

- Кевин, поверь мне. Я говорила тебе, что все эти годы я была одинока в Москве. За все это время у меня были лишь платонические отношения с одним русским киношником. Меня волновало лишь мое возвращение в Берлин и встреча с Эриком. Он – единственный мужчина в моей жизни, кроме тебя...

До дома мы добрались в полном молчании. На следующий день, рано утром, я должен был отправиться в чрезвычайную командировку в Нагорный Карабах. Я встал на рассвете, когда она еще спала, и, перед тем как уйти, нежно поцеловал ее. Через два дня, когда я вернулся в Москву, я обнаружил, что она исчезла...

[Москва, 10 ноября]

- Кевин, тебе опять звонят из Нью-Йорка.

Телеграфные агентства Рейтер и ТАСС не унимались, разрывая мои уши. Телевизор в офисе работал без перерыва, передавая последние известия. Накануне, 9 ноября, пала Берлинская стена. Каждые пять минут раздавались звонки из редакции газеты. Они требовали информацию о реакции Горбачева и других членов Политбюро, о геополитических планах Красной армии в связи с очевидной потерей Восточной Германии, о потенциальных заговорах в недрах компартии, о назревающих событиях в других «братских странах», от Чехословакии до Румынии.

Я поднял трубку и услышал голос Уайтсмита. Он спрашивал, какую роль сыграл Горбачев в свержении Эрика Бауэра или же восточногерманский диктатор «пал» под давлением происходящего внутри страны. Ищи иголку в стоге сена. Как можно в течение нескольких часов ответить на вопросы, касающиеся истории всего XX века?

Я пообещал сделать все, что в моих силах и выпил еще один аспирин. Голова моя разрывалась от боли. С тех пор, как я вернулся в Москву, я не спал уже двое суток. Светлана рассказала мне, что Мадлис собрала свои вещи и уехала через несколько часов после моего отъезда. С того момента она не подавала признаков жизни.

***

Когда в стране происходило что-то серьезное, мы обычно созванивались или встречались с американским консулом для обмена мнениями. Плодами подобных бесед были фразы: «Хорошо информированные источники в советской столице оценивают...», в дипломатических телеграммах в Госдепартмент, или «Как сообщают высокопоставленные сотрудники дипломатического корпуса, предпочетшие остаться неизвестными...» в журналистских репортажах. Во время нашего третьего разговора за этот день, консулу пришла в голову блестящая идея отправиться вечером на открытие выставки, посвященной советским технологиям. Наверняка там был бы какой-нибудь представитель Политбюро или правительства, и мы смогли бы поймать двух зайцев - и общую атмосферу, и официальную реакцию.

Последний, кого я хотел бы увидеть в выставочном центре напротив парка Горького, был Олег Елин. Он выразил протест по поводу моего интервью с «Пионером» и, разумеется, искал возможность отыграться. С другой стороны, журналисту с Запада трудно было найти в тот день человека более подходящего, чем глава КГБ.

Когда я к нему подошел, он был окружен десятком моих коллег, которые задавали ему вопросы об участии Советского Союза в падении режима Бауэра. Как и следовало ожидать, он отрицал любое вмешательство. Елин сразу меня узнал, поскольку когда-то нам довелось довольно-таки долго беседовать на одном из приемов в американском посольстве, когда с началом «перестройки» в Москву прибыла группа агентов ЦРУ для встречи с коллегами из советской спецслужбы. Возможно, мне не надо было спрашивать:

- Несколько недель назад Горбачев официально заявил Бауэру, что тот, кто не хочет приспособиться к текущим процессам, не идет в ногу с нормальным ходом истории. Очевидно, судьба его была решена уже тогда...

Он бросил на меня ядовитый взгляд.

- У меня нет настроения отвечать на ваши, господин Даннахер, вопросы.

- Чем я заслужил подобную немилость?

- Тем, что из руководства партии и мафии вы предпочитаете последнюю.

- Я лишь опубликовал интервью господина Тамуряна. Вы могли бы его опровергнуть.

- Я не привык опровергать представителей криминала.

Потом он раздраженно спросил меня:

- Вы относитесь к тем представителям Запада, кто считает средства массовой информации четвертой властью?

- Если это поможет продолжить нашу беседу...

- Тогда поаккуратней обращайтесь с этой своей властью. Потому что у других она тоже есть, и они могут ее применить.

- Это угроза? – спросил я, когда консул пытался незаметно оттащить меня за рукав.

Тот угрожающе на меня посмотрел и сухо сказал:

- Ничего подобного. Просто совет.

Повернувшись ко мне спиной, Елин пошел прочь, увлекая за собой журналистов и своих подчиненных. Я остался наедине с консулом, который тихо сказал мне:

- Дела плохи.

- Да у них у самих столько проблем, что до меня просто руки не дойдут.

Мы двинулись вглубь выставочного зала. Консул сменил тему:

- Что же случилось с тем небесным созданием, с которым ты познакомил нас в прошлый раз?

Я рассказал ему о своей печали, и мне стало лучше. Человек, переживающий любовное разочарование, ведет себя так же, как и человек, недавно потерявший кого-то близкого. Он детально описывает последние минуты, чтобы освободиться от невыносимого груза воспоминаний.

- Однако казалось, что она без ума от тебя.

- Наверно она не выдержала такого восторга...

- Возможно, это и к лучшему. Не забывай, что у тебя есть Синтия.

- Я серьезно собирался разводиться.

- Ну что с тобой делать. Ты сообщил об этом Мадлис?

- Более-менее.

- В таком случае еще труднее объяснить ее исчезновение. Она должна была бы, по идее, просто прилипнуть к тебе.

- Она не обычная женщина. Поверь мне.

- Да ладно, Кевин. Все мы так говорим.

Я выпил еще одну таблетку аспирина от головной боли. Будучи хорошим дипломатом, Леонард не скупится на безвозмездные утешения.

- Займись своей работой, чтобы забыться. Здесь происходят события мирового масштаба.

- Это хуже всего. Я никак не могу собраться с мыслями.

Мы заканчивали осмотр экспозиции.

- Посмотри на это советское изобретение, - вновь сменил тему консул, указывая на одну из витрин. – Телефон со специальным экраном, на котором появляется номер, откуда исходит звонок. Хочешь – отвечаешь, не хочешь – нет. Идеально для донжуанов.

- Это именно то, что мне нужно. Все эти дни я сижу у телефона, надеясь, что она позвонит, но каждый раз это оказывается Уайтсмит.

Аппарат стоил всего десять долларов. Я купил два - один себе, а второй в подарок Фабио. Потом я вернулся в офис, чтобы написать репортаж. «Глава КГБ отрицает любую причастность Советского Союза к падению режима Бауэра и «стены позора».

***

Когда через два дня Мадлис подала признаки жизни, я играл с Хауардом в гостиной. Мы сидели на ковре перед маленьким манежем с электрическими машинками «made in USSR», которые постоянно вываливались наружу. Синтия находилась в кабинете и была занята своими чертежами. Она подняла трубку и подозвала меня к телефону. Я не смог скрыть свое волнение, когда на другом конце провода послышался ее голос. Она хотела немедленно встретиться. Мне кажется,

что с этого момента Синтия начала догадываться, что между нами встала другая женщина. Я безуспешно попытался придать своему голосу деловой тон, схватил пальто и, неумело оправдываясь, вышел.

Она ждала меня на Пушкинской площади перед недавно открывшимся «Макдональдсом». Появление этой знаменитой сети закусочных в Москве вызвала культурный шок среди населения. Через несколько часов работы перед заведением образовалась очередь длиннее, чем в Мавзолей Ленина. Один известный телеведущий назвал начало работы «Макдональдса» днем рождения демократии в Советском Союзе. «Память», ультраправая антисемитская организация, организовала митинг протеста в связи с тем, что на площади имени великого русского поэта появились Кока-кола и прочие продукты питания с загнивающего Запада.

Я добрался туда к шести часам вечера. Несмотря на легкий снегопад, очередь тянулась до улицы Горького, нынешней Тверской. Чтобы войти внутрь, нужно было прождать пару часов. Как всегда происходило со всем, что ввозилось с Запада, будь то идея или продукт, Россия все переделала в своем стиле, совершенно изменив саму суть явления: «фаст фуд» (быстрое питание) превратилось в свою противоположность. То же самое, очевидно, произошло и с марксизмом. Но это уже совсем другая история.

Я нашел ее, дрожащую от холода в середине очереди. И тогда я впервые увидел Эрика. Он казался старше своих девяти лет, но я сразу понял, что он ее сын, потому что он был так же красив, как и его мать. Мадлис поцеловала меня в щеку. Я почувствовал жар ее губ.

- Кевин, это Эрик. Эрик, знакомься, это Кевин.

У нее был лукавый взгляд, будто она знакомила двух мужчин-соперников. По ее улыбке я понял, что ей нравилась роль женщины, за которую борются. Мальчик что-то пробормотал на смеси русского и немецкого. Когда я предложил отправиться в какой-нибудь хороший ресторан, он нахмурился и посмотрел на мать, словно ожидая чего-то.

- Я обещала ему, что, как только мы окажемся в Москве, я поведу его в «Макдональдс». В Восточном Берлине их нет. И во всем этом переполохе и столпотворении из-за падения стены, мы так и не смогли посетить западную часть города.

Я не видел ее шесть дней, показавшихся мне столетиями.

- Когда вы прибыли в Москву?

- Сегодня утром. На самолете.

К счастью, советская нелегальная экономика позволила решить проблему очереди на Пушкинской площади. Группа граждан организовала торговлю местами в очереди. Те, кто принимал заказ, передавали его своим людям в начале очереди. Так можно было получить свой гамбургер за пять минут. Они брали себе половину стоимости – сущие копейки, если учесть, что в Советском Союзе полный обед стоил меньше доллара по ценам черного рынка. В итоге мы жевали наши гамбургеры и картофель фри в моей «Вольво». На заднем сидении мальчик впервые знакомился с шедеврами западной кулинарии и играл с электрическими стеклоподъемниками. Я дал ему в руки Кока-колу, чтобы он не скучал, а затем

повернулся и посмотрел на Мадлис. Видимо, на моем лице было написано много вопросов.

- Наш дедушка неожиданно заболел, и я была вынуждена срочно ехать, - сказала она совершенно спокойным голосом. – Я была очень напугана и так быстро уехала, что не успела оставить тебе записку. Я хотела позвонить тебе из Берлина, но после падения стены, можешь себе представить, какая чехарда творилась... Ты на меня не обиделся?

Я был слишком рад ее видеть, чтобы изображать обиду. Я ласково погладил ее по руке, стараясь, чтобы мальчик этого не заметил.

- Женщина, которая ответила по телефону, - это твоя жена?

- Они с Хауардом прилетели позавчера. Боюсь, у нас будут теперь некоторые сложности практического характера.

Тут Эрик сказал своей матери что-то по-немецки. Она повернулась ко мне и с улыбкой сказала.

- Он уже достал меня. Он хочет у тебя кое-что попросить.

Я обернулся и заглянул ему в глаза. Он застеснялся, уставился в пол и опять сказал что-то по-немецки – очевидно, он просил мать сказать все за него.

- Он спрашивает, можешь ли ты присутствовать на трибуне официальных лиц во время парада на Красной площади, - разъяснила Мадлис.

- У меня есть приглашение на парад. Он хочет, чтобы я застрелил Елина?

Мне запомнилось, что при звуке этого имени Мадлис слегка дернуло, но тогда я не придал этому значения.

- Он хочет пойти с тобой на ноябрьский парад. Ему все это жутко нравится: ракеты, танки, вся эта атмосфера.

Я с детства терпеть не могу парады, но в этот момент я впервые заметил, что Эрик улыбнулся. Его мать тоже улыбнулась мне. Вот, что случается с теми, кто идет на поводу у детских капризов и, тем более, у женских...

***

В течение следующих дней я видел Мадлис ежедневно. Правда, конечно, заключается в том, что контракт с редакцией не подразумевал использование офиса в качестве холостяцкой квартиры, впрочем, он этого и не запрещал. Она приходила в мой офис около десяти вечера, я же предварительно выпроваживал Наташу домой. Мы оставались вместе до часу ночи, занимаясь любовью на фоне телекса, газетного архива и факса, символа нашего знакомства. Если бы я когда-нибудь развелся с Синтией и женился бы на ней, мы обязательно обзавелись бы факсом в нашем доме. Здание на Таганской было, конечно, ужасным, но вид вечерней Москвы с высоты десятого этажа был бесподобен. Особенно, когда обнаженная Мадлис, опираясь на мой стол, смотрела на городские огни, а я, сзади, со страстью покусывал ее шею и ласкал бедра. Это было как в сказке. То, что случилось в последний наш вечер у пруда, ее внезапное исчезновение – все это потеряло всякое значение, и я никогда ни о чем ее не спрашивал. Я был без ума от нее, и, похоже,

мои чувства были взаимны. Так я усомнился в своей теории по поводу обреченности любви при коммунизме.

Создавалось впечатление, что присутствие Синтии беспокоило больше меня, чем Мадлис. Она дала мне понять, что ревнует меня к моей жене, с другой же стороны, она показывала, что может контролировать свои чувства. Мадлис заканчивала работу над своей короткометражкой через несколько дней, и сразу после этого она хотела уехать из Москвы, но не могла решить, надо ли ей возвращаться в Германию. В любом случае, сначала она собиралась посмотреть на развитие событий и убедиться в окончательности падения коммунизма. Как-то раз, когда я спросил ее, хочет ли она жить со мной в Нью-Йорке, я на мгновение заметил искорку в ее глазах. Она ответила, что весьма бы этого хотела и что через непродолжительное время она смогла бы взять на себя расходы по содержанию себя и Эрика. Впрочем, Мадлис добавила и кое-что само собой разумеющееся – то, что все решения были за мной.

Мне же принять решение было не просто, главным образом, из-за Хауарда. Однако я осознавал, что наши с Синтией отношения более продолжаться не могут. Конечно, проблемы случались и раньше, но теперь я был полностью поглощен Мадлис, телом и душой. Я любил ее и не хотел ранить ее признанием в том, что в моей жизни существует другая женщина. Я видел, что время летит и нисколько не помогает нам. В конце концов, все произошло так, как обычно: за нас решил кто-то третий.

***

То, что случилось накануне парада, должно было дать мне понять, что что-то со мной произойдет. Воспользовавшись выходным днем в нашем неуемном романе с Мадлис, я пораньше пришел домой, и Хауард тут же позвал меня играть в танки. Мы держали в руках по танку и палили друг в друга, а телевизор палил в нас репортажами о подготовке к завтрашнему параду. Хауард повернулся ко мне и благодушно сказал:

- Пап, можно у тебя кое-что попросить?

- Конечно, - спокойно ответил я, надеясь, что речь идет не о том единственном желании, исполнить которое я был не в силах.

- Возьми меня завтра с собой смотреть парад на Красную площадь!

Я мог бы соврать, что мне запрещено проводить кого-то с собой, но я растерялся.

- Так я же туда не пойду.

- Но ведь ты только что сказал по телефону Наташе, что идешь.

Я почувствовал тяжелый взгляд Синтии.

- Да, но я передумал. Я не пойду.

У детей есть поразительная способность понимать, правду ты им говоришь или ложь. Хауард с плачем бросился к Синтии.

- Мама! Папа не берет меня с собой на парад. Мне надоела эта дурацкая Москва. Я хочу обратно в Нью-Йорк.

***

Когда я прекратил свои безуспешные поиски на Красной площади, время было уже почти половина двенадцатого. Это был один из самых неприятных моментов в моей жизни. Я должен был встретиться с женщиной и сообщить ей, что я потерял ее ребенка, которого она мне доверила на несколько часов. Опаздывая, я шел к месту нашей встречи и подбирал доводы, чтобы успокоить ее. На самом же деле, я успокаивал сам себя. Исключено, мы его обязательно найдем, мы обратимся в милицию, где я объясню, что я иностранный корреспондент, и тогда они мобилизуют все силы. Я собирался звонить консулу в надежде на его помощь и дать взятку главному милиционеру Москвы.

Более получаса я ждал Мадлис у Манежа, и, в конце концов, почувствовал облегчение. Я подумал, что, возможно, мальчик сам, потерявшись, пришел в условленное место и раньше меня обнаружил свою мать. Я сел в машину, которую я бросил на Калининском, неподалеку от библиотеки имени Ленина, и по кольцу доехал до Таганской площади к половине второго. Офис был заперт, потому что Наташа отправилась праздновать годовщину Октябрьской революции на свою подмосковную дачу. Телефон звонил не умолкая, пока я один за другим отпирал замки в новой железной двери. Подобными дверьми обзавелись все обитатели этого гетто из-за участившихся краж. Я влетел и схватил телефонную трубку. Это был Уайтсмит из Нью-Йорка.

- Эй, Кевин, где тебя черти носят? Мы нигде не можем тебя найти. Что случилось? Очередная революция?

Голос у него был торжественный. Любые волнения в Советском Союзе он воспринимал как доказательство своей правоты в поддержке режима Пиночета в Чили. В то время как я бормотал что-то в свое оправдание, в дверь позвонили, я попросил его подождать и пошел отпирать дверь. Это была улыбающаяся Мадлис.

- Прошу прощение за опоздание. Я догадалась, что вы поедете сюда.

Я понял, что Эрика с ней нет, и мне пришлось выдавить из себя:

- А Эрик разве не с тобой? Я потерял его во время парада.

Прежде чем она успела ответить, я вернулся обратно к телефону, сказал Уайтсмиту, что перезвоню позже, и повесил трубку вопреки его протестам.

Побледнев, Мадлис опустилась на кожаный деван. Я рассказал ей о происшествии и взялся за телефонную трубку.

- Я позвоню в милицию.

Она жестом показала мне, что это бессмысленно.

- Ты ничего вообще не заметил?

Я взял в руки камеру, подключил ее к телевизору и, стараясь оставаться спокойным, принялся искать кадры с Эриком и иностранными дипломатами.

Эрик говорил с Миллером. Какие-то два человека стояли рядом и слушали их разговор. Он не казался ни рассерженным, ни напуганным, и даже весело что-то лопотал. Затем на экране опять появилась Красная площадь. Отчаявшимся голосом Мадлис произнесла:

- Его похитили. Это Миллер. Официально – Первый секретарь посольства ГДР, а на самом деле – начальник Штази в Москве.

- А ты откуда его знаешь?

Она нервно закурила.

- Я расскажу тебе...

- Думаю, давно уже пора было.

В этот момент опять зазвонил телефон. Я уповал на то, чтобы это оказались похитители. Если бы они потребовали выкуп, я бы без раздумий отдал им его. На этот раз это был не Уайтсмит, а сам Вебер, главный газетный начальник.

- Кевин, я не понимаю. Там происходят события мирового масштаба, мы собрались готовить экстренный выпуск, а тебя как не бывало, да к тому же и трубки бросаешь.

- Случилось что-то очень серьезное, - ответил я.

- У тебя эксклюзивное сообщение? – голос его смягчила надежда.

- У меня проблемы личного характера.

- Что-то случилось? По крайней мере, с Синтией и твоим сыном все в порядке. Мы уже звонили тебе домой, но они понятия не имеют, где ты находишься.

- Нет, случилось что-то другое. Я не могу сейчас об этом говорить.

- Кевин, ты в своем уме? – с гневом воскликнул Вебер. – Мы отправили тебя в Москву не для того, чтобы ты решал свои личные проблемы, и мне плевать на эти твои проблемы. Мы уже не успеваем выпустить экстренный номер, но к завтрашнему выпуску мне нужен репортаж о событиях на Красной площади. Ты хотя бы там был?

- Я все заснял на свою камеру.

- Может быть, тебе следовало бы работать на каком-нибудь телеканале? – взорвался Вебер и бросил трубку.

Хардман снова жестом прервал меня. У меня было впечатление, что если бы руки его были длиннее, он бы заткнул мне рот.

- Значит, так все это было, господин Вебер? – спросил глава редакции.

- В общих чертах – да. Впрочем, я не помню деталей разговора.

Начальник ФБР бросил на нас обоих полный подозрения взгляд и затем произнес:

- Продолжайте, господин Даннахер.

***

Угрозе Вебера я придал меньшее, чем бывало прежде, значение. Я нетерпеливо повернулся к Мадлис. Она прикурила вторую сигарету, в то время как первая еще дымилась в пепельнице. Ее красивые зеленые глаза были полны слез...

- Десять лет тому назад я вышла замуж за Вольфа Бауэра, сына генсека компартии, председателя ГДР. Через год я родила Эрика. Его назвали в честь деда. Когда ему исполнись два года, я решила развестись. Вольф сильно пил. Он был не в состоянии работать и, к тому же, был абсолютно бесчувственным человеком. Как дети богатых людей. Избалованный принц, у которого всегда все было, и ему не надо было ни о чем беспокоиться. А после смерти матери, еще до того как мы

познакомились, он почувствовал себя совсем одиноким. Его отец был больше привязан к дочери, Еве, которая кроме всего прочего была неравнодушна к политике. Вольф был слабохарактерным человеком. Женитьба стала для него как бы последней попыткой начать нормальную жизнь. Но он понял, что никакая другая женщина не в состоянии заменить ему мать. И тогда он запил. На ребенка ему было плевать, и со мной он становился с каждым днем все более и более груб.

Эрик Бауэр был непреклонен, когда я объявила ему, что собираюсь развестись с его сыном. Двумя месяцами ранее, в 1982 году, скончалась от сердечного приступа его дочь. Это ожесточило его. Он сказал мне, что, хотя он и сочувствует моим проблемам с его непутевым, бездарным сыном, но превыше всего для него были честь семьи Бауэр и имидж его страны. Таким образом, он посоветовал мне терпеть ради моего сына, которого, на самом деле, он очень любил. Он сказал, что оставит мальчику все свое состояние.

В один прекрасный день я решила, что не могу больше так жить, что не выживу так. Я собрала небольшой чемодан, только самое необходимое, вышла на улицу и побежала, покуда резиденция генсека компартии, где мы тогда жили, не скрылась из виду. Я хотела найти работу, а потом вернуться и забрать Эрика. Диктатор повел себя так, как какой-нибудь «крестный отец» с предателем «семьи». Наверное, он боялся, что в какой-то момент я придам огласке все, что мне было известно о жизни во дворце и о царящей там роскоши. Через две недели Бауэр запретил мне видеться с сыном. Я пошла к нему, упала ему в ноги, молила позволить нам встречаться с ним хотя бы раз в месяц. Он ответил, что уже слишком поздно. С тех пор он отказывается со мной говорить.

Когда мой сын начал искать меня, в спецшколе для детей номенклатуры, где он учится, по указанию Бауэра переписали все книги. Они убрали слово «мать» из всех текстов, а гувернанткам было строго-настрого приказано: если мальчик начнет спрашивать о маме, отвечать ему, что такого понятия не существует и никакой матери и в помине нет. Две из них не выдержали психологического давления и уволились. У одной был серьезный нервный срыв.

Но поскольку мальчик продолжал меня искать, они решили сменить тактику – очернить меня в его глазах, чтобы он меня возненавидел. Тогда, от отчаяния, я тоже сделала ошибку. Прошло уже шесть месяцев с тех пор, как мне запретили приближаться к моему сыну. Тайком я ждала его за школьным забором, чтобы пусть даже издали увидеть его. Мне пришла в голову дурная идея обраться к адвокату, чтобы уже через суд добиться того, что мне полагается как матери. К тому же считается, что законы наши куда справедливее капиталистических. Адвокат этот имел славу защитника несогласных и несправедливо пострадавших, но на самом деле он сотрудничал со спецслужбами. У него были контакты на Западе, и он практически ежедневно бывал в Западном Берлине. Я попросила его рассказать о моем случае какой-нибудь газете. Но это стало поводом, которого так ждал Бауэр.

Чтобы жить, я нашла работу в выставочном зале в центре Берлина. Я искусствовед по образованию. Сначала они приказали директору уволить меня, а через несколько дней меня арестовали и вывезли на какую-то виллу на расстоянии получаса езды от Берлина. Меня обвинили в сотрудничестве с ЦРУ, в том, что я готовила побег из страны вместе с ребенком с целью дискредитирования

социалистического строя и Генерального секретаря компартии. Они утверждали, что я заранее начала подготавливать для этого почву с помощью публикаций в западной прессе. Единственным доказательством моей виновности служили показания адвоката и фотография, на которой была изображена я с приглашенным галереей американским художником.

Допрос был поистине сталинский. Они пытались заставить меня признать в том, что, как было известно и мне, и им самим, было полным абсурдом. Находясь в подобной ситуации, сталкиваясь со всесильными механизмами подавления, чувствуешь себя беспредельно одиноким. В течение двух месяцев я не видела ни одного родного человека. В моей семье даже не знали о моем аресте. Они думали, что я исчезла или сбежала. Единственная твоя надежда – признать свою вину, чтобы закончилась эта изоляция и психологические пытки.

А в это время они говорили моему сыну, что я планировала выкрасть его у деда и отца на вертолете «плохих» американцев и навредить им. Когда он спрашивал, где я, они отвечали, что я его бросила и вожу знакомства с другими мужчинами, чтобы отец его заболел. Эрик привык к тому, что все, что бы он ни потребовал – игрушки, компьютер или даже зал для просмотра фильмов с друзьями, все это у него было. Бауэр пообещал ему, что когда тот вырастет, он подарит ему «Феррари» и частный самолет. Ему говорили, что я хочу уехать в нищие капиталистические страны, где он будет бедствовать.

Я отказалась подписать признание. Мое отчаяние из-за разлуки с сыном было столь велико, что мне было все равно, что со мной будет. В конце концов мне помогла Индира Ганди. Премьер-министр Индии и раньше хорошо ко мне относилась. Когда-то мы всей семьей побывали в Индии, до того как начались мои мучения. У нее были хорошие отношения с моим свекром, к тому же она считалась главой «неприсоединившихся стран» и союзником СССР.

Незадолго до ее убийства, она посетила Берлин с официальным визитом. Я случайно об этом услышала по радио, которое слушал мой охранник. Я знала, что врач, следящий за моим здоровьем, влюблен в меня. Он работал во дворце, они не доверяли другим докторам. Я претворилась, что неравнодушна к нему, и передала через него записку для Ганди.

- Ты хочешь сказать, что у тебя был роман с этим врачом?

Она грустно кивнула.

- У меня не было другого выхода. Мне очень повезло, что записка не попала к ним в руки, пока я ее писала. Два раза я была на волоске от катастрофы. Они могли обвинить меня в том, что я призываю иностранцев вмешаться во внутренние дела страны. В записке я просила ее об одном: пусть мне позволят хоть на минуту увидеть Эрика.

Бауэр не согласился на нашу с Эриком встречу, но разрешил Ганди навестить меня. Она с трудом меня узнала, ведь я потеряла около пятнадцати килограммов. Она сказала, что единственное, что она может сделать, это послать меня в Москву под предлогом учебы. Ты не думай, тогда, до «перестройки», Москва считалась образцовым местом изгнания. Так я провела здесь шесть лет, без права на возвращение на Родину даже на несколько дней.

С тех пор Эрика я не видела. Я жила одной единственной мыслью. Никто другой не являлся мне во снах. В дни падения режима Бауэра и Берлинской стены,

я решила, что благодаря всей этой суматохе у меня появился шанс. Я полетела в Берлин. Я ждала его около школы. Пускай прошло столько лет, но он сразу меня узнал и бросился в мои объятия. Его охранники были в курсе всех предшествовавших событий, но в те дни всем было не до этого. Диктатор и его сын находились под домашним арестом. Я сказала им, что мы просто прогуляемся с Эриком, а затем я отвезу его на виллу, где находился его дед. Но, конечно, я скорее бы умерла, чем снова его потеряла. Мой бывший свекор был вне себя от злости на охранников и, как мне рассказали, поклялся вернуть ребенка себе.

Пусть его и сняли с должности Генерального секретаря, но он не потерял своего влияния. Его преемник в руководстве партии – это его любимый ученик, который считает Бауэра своим духовным отцом. Коммунисты все еще у власти, они контролируют армию и полицию, спецслужбы, крупные предприятия, дипломатический корпус, всю государственную машину. Я знала, что, как только они оправятся от удара, они попытаются забрать мальчика, но у меня не было ни денег, ни визы уехать в другую страну. Я быстро сделала ему документы и, за неимением иной возможности, мы приехали в Москву.

- Ты скрывала от меня всю свою жизнь.

Она рыдала навзрыд.

- Я много раз пыталась рассказать тебе все это, но в последний момент терялась. В первые дни нашего знакомства у меня не было причин рассказывать тебе о своем прошлом. Когда я поняла, что люблю тебя, что ты стал мне родным человеком, я испугалось, что если расскажу тебе всю правду, то ты решишь, что я ее от тебя скрывала. К тому же, мне так хотелось забыть о прошлом и начать с тобой новую жизнь... Как я могла предвидеть, что они похитят Эрика...

- А в тот вечер, на Патриарших прудах, это был...

- Да, даже здесь они не оставляли меня в покое. Кевин, я не смогу жить без своего сына. Я ни минуты не смогу вновь выносить все эти муки последних лет.

- Не бойся. Мы вернем его, - говорил я, утирая ей слезы.

Часть вторая

Русская рулетка

Ольга молчала. - Эх! - вскричал Владимир.
– Почемуты не можешь любить меня так, как я тебя люблю.
- Я люблю мою родину - ответила она.
- Но я тоже - воскликнул он.
- Но еще я люблю... - начала Ольга,
освобождаясь из объятий молодого человека.

- Что? - спросил он. Ольга подняла на него прозрачные голубые глаза и быстро ответила:
- Партию.

Сергей Антонов, «Большое Сердце» (1957)

Я был уверен, что в тот вечер найду американского консула на аукционе антикварной мебели, который проводился в районе Лужников. Мы встречались в этом самом месте практически еженедельно... Я уселся рядом с ним, на первом ряду. Он тут же предложил мне компромисс: если я передумаю покупать секретер XIX века, уже давно облюбованный нами обоими, тогда он откажется от ширмы с гравюрами ручной работы.

- Забирай и то, и другое. Только окажи мне одну услугу.

Я рассказал ему о похищении. Аукцион начался, и Дарел сделал свою ставку. Обзаведясь деревянной шляпной коробкой, он повернулся ко мне и поинтересовался, что именно мне было так нужно.

- Я хочу узнать, где находится мальчик.

- Да ладно, Кевин, ты же знаешь, что посольство такими вопросами не занимается...

- А также я знаю, что в посольстве имеются сотрудники ЦРУ, которые как раз и занимаются такими вопросами. У них должен быть свой человек среди гэдээровцев.

Тот задумчиво посмотрел на меня. Еще минута, и секретер был бы навсегда потерян.

- Ты прекрасно знаешь, что я считаю Мадлис красивой, очаровательной женщиной. Я сразу тебе это сказал. Но мне кажется, что тебе следует завязать с этой историей. И чем быстрее, тем лучше. Здесь целый мир рушится. Ты не можешь бросить все ради спасения какого-то мальчика.

- Однако в его похищении есть и моя вина.

Дарел сделал паузу, чтобы подумать, нужно ли ему старинное зеркало.

- Это не твоя вина, а той женщины, которая скрыла от тебя, кем она является на самом деле, и которая не предупредила тебя на счет ребенка. Как ты не понимаешь, что, сам того не ведая, ты влезаешь в весьма запутанную авантюру. У тебя есть Синтия, сын, карьера, в конце концов.

- На моей карьере свет клином не сошелся.

- Ерунда, Кевин. Ты говоришь ерунду. Если бы не твоя работа, тебя бы сейчас вообще в Москве не было. Будешь выращивать картошку где-нибудь в Коннектикуте.

- Я люблю ее, Леонард. Она мне очень дорога.

- Ты сумасшедший, Кевин. Ты не можешь бороться с Миллером. Он всесилен. У Штази самая сильная в мире агентурная сеть. Они организованы лучше, чем ЦРУ. После Второй мировой войны, эту спецслужбу реорганизовывали

советские специалисты. Но ученики быстро обогнали учителей. Ты знаешь немцев: они методичней и преданней своему долгу. За ними прусская традиция, а русским похвастаться нечем, кроме неорганизованности и развала империи, да и всего того беспорядка, что привел к большевистской революции. С русским можно работать при наличии некоторого количества водки и несколько тысяч долларов. С гэдээровцами гораздо сложнее. Они не испорчены алкоголем. Они верят, что их социализм выше советского. Они презирают русских и не скрывают этого.

»Миллер – не просто главный «мент», он еще и Первый секретарь главной дипломатической миссии в Москве. Без нас русские проживут. В конце концов, до недавнего времени мы были врагами. И очень даже может быть, что мы являемся ими и по сей день. Без Восточной Германии СССР не выживет – раздел Европы потеряет свой смысл. Мадлис совершенно права, говоря тебе, что на ее родине все до сих пор находится под Бауэром и его людьми. И, если хочешь, могу добавить еще кое-что к ее словам. Здесь тоже одерживают верх приверженцы старого режима. Советские функционеры осознали, что перестройка может оставить их ни с чем. Не исключено, что Горбачев поддержит их линию. И я боюсь, что сегодняшние события на Красной площади могу сыграть решающую роль. Некоторые наши информаторы сообщают, что все было организовано КГБ.

- Я могу об этом написать?

Посреди всего этого хаоса я должен был отыскать что-то существенное и описать события этого дня.

- Напиши. Только на меня не ссылайся. Об этом все знают и все молчат. В этой стране даже оппозиционные организации связаны со спецслужбами. После сегодняшнего провала консерваторы будут ждать, что Горбачев бросится к ним. После того как его освистали его же собственные дети - организации, которые появились на свет в результате его же реформ. У него нет иного выбора, кроме как присоединиться к консерваторам. Кроме того, они уже давно убеждают его, что этой истории с перестройкой пора положить какой-нибудь конец. Он не может остаться без союзников, в одиночестве запершись в стенах Кремля. Главный штаб советских войск возмущен падением Берлинской стены. И они по-своему правы: потеря Восточной Германии и Польши равнозначна потере форпостов в случае нападения. Звучит цинично, но такова наша жизнь. Она сама цинична.

- Да, но у Горбачева не очень хорошие отношения с Бауэром...

- Не будь наивен. Между ними могут существовать разногласия, но они касаются лишь вопроса кратчайшей дороги к коммунизму. Никто из них не хочет проиграть. Они оба находятся в одном лагере, они товарищи по оружию, и это им прекрасно известно. Свой своему поневоле брат, дорогой мой. И ты собираешься воевать с ними со всеми и самостоятельно освобождать ребенка? Мне кажется, ты смотришь слишком много кино.

- Я смотрю, дипломатический работник ни в грош не ставит любовь в сравнении с соотношением геополитических сил.

Я разозлился и собрался уходить, но консул схватил меня за руку, и я сел обратно на свое место. Не отрывая глаз от ведущего аукциона, он с усмешкой сказал мне:

- А ты знаешь, что Ленин любой наемный труд называл проституцией?

- Ну что это опять. Самокритика?

- Новости о дочери твоей домработницы. Той самой студентке, что влюбилась в нашего соотечественника и хотела получить визу... Мы сделали запрос из консульства в МВД. Мы всегда делаем такие запросы для выдачи визы, чтобы убедиться в отсутствии судимостей.

- И каков же результат столь плодотворного сотрудничества?

- Интердевочка. Это от слова «интернационал». Интернациональная девочка, валютная проститутка, другими словами. Ее трижды задерживала милиция возле элитных отелей для интуристов. Боюсь, система развратила здесь всех до последнего.

- Ты прав. Она нас всех развратила.

***

В одной советской сатирической газете писали, что гостиница «Ленинградская» обязательно займет место в истории по соседству с первым съездом Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде. С началом перестройки здесь было открыто первое в Советском Союзе казино. Гостиница находится между Ленинградским вокзалом и Садовым кольцом. Это одна из семи разрывающих московское небо гигантских высоток. Самая большая из них простирается ввысь на двести сорок метров. Постройка их началась в 1947 году, и трудились на ней, в основном, политзаключенные. Сам Сталин контролировал работу по проектированию этих зданий и хотел построить небоскребы выше нью-йоркских. Возведение восьмого подобного здания было запланировано на Красной площади, там, где сегодня находится гостиница «Россия». Но от этих планов в конце концов отказались, поскольку рядом с высоткой Кремль напоминал бы провинциальную постройку. В трех из этих высоток теперь находятся службы и жилые квартиры (для лояльных режиму работников искусства), в четвертой размещается МИД, в пятой – МГУ, а две оставшиеся эксплуатируются в качестве гостиниц. Советским гражданам, которые безвозмездно работали на коммунистических субботниках, помогая возводить эти соборы социализма, никогда бы не пришло в голову, что один из них превратиться в будущем в капище азарта.

Вход в казино стоил десять долларов с предъявлением справки о происхождении валюты. Но можно было пройти и без справки - за пятнадцать, сунув пятерку портье. Изначально постояльцами гостиницы были партийные работники и мафиози. Теперь же они просто перекочевали на первый этаж. В центральном зале находились два стола с рулетками, пять-шесть столов для блэкджека и бар в глубине зала. Через несколько месяцев после открытия казино, спор двух игроков о том, кто же из них поставил на красное, закончился перестрелкой с двумя трупами и множеством раненных.

В тот вечер я зашел туда в поисках «Пионера». В зале было не продохнуть от дыма и посетителей, большую часть которых составляли русские, азербайджанцы, грузины, а также несколько казахов. «Пионер» был на месте. Сперва я увидел знакомых уже «афганцев», снующих туда-сюда по помещению казино. Сам он сидел за рулеткой. Перед ним была разложена гора фишек. Когда я

к нему подошел, он забросил игру с фортуной ради общения с какой-то красавицей родом из Риги. Он был уверен в своей удаче...

«Пионер» обрадовался, увидев иностранца, с которым он мог поделиться своими сокровенными мыслями о смысле жизни. Резким движением он оттолкнул девушку, которую до этого обнимал, жестом пригласил меня сесть рядом с ним и позвал официанта. Тот примчался с такой улыбкой, как будто ему сделали специальный лифтинг лица. «Пионер» заказал водку с тоником и поинтересовался у меня, какими добрыми ветрами занесло меня в его логово. Когда я попросил его пообщаться со мной наедине, он прогнал окружавших его девиц, давая при этом понять, что те прибегут обратно по первому его мановению.

Я сделал несколько глотков и в общих чертах изложил ему, что произошло. Я просил его о помощи в обнаружении местонахождения мальчика. «Пионер» закурил сигарету, выдохнув дым в лицо наглой блондинки в супермини, которая попыталась было нас прервать, внимательно огляделся по сторонам и сказал:

- Думаю, тебе крупно повезло. Подожди минуточку.

Он подошел к столу для блэкджека и несколько минут наблюдал за игрой. Затем он шепнул что-то на ухо игроку с засаленными волосами и длинными бакенбардами, обнял его за плечи и повел к выходу. Вскоре «Пионер» вернулся. Вид у него был задумчивый.

- Повезло тебе, однако. Тебе выпало зеро.

- Я давно не играл в рулетку. Объяснишь?

- Если ребенок находится в посольстве ГДР, то ты попал. Район этот находится не под нашим контролем. Тот, с кем я сейчас говорил, - не последний там человек. Он говорит, что нужно пол Красной армии, чтобы попасть в это посольство. Там как в крепости. Во всех кабинетах окна смотрят во двор, и поэтому слежка невозможна. Ни в одном из кабинетов не установлен телефон. Все аппараты находятся в коридорах. Так что прослушка тоже исключена, даже с помощью новейшего оборудования. Представь себе, во дворе у них имеется скважина, чтобы, если случится война, не остаться без воды.

Он как-то грустно посмотрел на меня.

- Как же тебя угораздило вляпаться в такое дело...

Потом он прибавил, ухмыляясь и указывая на девушек, которые томились поодаль в ожидании.

- Столько женщин кругом...

- Откуда я мог это знать? В день нашего знакомства, ты завалил меня данными статистики.

- Я слышал, у тебя проблемы с Елином. После нашего разговора... У тебя есть люди, которые могут помочь?

Я отрицательно покачал головой. Однако вдруг я вспомнил про Юрия Любимова, бывшего разведчика, которого я приглашал к себе на первый ужин с Мадлис.

Он взглянул на меня так, как смотрит на пациента врач-онколог после постановки диагноза.

- Лучше, брось это все. Давай поиграем в американскую рулетку. Не надо русской.

- Я не могу оставить в беде этого ребенка.

Возможно, я затронул какую-то струнку в душе «Пионера», потому что тот с силой хлопнул меня по спине и произнес:

- Ты хороший мужик. Я сообщу тебе, как только будут новости.

Я залпом допил свою водку.

- Хочешь еще? Останься сегодня с нами, развейся.

Он жестом подозвал девушек и представил мне какую-то казашку с раскосыми глазами.

- Она сегодня твоя.

Та, соглашаясь, закачала своим декольте. Вот незадача! После стольких лет в Советском Союзе я впервые встретил человека, который искренне верил в общественную собственность, но у меня не было никакого желания этим воспользоваться. Уходя, я заметил в глазах нескольких из девиц «Пионера» недоумение, смешанное с сожалением. Чувства были взаимны. Я вернулся к себе домой, избежав теста на алкоголь, и обнаружил записку от Синтии, которая, к счастью, уже спала. Звонили из нью-йоркского издательства, чтобы напомнить о том, что пора бы уже сдать им рукопись моей книги...

***

По окончании рабочего дня Патрик ждал ее у входа в музей. Она вышла, и он последовал за ней, озираясь по сторонам, чтобы убедиться в отсутствии слежки. Как только Анна свернула за угол, он догнал ее и взял за руку. Та испуганно обернулась.

- Это ты? От тебя уже месяц ни весточки. Я думала, ты забыл меня...

Патрик сделал неуклюжее движение, подобно ребенку, которого не воспринимают всерьез.

- Я же обещал тебе, что я вернусь. Ты не та женщина, которую можно забыть.

Он оглядел ее. Анна была как всегда прекрасна. Ему подумалось, что он правильно поступил, когда принял решение вернуться за ней.

- Я все подготовил. Мы уезжаем в среду.

- Послезавтра? Уже? Мне надо...

- Я здесь лишь на два дня. Завтра я должен быть в психбольнице, где содержится тот бедняга с «реформационным психозом». Я пообещал им написать положительный репортаж, и они разрешили мне приехать сюда.

- Когда же нам поговорить...

- Давай встретимся прямо в среду. Лучше, чтобы нас не видели вместе. Я остановился в «Интерконтинентале» вместе с подругой, которая согласилась мне помочь. У нее тоже длинные рыжие волосы, как у тебя. Мы приехали через Венгрию на машине. В среду мы уезжаем в Австрию. У меня готов паспорт на ее имя с твоей фотографией – той, что я сделал в поезде...

Он заметил, как в ее глазах промелькнула тень сомнения.

- Ты, случайно, не передумала?

- Что ты. Конечно, нет. Но все это так внезапно. А что мы будем делать во Франции? Что я там буду делать...

- С этим мы там разберемся. Если мы любим друг друга.

Анна посмотрела на него с благодарностью.

- Почему ты это для меня делаешь?

- Потому что я люблю тебя. Я не могу жить без тебя. А ты?

- Мне в любом случае жизни здесь нет. Я просто выживаю. Ты для меня сейчас – все. Любовь, жизнь, свобода. Ты не разлюбишь меня, когда мы окажемся на Западе?

- Разлюблю. Как только мы там окажемся, я продам тебя на ярмарке невест. Я снабжаю арабских шейхов рыжеволосыми красавицами.

- Перестань. Разве ты не понимаешь, что я сейчас чувствую? Все, что у меня есть, останется здесь. Вся моя жизнь, мои друзья, мой город.

- Квартира с бывшим мужем и его дамой.

- С этим ты никак не можешь смириться.

- С этим я никогда не смирюсь. Но ему, я уверен, точно будет лучше, если ты уедешь.

- Он бы прыгал до потолка от радости.

- Ничего ему не говори. Никому не говори ни слова. Не показывай виду, что что-то происходит. С собой ничего не бери.

- Свадебное колье – это моя единственная драгоценность.

- В среду, как только стемнеет, ты придешь в «Интерконтиненталь». Ты можешь отпроситься с работы?

- А если меня уволят?

К ней вновь вернулась уверенность в себе.

- Ты войдешь в гостиницу и пройдешь прямиком к лифту на подземную стоянку. Он находится в коридоре, между стойкой регистрации и телефонами. Я буду ждать тебя ровно в пять в красном «Гольфе» с французскими номерами...

- А твоя подруга?

- За нее не волнуйся. Она уже покинет страну. Со своим настоящим паспортом...

***

- Я жду объяснений.

Синтия проснулась и, совершенно справедливо, захотела выяснить отношения.

- Ты можешь мне объяснить, что все это значит? Утром ты ушел на парад. С тех пор тебе десяток раз звонили из Нью-Йорка, искали тебя. На днях тебе звонила какая-то женщина, и ты убежал, как на пожар. Тот же самый женский голос постоянно названивает с полудня...

- Я очень сожалею, но я не могу тебе все рассказать.

- У тебя есть другая женщина?

Ее голос был строг, как будто она была уверена, что я буду все отрицать.

- Да, но дело не в этом...

- А в чем тогда?

Если жена ловит тебя на измене, то это напоминает арест: все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Я промолчал.

- У тебя есть другая. Понятно. И ты обманываешь меня все это время. Ты даже пальцем до меня не дотрагиваешься...

Я сидел, уставившись в экран компьютера, будто ожидая, когда же наконец невидимая рука напишет мне там подходящий ответ.

- Почему ты не взял Хауарда с собой на парад? Ты с ней ходил? Если ты и дальше будешь делать вид, что проглотил язык, я соберу вещи и завтра же утром уеду отсюда.

- Я думаю, так будет лучше. Мне нужно время.

- У тебя будет столько времени, сколько захочешь. Мы уезжаем завтра, - сказала она и хлопнула дверью.

[18 ноября]

Любимов ждал меня у входа на Центральный рынок. Это место похоже на отдельное государство в государстве. Его контролирует кавказская мафия, которая выдает разрешения на торговлю и устанавливает цены. Власти предпринимали в последнее время попытки навести хоть какой-то порядок с помощью действий вроде военных операций, но были не в состоянии сладить с ситуацией. Как только спецназ покидал рынок, мафия вновь вступала в свои права, подкупая местную милицию.

Мы вошли в большое крытое здание рынка и поднялись по ступенькам между старушками, торгующими целлофановыми пакетами, и торговцами краденой с государственных складов икрой. В прямоугольном зале, длиной около пятидесяти метров, размещались бесконечные прилавки с овощами и фруктами. В глубине зала находилась дверь, которая вела во двор, где тоже стояли прилавки, а также столики, покупатели и валялся мусор. Далее следовали два крытых помещения, огромные, как кинозалы. В одном можно было найти мясо любого сорта, в другом – всевозможную молочную продукцию. В тот момент, когда уровень популярности Горбачева приблизился к нулевой отметке из-за пустых полок в государственных гастрономах и прочих продуктовых магазинах, на Центральном рынке, а также на пяти-шести других московских рынках можно было обнаружить любой продукт. Правда, по нью-йоркским ценам.

Я купил пару пакетов и начал набивать их вырезкой, сыром, икрой и бананами, чтобы напомнить Любимову славные времена его шпионского прошлого. На ходу я рассказывал ему о происшедших событиях.

- Я решил для себя, что мы добьемся возвращения мальчика. Хотя, конечно, ее поступок меня немного расстроил. Она должна была с самого начала рассказать мне всю правду.

Он снисходительно улыбнулся мне, как мудрый старожил неискушенному туристу.

- Пяти лет в Москве не достаточно, чтобы понять образ мыслей гражданина социалистического общества. Нас с детства приучают никому не доверять.

Представь себе, все те годы, что я служил на Западе, моя жена, которой, разумеется, было известно о роде моих занятий, читала запрещенную литературу – Солженицына, например, - и все тайком от меня. Дожидалась, пока я усну, и читала.

- А ты откуда об этом знаешь?

Он расхохотался.

- Я занимался тем же самым...

- Это все потому, Юрий, что вы были пропитаны шпионским духом. Разве не ты недавно говорил у меня дома о том, что разведчики страдают паранойей и подозревают всех и вся?

Внезапно лицо его помрачнело.

- К сожалению, это не просто профессиональный заскок. Так жили все семьи. Ты читал «1984» Оруэлла? От героя этого романа требуется предать любимую женщину во имя Большого Брата. Оруэлла же, в свою очередь, вдохновила книга Замятина «Мы», которая была издана через три года после Октябрьской революции. Там герой предают любимую женщину из любви к Благодетелю.

»В годы всеобщего страха самое худшее, что могло с тобой произойти, - это попасть в категорию «родственников врага народа». Уголовному преследованию подвергались не только сами «враги», вина которых могла заключаться лишь в чтении запрещенной литературы, но и их близкие родственники. Наказание для того, кто был в курсе мыслей и поступков «врага народа» было от двух до пяти лет лагерей. Того же, кто пребывал в неведении, ждала лучшая участь – пятилетняя ссылка. Для его же блага самый твой близкий человек должен пребывать в неведении. Те времена прошли, однако недоверие прочно укоренилось в нашей крови. Считается, что мы любим театр, не так ли?

- Так считается во всем мире.

- На самом деле, театр оказывает большое влияние на наш образ мыслей. Одна из самых популярных пьес была написана в 1926 году. Главная героиня, Любовь Яровая, перешагнула пределы театральных подмостков и стала человеком-легендой. По этому произведению был снят фильм, телесериал. Еще до недавнего времени эту пьесу ставили в театрах. В годы гражданской войны, после тяжелых раздумий, Яровая сдает своего мужа, белого офицера, и его расстреливают.

- Я не очень понимаю, к чему ты это...

Он задумчиво посмотрел на меня.

- Поступок Мадлис не кажется мне ненормальным. Ты не должен обижаться на нее за то, что она не доверилась тебе.

Я с облегчением вздохнул.

- Спасибо, Юрий. Ты знаешь, после похищения в мою голову закрались сомнения. Если бы ты мог помочь мне...

Я хотел узнать, если это было возможно, где держат ребенка, а также чтобы он помог мне забрать его оттуда. Я пообещал большое вознаграждение.

- Устраивает. Хотя я, конечно же, сделал бы это и безвозмездно. Что-то я засиделся и соскучился по бурной деятельности. К тому же твое общество, твой дом, иномарка, вот эти покупки – все это напомнило мне мое прошлое.

- Ты считаешь, мы можем выйти на его след?

Любимов молча улыбался. Ему было лет шестьдесят. Белые волнистые волосы обрамляли его лицо с тонкими чертами и голубыми глазами. Он был среднего роста и слегка полноват, что соответствовало его возрасту. Он больше походил на писателя или успешного кинорежиссера, чем на разведчика. Если, конечно, все писатели и успешные кинорежиссеры не похожи на разведчиков. Затем он произнес мягким, но решительным тоном:

- Если я попрошу у тебя информацию о каком-нибудь московском журналисте, тебе не составит труда мне помочь, ведь у тебя много друзей в этой сфере. То же самое можно сказать обо мне. У меня есть несколько хороших знакомых среди коллег.

Он пообещал известить меня, как только появятся новости, взял оба пакета и направился к автостоянке. Я наблюдал за ним, пока он загружал покупки в старенькие бежевые «Жигули», а затем устанавливал дворники, извлеченные из багажника.

***

- Почему вы думаете, что мне должно быть стыдно? – сказала Маша, не опуская взгляда.

Я попросил Светлану пригласить ко мне ее дочь, так как консул вывел меня из себя своим зубоскальством. Он ничего не сказал напрямую, но воспользовался Машиным случаем, чтобы «настучать» на Мадлис.

Маша утверждала, что проституция – единственный выход для молодежи. У нее были большие черные глаза, пухлые губы, волосы, собранные золотой заколкой в высокий хвост. Выбившиеся пряди делали ее похожей на девочку. В ушах у нее были массивные сережки, а одежда была весьма недешевой по советским меркам: черная кожаная куртка и джинсы. Светлана захотела присутствовать при разговоре.

- Почему бы тебе не найти нормальную работу? – настаивал я.

- Да ладно. Когда я окончу университет, мне надо будет начать работать в каком-нибудь НИИ или на заводе, - ответила Маша. – Я буду получать сто пятьдесят – двести рублей в месяц. Что можно сделать на эти деньги? Все просто с ума посходили с этими долларам. Можно подумать, что это наша национальная валюта.

- Было бы честнее согласиться, что это - легкие деньги...

Она говорила с московским выговором.

- Вам кажется, что это легко заниматься тем, чем я занимаюсь? Это грязная работа. Но другой работы нет. Я люблю жить. Я не хочу всю жизнь провести между работой и домом, впустую теряя время. Мне надо покупать лекарства для матери – у нее проблемы с сердцем, - и приходится покупать их с рук, потому что в аптеках шаром покати. Надеюсь, что когда вам понадобятся лекарства, у вас будет такая же дочь как я.

Последнюю фразу Маша сказала со всхлипами. Светлана нежно утешала ее.

- Не плачь, дочка, они виноваты, - она указала рукой куда-то вверх, - сутенеры партийные...

Что меня точно не интересовало в тот момент, так это моральный упадок советского общества. Я поднялся, чтобы отправится в свой кабинет, но Светлана встала у меня на пути.

Она была гордой женщиной. Посмотрев мне в глаза, она сказала:

- Господин Даннахер, если вы желаете, я уйду...

- Нет, Светлана, для этого нет причин. Я весьма доволен твоей работой. Вот только с визой для Маши есть проблема. Боюсь, мне будет сложно убедить консула в том, что проституция – это здоровый ответ больному обществу...

***

Тяжелая железная дверь пражской психиатрической больницы № 13 со скрипом отворилась, и Патрик оказался в пустом, без единого деревца, дворе, изрытом ямами с подмерзшей грязью. В одном из углов этого двора выглядывали из-под снега ржавые автомобильные останки. Справа находилось двухэтажное здание из красного кирпича, напоминавшее старую школу. На фасаде верхнего этажа была установлена растяжка из красного полотна с лозунгом на тему преимуществ социалистической психиатрии в сравнении с капиталистической. В центре и с левой стороны двора размещались два многоэтажных жилых строения из серого бетона. Перед центральным зданием было сооружено нечто наподобие помоста, и в тот момент, как мешки с товаром, туда выгружали из скорой помощи пару обеспамятевших больных.

Патрик и Густав, официальный сопровождающий группы журналистов, месяц тому назад передавший в министерство Внутренних дел прошение Патрика, направились к кирпичному зданию, в котором размещались кабинеты администрации и врачебного персонала лечебницы. В вестибюле за маленьким деревянным столом сидела медсестра. В одном из углов помещения приемной стояли два старых белых сломанных холодильника с большими ржавыми черными вентиляторами. Спутник Патрика что-то сказал медсестре. Та быстро пролистала свои бумаги и кивнула им, чтобы проходили. Они поднялись по мраморной лестнице, ведущей на верхний этаж. По пути им встретились два санитара в белых халатах вместе с пациентом, которого они поддерживали под руки. Больной был одет в полосатую тюремную пижаму, а на груди его был вышит желтыми нитками номер. Голова его была выбрита, нос покрывали гнойные нарывы. Они добрались до верхнего этажа, прошли по коридору, выкрашенному зеленой масляной краской, и остановились перед кабинетом, на котором было написано: «Майор Зденка Керкова».

Майор-психиатр сидела с опущенной головой за своим столом и перебирала какие-то документы. Она подняла глаза, изобразила на своем лице что-то вроде улыбки и указала на два деревянных стула. Как только Патрик и его сопровождающий сели, она спросила:

- Что именно вы хотите узнать о гражданине А.Х.? Я являюсь его лечащим врачом. Вот, передо мной, его карта.

Патрик читал небезызвестную статью Керковой в «Криминологической хронике», издании министерства Внутренних дел. Он украдкой взглянул на Густава, который сидел нога на ногу и молчал.

- Реформационный психоз, - в конце концов сказал Патрик. – Это, очевидно, новый недуг...

- Не такой уж и новый, - прокомментировала Керкова. – Первые симптомы появились у гражданина А.Х. уже давно, но мы не сразу обратили на них внимание. В 1976 году один из информаторов обратился к администрации Пражской психиатрической лечебницы № 1 с требованием обследования А.Х., но врачи проигнорировали этот сигнал. В тот год он собирался баллотироваться в качестве независимого депутата. В следующий раз он объявился в 1981 и вступил в Социалистическую партию.

- Социалистическую партию? – в недоумении переспросил Патрик.

- Это одна из наших официальных партийных организаций. Она состоит в составе Национального фронта вместе с Коммунистической и другими, меньшими, партиями, - нарушил свое молчание Густав.

- Он вступил в Социалистическую партию для продвижения своей программы и выдвигался в качестве кандидата на выборах, - продолжала Керкова. – Первая часть его программы состояла из двенадцати пунктов. Главным образом – структурные изменения в экономической и общественной сфере, а также в нашей социалистической Конституции. Вторая часть была посвящена вопросам международной политики, в том числе предлагалось к 1990 году обеспечить свободное перемещение граждан и товаров в пределах европейских стран, а также создать единую валютную систему. Никто из членов Социалистической партии не придал значения этой программе, и тогда А.Х. решил самостоятельно отпечатать и распространить ее. С помощью аппарата для размножения текста он издал 1950 экземпляров, как коммунисты в подполье. Нам он рассказал, что эта идея пришла ему в голову, когда он увидел подобный аппарат в музее имени Клемента Готвальда, основателя социалистической Чехословакии.

»Тысячу экземпляров он разослал частным лицам по почте, найдя их адреса в телефонном каталоге. Из них 40% были женщины, 10% - мужчины и 50% - люди с высшим образованием, вне зависимости от пола. Оставшиеся экземпляры он распространил по различным государственным организациям, газетам и центральным парткомам. Мало того, он отпечатал еще один экземпляр, на хорошей бумаге, для президента Республики.

Керкова сделала паузу, чтобы перевести дух. Это была полная темноволосая женщина, лет сорока пяти. На ее левой руке красовались мужские часы.

- Мы нашли его через год и подвергли уголовному преследованию за пропаганду против главных конституционных основ социалистического государства и чехословацкого общества, а также против внешней политики нашей республики.

- Другими словами, он был диссидентом, - заметил Патрик.

- Вы совершите большую ошибку, если напишете, что несогласных мы держим в психиатрических больницах, господин...

- Вентура, - вставил Патрик.

- Господин Вентура, - повторила睿ркова. – А.Х. – не диссидент. В своей программе, между прочим, он критиковал антикоммунистическую группу «Хартия 77». Он призывал ее перейти к действиям вместо того, чтобы, как он выразился, «заниматься только отрицательными сторонами нашего общества».

- У меня совершенно нет предрассудков, - объяснился Патрик, стараясь казаться убедительным. – Просто я не знаю, как можно было бы охарактеризовать подобного человека.

- Умалишенный, - строго перебила его Керкова. – Психически больной человек. В его квартире мы обнаружили десять тысяч папок, хранившихся в безукоризненном порядке. Он систематически отслеживал эфиры чехословацкого радио, «Голоса Америки», «Свободной Европы», «Би-би-си». Особый интерес он проявлял к ООН и десять лет фиксировал все действия входящих в нее стран. В ходе психиатрического обследования мы диагностировали, что уровень его интеллекта, - а А.Х., между прочим, закончил университет, - гораздо выше среднего. Вам понятно?

- Разве его образование имеет какое-то отношение к болезни? – стараясь говорить спокойно, полюбопытствовал Патрик.

Керкова бросила нетерпеливый взгляд на Густава, как будто говоря: «Этому бестолковому типу надо объяснять элементарные вещи». Тот лишь пожал плечами. Керкова глубоко вздохнула, чтобы сдержать раздражение, а потом продолжила:

- Другими словами, он вполне осознавал, что подобные вопросы находятся вне его компетенции. Таким образом, тот факт, что он растрачивал свое время и деньги на почтовые марки, пытаясь продвигать свои идеи, говорит о его неуравновешенности. Обследовавшие его специалисты диагностировали реформационный психоз. Это психическое расстройство, при котором развивается скрытая паранойя со свойственной ей системой параноидальных идей общественно-политического содержания. Реформационная паранойя проявляется обычно в возрасте тридцати пяти – пятидесяти лет у людей с соответствующей предрасположенностью.

- Ясно. У него была предрасположенность, - подкивнул Патрик.

- Я уже объясняла вам, что симптомы начали проявляться в 1976 году, - с облегчением произнесла Керкова. – У больного постоянно возникают новые идеи, новые предложения по переустройству мира в целях его улучшения. Еще один типичный симптом этой болезни, который также наличествует в случае А.Х., это непоколебимая вера в истинность своих идей и отказ признавать свою недееспособность. Больные ощущают себя абсолютно здоровыми и пытаются уверить свое окружение в достоверности своего бреда. Так же и А.Х.. Он находился в близких отношениях с одной женщиной, и пытался навязать ей свои идеи.

Патрик сжал зубы. Чтобы план с Анной удался, ему было необходимо сделать вид, что они его убедили.

- И ему удалось? – спросил он с притворным интересом.

- Он упрямо отказывается сотрудничать с нами и с скрывает ее имя. Даже теперь, когда он находится здесь, в психиатрической лечебнице, он продолжает слать письма Президенту Республики. Его лечение не дает никаких положительных результатов.

«Надеюсь, никогда и не даст», - хотел сказать Патрик. Он улыбнулся и поднялся со своего места, аккуратно закрывая блокнот.

- Премного благодарен вам за предоставленную мне информацию и за прояснение ситуации.

Самое главное Керкова оставила напоследок:

- Ситуация очень опасна. Поскольку, если параноик не в состоянии продвинуть свои идеи официальным путем, он может попытаться перейти к насилию. Его своевременное обнаружение помогло избежать серьезных политических ошибок. Вы понимаете, какие усилия мы должны прилагать как общество в целях социальной профилактики и ограничения действий подобных преступных элементов, имеющих, к тому же, сообщников.

«Наверно, он очень любит эту женщину, если ему удается скрывать ее имя», - подумалось Патрику, пока охранник отворял тяжелые ворота психиатрической лечебницы.

[20 ноября]

- Где ты нашла этот парик?

Любимов выполнил свое обещание. Через два дня после нашей встречи он пришел ко мне в гости с парой немаловажных известий. К счастью, Эрик все еще находился в Москве. Его держали в посольстве ГДР, во внутреннем дворе которого размещался жилой комплекс, где проживали дипломаты и сотрудники учреждения. Во-вторых, почти ежедневно, по вечерам, мальчик бывал в Парке им. Горького в сопровождении гувернантки и двух агентов Штази. Ребенок катался на аттракционах, а в конце прогулки стрелял в тире. К этому виду спорта его приучил когда-то дед. Однако Любимову не удалось узнать, запланирован ли вообще и, если да, то на какую дату, вывоз мальчика из СССР.

Мы с Мадлис решили действовать без промедления. К тому же приближались зимние морозы, и парк со дня на день могли закрыть. Накануне решающего дня мы вместе с Мадлис и Любимовым, согласившимся нам помогать, издалека наблюдали за гуляющим мальчиком и его сопровождением. Один из двух восточногерманских агентов остался в машине, припаркованной у входа в ЦПКиО, второй же находился вместе с Эриком и гувернанткой. Каждые полчаса охранники менялись постами: тот, кто гулял по парку, садился в машину, а «отогревшийся» отправлялся к мальчику. Прогулка продолжалась около полутора часов, и в моменты смены караула, мальчик оставался наедине со своей гувернанткой в течение трех-четырех минут. Все время, пока мы следили за ними, Мадлис демонстрировала поразительную выдержку, и только один раз я заметил слезы на ее глазах.

Дома мы несколько раз репетировали наши действия при помощи одной из игрушек Хауарда, трех игрушечных машинок и нескольких солдатиков. На двух машинах, моей и любимовской, мы должны были подъехать к Парку Горького. Мы с Мадлис должны были пройти на территорию парка и постараться сделать так, чтобы Эрик заметил наше присутствие. Во время смены охраны мы должны были

забрать мальчика у гувернантки и побежать к выходу. В тот же момент Любимов врезался в автомобиль охранников, отвлекая их внимание хотя бы на полминуты – столько нам было необходимо, чтобы выйти с территории парка и добраться до моей машины. Чтобы не быть узнанной, Мадлис заготовила парик с белыми волосами.

- Где ты нашла этот парик? – спросил я ее, когда мы собирались выходить из дома.

- В Берлине. Я надевала его, когда стояла за школьной оградой, чтобы хотя бы издали взглянуть на сына.

Я поправил выбившиеся из ее новой прически волосы, обнял ее и нежно поцеловал.

- Даже блондинкой она выглядит обворожительно, - заметил наблюдавший за этой сценой Любимов.

Обнимая ее, я ощутил ее дрожь.

***

Вид Парка имени Горького с высоты многоэтажного здания захватывал дух. Мы находились на самой высокой точке большого колеса обозрения, и мне были видны огни выставочного зала на другой стороне дороги и на крохотные машины с зажженными фарами, проезжающие по мосту. По еще не покрывшейся льдом реке плыл кораблик с горящими огоньками. Вдалеке виднелось «Рок кафе» - место встречи бунтующих наследников коммунистической элиты, подо мной – киоски Парка Горького с разноцветными электрическими гирляндами. С высоты, гувернантка и охранник походили на безобидные серые точки.

Несмотря на сильный мороз, я был рад, что все идет по плану. Охранник в машине не заметил нас, когда мы входили в парк. Мы проследовали за ними до колеса и заняли кабинку прямо напротив той, где сидел мальчик. Пусть в те моменты, когда Эрик находился на высшей точке, мы находились внизу, но в середине круга мы оказывались лицом к лицу. Ни охранник, ни гувернантка не поглядывали особо вверх, и, таким образом, мы могли жестами обратить внимание мальчика на себя.

Оба раза, когда мы оказывались напротив него, улыбаясь и еле заметно маша руками, Эрик, казалось, не понимал, кто мы. На третий раз я снял свою меховую ушанку и помахал ему ею. У меня, конечно, чуть не отмерзли уши, но мальчик как-то среагировал. Я не был уверен, узнал ли он нас, однако он точно понял, что пара напротив пытается привлечь его внимание. Мадлис улыбалась ему и слегка махала рукой. В тот момент я краем глаза заметил, что охранник направился к выходу из парка.

Когда Эрик оказался внизу, он попросил снять его с колеса. Колесо остановилось и мы с Мадлис замерли в высоте. Я увидел, как он берет гувернантку за руку и как они вместе идут к выходу. Я похолодел: то ли от мороза, то ли от отчаяния, то ли от того и другого вместе. Мы спустились с колеса и побежали вслед за ними. Они уже почти подошли к выходу, мы же были позади них, на

расстоянии около пятидесяти метров. В этот момент Мадлис крикнула так пронзительно, что обернулись все окружавшие нас люди:

- Эрик! Эрик!

Мальчик замер на месте и потом обернулся в нашу сторону. На сотую долю секунды мне показалось, что он сомневается. Затем гувернантка схватила его за руку и потащила прочь. Нам же удалось значительно сократить разделявшее нас расстояние. Тут я услышал скрежет от столкновения двух автомобилей. Когда мы выбежали, машина с дипломатическими номерами отъезжала, буксуя колесами. Любимов лежал на асфальте рядом со своей разбитой колымагой. Из его головы струилась кровь...

***

К счастью, травма не была серьезной. Гэдээровский спецагент ударил Любимова стволом своего револьвера, когда увидел бегущих гувернантку и мальчика и внезапно врезающуюся в него машину и понял, что происходит что-то чрезвычайное. Мы отвезли Любимова в мой офис на Таганской площади. На дорогу у нас ушло около десяти минут. Мадлис занялась его раной, а я перезвонил в нью-йоркскую редакцию и выслушал ругань Уайтсмита. То слежка в парке, то организация мероприятия. Я совершенно забыл про свои элементарные обязательства по отношению к газете. Уайтсмит сообщил мне, что наш основной конкурент только что опубликовал интервью с Борисом Ельциным, политическим оппонентом Горбачева. Единственное, что я мог пообещать в тот момент – это интервью с кем-нибудь из семьи Бауэра, но и то не в ближайшие дни. Он хотел поговорить со мной о нашем шефе, но к счастью, это было не очень срочно.

Между тем, Любимов лежал на кожаном диване и ревел от боли. Рядом, в кресле, рыдала Мадлис, а ошеломленная Наташа молча глядела на неизвестную войну, ворвавшуюся в ее капиталистический оазис. Я поручил ей найти своего молодого человека, или любого человека, чтобы забрать разбитую машину Любимова и отвезти ее в самый лучший автосервис. Затем я просмотрел телеграфную ленту за день, чтобы состряпать попозже какую-нибудь статью – в журналистике это называется «изучение материала». Надо было отвезти Любимова домой.

Он жил у черта на куличиках – в новом районе на краю географии, в самом конце Ленинского проспекта, на «Юго-западной». Когда я передавал его жене, ему было уже значительно лучше. Как только мы остались в машине наедине с Мадлис, я сказал ей о том, что терзало меня уже несколько часов:

- Мне кажется, Эрик узнал нас. Когда они убегали с гувернанткой, он обернулся к нам и будто бы засомневался, бежать ли ему вместе с ней или к нам. Он вел себя так, как обычно ведут себя в замешательстве мальчики. Переминался с ноги на ногу.

- Он просто нас не узнал, - обиженно ответила Мадлис. – Он не смог узнать меня в парике, да и темно было...

- Я не понимаю, зачем он вдруг слез с колеса и не пошел, как обычно, в тир. Он словно хотел уйти от нас.

Мадлис занервничала и совершенно преобразилась. Это был второй раз, когда я замечал в ней подобную перемену.

- То есть что ты хочешь этим сказать? Что мой сын не желает быть со мной и хочет оставаться заложником?

Мы оба не проронили больше ни слова до тех пор, пока нас не остановили гаишники для проверки на алкоголь.

***

- Ладно, ладно. Скажите мне, сколько? Сто рублей, пятьсот, тысячу?

Я был слишком зол для того, чтобы наблюдать за привычным спектаклем с карающим гаишником, якобы учуявшим запах алкоголя и предлагающим тебе дунуть в трубку, чтобы в итоге поторговаться о двадцати пяти или пятидесяти рублях. К тому же, единственный алкоголь, с которым я имел дело в тот вечер, это был спирт, которым мы обрабатывали голову бедняге Любимову.

Мне приказали остановиться на какой-то пустынной дороге между «Юго-западной» и Кутузовским проспектом, где находился мой дом. Вдалеке виднелась многоэтажное здание, но основным элементом пейзажа были три теплоэлектростанции, возвышавшиеся над дорогой, как чернобыльская АЭС. Работали они круглые сутки, выбрасывая три гигантских серых облака дыма, которые, в зависимости от направления ветра, душили соседние жилые кварталы. Когда-то у Сталина была идея размещать заводы посреди населенных районов, чтобы рабочие не теряли связи с остальным народом.

Гаишнику сильно не понравился мой тон. Мадлис, по-английски, попросила меня успокоится. Он потребовал предъявить документы и проследовать за ним для алкотеста. Я неохотно протянул ему свои права, не выходя из машины. Я ожидал ту традиционную улыбку, которая обычно предшествует взятке, но тот, взглянув на мои документы, настоял, чтобы я вышел из машины и проследовал за ним. Я вышел, пеняя на наше руководство в Союзе иностранных журналистов, которое, якобы, обращалось в Министерство печати и уверило нас, что история с трубками закончилась навсегда.

Мы направились к милицейской машине, стоявшей на другой стороне дороги, позади которой начиналось поле. Разглядеть что-то было невозможно, поскольку на большей части советских дорог освещение идет в ногу с народовластием, а другими словами – не работает. Гаишник открыл мне переднюю дверь. Садясь в машину, я потребовал связаться со своим посольством. Когда я понял, что попал в ловушку, было уже поздно. Один из двух человек на заднем сидении приставил к моему горлу пистолет и приказал не делать глупостей. Я почувствовал на себе взгляд водителя, а когда я к нему обернулся, тот усмехнулся. Эти прозрачные голубые глаза я уже где-то видел. Это был Миллер собственной персоной.

В нем было все то, что я не могу выносить в людях. Он был надменен, самолюбив и уверен в собственной победе. Не думаю, чтобы когда-то мы могли оказаться в одной компании, но я готов поспорить, что он типичный «всезнайка», у которого есть ответ буквально на все. Лицо его было абсолютно прямоугольным, и

в темноте он напоминал робота. Он оглядел меня и дал знак своему помощнику на заднем сидении, чтобы тот обыскал меня. Когда они убедились, что я не вооружен, давление пистолета на мое горло прекратилось.

- Что-то ты слишком сильно путаешься у нас в ногах.

- Где-то я тебя видел. В кино? По телевизору?

- Он еще и шутит, - Миллер подмигнул своим людям.

- Я имел в виду то видео, где ты говоришь с Эриком на параде. Перед похищением.

Мне было очень страшно, но я старался мыслить логически. Если бы они просто хотели меня убить, Миллер навряд ли бы явился сам меня причастить.

Лицо его стало еще жестче.

- Твои действия в Парке Горького равнозначны объявлению войны.

- А похищение ребенка – гуманитарная акция? Сейчас ты начнешь рассказывать мне о своем сотрудничестве с ЮНИСЕФ...

- Это внутригерманское дело. Перестань совать свой нос куда ни попадя... А то можешь плохо закончить...

- Если ты меня убьешь, то в этом будет обвинен твой друг, Елин. Все знают, что он меня на дух не переносит.

Миллер сухо ответил:

- Плевать мне на проблемы Елина...

Он что-то добавил по-немецки – что именно, я, к сожалению, не понял. И только тогда я подумал, как права была моя мама, когда заставляла меня в детстве учить иностранные языки. Два сотрудника Миллера вытолкали меня из машины и потащили в сторону поля. В какой-то момент, валяясь в грязи, я увидел, что он стоит у машины и наблюдает за нами. На верхушку одну из станций, напоминающих Чернобыль, меня тащили по железной лестнице практически на руках. Когда они перевесили меня за перила, меня вырвало. Я боюсь высоты. Видимо, я напрасно предположил, что моя смерть не входила в их планы. Все это время, пытаясь оценить ситуацию, я постоянно делал ошибки.

В конце концов они затащили меня обратно и бросили на ржавом лестничном пролете... Уходя, последний из них на прощание сильно меня пнул. Мне понадобился целый час, чтобы прийти в себя и добраться до своей машины. Мадлис все еще была там. Она хотела было выйти из машины, но я остановил ее, сказав:

- Это Миллер. Поехали скорее отсюда.

Я попросил ее сесть за руль и включил печку в надежде согреться. По счастью, до Кутузовского было не так уж и далеко, и в лифте нам не попался никто из соседей. Было заполночь, когда я открыл дверь своей квартиры. Включив свет, я увидел человека, который сидел в гостиной и курил. Это был «Пионер». Я почувствовал себя так, как чувствует себя именинник, который вернулся домой, зажег свет и увидел друзей, кричащих: «Сюрприз!». «Пионер» тут же объяснился:

- Когда я пришел, твоя домработница была еще тут, и я попросил ее дождаться тебя здесь. Я знаю, что день у вас был непростой, и пришел помочь.

Я попросил дать мне десять минут для того, чтобы принять душ и переодеться. Измученная Мадлис без сил опустилась в кресло и молча сидела. Я предложил «Пионеру» виски и представил присутствующих.

- Я слышал о том, что произошло в Парке Горького. Весьма дилетантское предприятие. Так не работают.

Единственное, чего я точно хотел избежать в этот момент – так это разбора полета.

- Все когда-то начинают. Потом становятся профессионалами.

Он сразу сменил тему.

- Ситуация усложнилась. Они больше не будут выводить мальчика за пределы посольства.

Мадлис разрыдалась и выбежала из гостиной. Вскоре ее рыдания послышались из соседней комнаты. «Пионер» был настроен на приключения.

- У меня есть предложение. Если ты, конечно, хочешь еще раз попытаться.

- Я похож на человека, который бросает начатое?

Тот поднялся со своего места, подошел к окну и выглянул на улицу.

- Давай лучше поговорим во дворе.

Я посмотрел на часы. Отсылать статью в Нью-Йорк было уже поздно. В редакции, должно быть, были, мягко говоря, мной недовольны.

***

Хлюпая грязью, мы ходили между стоящими машинами. Несколько жителей «гетто» выгуливали собак.

- Беру на себя освобождение мальчика, если и ты нам поможешь.

- В своем нынешнем состоянии я даже на роль жениха в твоей конторе не гожусь.

- Ты поедешь в Москву-400?

Лишь недавно стало известно о существовании в СССР секретных городов. Это были закрытые искусственные города, секретные объекты, где проводились испытания оружия, обычного и ядерного, разрабатывались космические программы. По всей стране их насчитывалось около двадцати, и хотя их население составляло более 50 000 жителей, среди них никогда не проводилась перепись. Москва-400 находится примерно в тысяче километров от Москвы, и, сколько ни ищи, на карте этого города не найдешь.

- Я знаю, что тебя пригласили вместе с другими четырьмя-пятью западными коллегами.

Во всей этой суматохе, я совсем забыл про командировку. С профессиональной точки зрения поездка была действительно интересной, поскольку западным журналистам впервые разрешили посетить город-фантом. Было выбрано по одному журналисту из каждой крупной западной державы, и я должен был представлять США.

- Спасибо, что напомнил.

- Если ты согласен, я больше не буду подниматься наверх. В твоей гостиной я оставил черную кожаную сумку. Когда ты будешь в Москве-400, тебе помогут обменять ее на другую, такую же. Единственное, что тебе надо сделать – это привезти ту сумку в Москву. Через сорок восемь часов ребенок будет у тебя.

- Хорошо, но мне неизвестно ее содержимое.

- Тебе и не надо этого знать. Я говорил тебе в прошлый раз, что район, где находится посольство, контролируется другой «организацией». Недавно у нас была встреча представителей всех «организаций». Представляешь себе, о чем я?

- Совещание по решению каких-то вопросов?

- Правильно. Чтобы мы могли и дальше работать вместе, я должен им кое-что передать. То, что находится в сумке.

- А если не получится?

- Открою тебе большой секрет: почему меня называют «Пионером».

- Эта тайна не поставит меня под угрозу?

- Ты многое поймешь. Обо мне, о своей женщине, о ребенке. Когда запланирована поездка?

- Послезавтра.

- Удачи.

Он прокричал мне вслед:

- Будет лучше, если ты никому не будешь говорить о нашем разговоре. Совсем никому.

***

Она опаздывала уже на четверть часа, и Патрик начинал нервничать. Он сидел в своей машине на стоянке «Интерконтиненталя». Анна все никак не появлялась. Неожиданно он задумался, правильно ли он поступил. Всю свою жизнь он поступал так же, необдуманно, следуя какой-то своей идее. Уже месяц в его голове крутилась только одна мысль: «Как вызволить Анну из ее гигантской тюрьмы?».

Он все спланировал. Но стоила ли игра свеч?

Разумеется, он был в нее влюблен. Но, быть может, именно эти препятствия, преследовавшие их с первого дня знакомства, спровоцировали его чувство? Его страсть к ней, удовлетворить которую он смог только в поезде? Запретный плод, загадка? Почему он не влюбился в обычную женщину из тех, что ежедневно встречаются ему в Лионе? Он рисковал ради женщины, которая очаровала его, но он не прожил с ней вместе даже двадцати четырех часов.

Он решил бросить все. Но с другой стороны, возможно, в подобных моментах и кроется весь смысл жизни? Загадка любви, ее сила скрыты именно в этих таинственных и необъяснимых причинах, по которым мы влюбляемся в одну конкретную женщину, а не в другую.

Патрик попробовал привести свои мысли в порядок. Конечно, его чувства к Анне были не просто страстью, не только желанием ее тела. Ему нравились ее кожа, ее локоны, ее манера говорить, шутки, чувство вины из-за работы в Музее полиции и из-за пути, по которому следовала ей страна, - все это ему в ней нравилось. Безусловно, у нее должны были присутствовать и недостатки, доселе ему незнакомые. Может быть, он разочаруется, как только будет разрешена эта тайна? Патрик посмотрел на часы: прошло двадцать пять минут. Он подождет еще минут пять, а потом уедет один. Лиза Томсон, подруга, которая ему помогла, в эти минуты вылетала из пражского аэропорта. Они договорились, что она уедет прежде, чем Патрик и Анна доберутся до границы. Лиза, по крайней мере, была вне

опасности. Она получила две визы в двух разных паспортах на ее имя: одну в Лондоне, а другую - в Париже, где они и встретились перед приездом в Чехословакию.

Он услышал стук быстрых шагов по бетонному полу гаража. Появилась раскрасневшаяся Анна, изумительно элегантная в своей маленькой черной шляпке и верблюжьего цвета пальто. Это были самые «западные» вещи из ее гардероба. Сев в машину, Анна виновато посмотрела на Патрика и извинилась за опоздание. Музей неожиданно посетила группа пионеров из провинции, и она побоялась уйти, чтобы не вызвать подозрений. Анна начала рассказывать о том, как же ей удалось в конце концов улизнуть, но Патрик не слушал. Он тронулся с места, проехал по винтовому помосту, ведущему из гаража, и открыл окно, чтобы вдохнуть свежий воздух. Они молчали до тех пор, пока не выехали из города на трассу Прага – Братислава и направились в сторону Австрии. Здесь они смогли расслабиться. Патрик погладил ее руки и ноги. Она склонилась и поцеловала его в шею. Впереди их ждала трехчасовая дорога. У него, наконец, была возможность расспросить ее об ее жизни, и он поинтересовался:

- Почему ты вышла замуж?

***

- На самом деле, почему ты вышла замуж? – спросил я Мадлис.

Мадлис обернулась и с удивлением посмотрела на меня. Следующий после неудачного предприятия в Парке Культуры день прошел спокойно. Вечерело. Утром я должен был лететь в Москву-400 и поэтому решил воспользоваться временным затишьем, чтобы поработать над книгой. Мне надо было ее закончить. Что-то внутри меня подсказывало, что в ближайшее время у меня будут другие занятия. Пока я набирал текст на компьютере, она сидела рядом со мной и читала добавления и изменения, которые я вносил. Она не ожидала, что я задам ей тот же вопрос, который задал Анне Патрик.

- Только не говори мне, что вдохновение ты черпаешь во мне, и идеи для своей книги ты берешь из наших с тобой отношений.

- А почему бы и нет? Тут любовь, там любовь.

Она нахмурилась.

- Ладно, я шучу. Но просто хотел бы знать.

- Я давно об этом мечтала. Когда мне было еще лет шестнадцать. Мы жили около Лейпцига. Мой отец был лидером районной партийной ячейки. Однажды к нам приехал Бауэр, и по этому поводу был организован праздник. Когда он меня увидел, он так впечатлился, что, то ли шутя, то ли всерьез, сказал моему отцу, что такая красавица могла бы стать замечательной женой его сыну. Оба они об этом забыли, но только не я. С того момента, как я решила для себя выйти замуж за Вольфа, ничто не могло меня остановить. Я всегда добиваюсь своих целей.

»Когда мне исполнилось девятнадцать лет, я переехала из Лейпцига в Берлин. Сестра Вольфа был тогда министром культуры, я получила работу в ее министерстве, и вскоре мы подружились. Через некоторое время меня пригласили

выполнить какую-то работу в их резиденции. Там я в какой-то момент познакомилась с Вольфом. Через два дня он сделал мне предложения, и я тут же согласилась.

- Ты любила его?

- Он тогда не так много пил и относился ко мне очень нежно. Но я никогда не любила его. Для меня это была единственная возможность вырваться из будничной убогости, ездить заграницу, наслаждаться свободой, которая была обычным смертным неведома. Зачем я тебе это говорю, если ты и так все знаешь, сам об этом здесь пишешь.

- Мне нравится, что ты не любила его, что ты не принадлежала ему всецело. Но твоя мотивация, о которой ты говоришь... Я надеялся, что хотя бы ты...

Она опять приняла свой воинственный вид.

- Я рассказываю тебе это потому, что ты знаешь о моем прошлом. Когда я разобралась в этой беспросветности, когда поняла, что Вольф не способен любить, я ни секунды не сомневалась. И ты знаешь, я до сих пор за это расплачиваюсь...

***

- Я с детских лет мечтала о путешествиях, хотела пожить в других странах. Но выехать из Чехословакии можно было только выйдя замуж за дипломата. Когда мы заканчивали школу, мне было около семнадцати лет, мы часто гуляли с подругами у пражской Дипакадемии. Мы мечтали познакомиться с будущими дипломатами. В день получения диплома ректор Академии сообщил моему будущему мужу, что тот получает направление на работу в МИД. Заграницу неженатых не посылали, потому что, якобы, человек без обязательств и не обремененный семьей может с легкостью стать перебежчиком. Он только узнал о своем назначении и был расстроен: прощайте доллары и загранкомандировки. Он отпросился ненадолго и подошел к нашей компании. Ни с кем из нас он не был знаком. Он представился и, выбрав меня, спросил, не пойду ли я за него. Я без раздумий ответила «да». К тому же он был симпатичный и с хорошими манерами. Он тут же взял меня под руку и представил ректору. «Вот, знакомьтесь, моя невеста. У нас скоро свадьба». Таким образом мы получили наши первые билеты в Аргентину.

Красный «Гольф» ехал вблизи австрийской границы. Патрику были издалека видны прожекторы, которые ярко, как днем, освещали колючую проволоку и пограничную заставу. Как только они приблизились к ней, два вооруженных пограничника приказали им остановиться. Патрик почувствовал, как сжался его желудок. Анна нервно теребила в руках паспорт и визу на имя Томсон.

- Смотри, держи себя в руках, - в очередной раз предупредил ее Патрик. – Если с тобой заговорят по-чешски, сделаешь вид, что ничего не понимаешь. Говори только по-английски, а все остальное оставь на меня.

Здание в стиле рококо, в котором располагалась пограничная служба, было построено в эпоху Австро-венгерской империи. На его фасаде было вывешено красное панно с лозунгом о вечной советско-чехословацкой дружбе и сотрудничестве. Из здания медленным шагом вышел офицер и попросил их предъявить проездные документы и выйти из машины. Шел снег и холод стоял

собачий. Один из пограничников притащил подъемник на колесах, на подобие тех, что используются на шиномонтаже, но с установленным на нем зеркалом. Он осмотрел дно автомобиля в поисках тайника, в котором мог бы спрятаться перебежчик. Через некоторое время появилась овчарка – вылитый Брек. Анна закурила, пытаясь скрыть свое волнение. Собака зарычала, как будто узнав ее. Патрик попробовал пошутить: несмотря на рискованность положения: их сводник показывает зубы. Пограничник приказал псу обнюхать их, а затем отвел его в машину. Обыскав сиденья и багажник, он оставил Патрика и Анну в покое... Патрик глубоко вздохнул. При других обстоятельствах, он бы обязательно погладил собаку, а может быть, и пообщался бы с ее хозяином.

Офицер сказал им проследовать вместе с ним внутрь здания, захватив с собой свой багаж. Просмотрев все сумки, он спросил, не везут ли они с собой кроны. Торопливо заглянув в их документы, он вроде собрался отдать им их обратно, но внезапно одернул руку, вновь посмотрел на визы и спросил на плохом английском:

- При въезде вы заявили три чемодана. Сейчас их у вас два. Где третий?

***

- Так было задумано с самого начала или ты сейчас это придумал? – спросила Мадлис.

- Ты права, я тут что-то меняю.

- То есть ты хочешь сказать, что тревога Патрика, его сомнения по поводу того, надо ли было влезать в эту историю – это то, что ты чувствуешь по отношению ко мне?

Я выключил компьютер, взял ее за руку и отвел в спальню. Когда мы занимались любовью, я почувствовал, что мы оба думаем об одном и том же.

[24 ноября]

Когда самолет из Москвы-400 приземлился в московском аэропорте «Внуково», я вздохнул с облегчением. Все прошло на редкость гладко.

Даже если в какой-то момент этот город-фантом и будет открыт для туристов, я бы не советовал проводить там свой отпуск. Он находится где-то на окраине Байконура, посреди пустыни. Здесь же проводятся запуски ракет и ядерные испытание. Жители города, с которыми нам удалось пообщаться, не раскрыли нам никаких государственных тайн, но открыто говорили о вспышках раковых заболеваний, туберкулеза и аллергических заболеваний, радиоактивных песчаных бурях и зараженной воде. Лед начал таять, даже в пустыне.

Здания в городе представляли собой военные бараки и серые бетонные сооружения, изредка напоминающие жилые дома. Работающие там люди получали 40% надбавку к своей зарплате, но были лишены права выезжать из города и принимать в гости своих родных. Междугородние телефонные звонки были

ограничены и находились под строгим контролем. Сотрудники городских «почтовых ящиков», закрытых лабораторий, где проводились космические и ядерные исследования, все – от дирекции до уборщицы, подписывали документ, обязывающий их ни с кем никогда не говорить о своей работе. Этот документ делил их с точки зрения секретности по шкале от ноля до пяти. Тем, кто принадлежал к категории «ноль», было запрещено разговаривать даже со своими родственниками.

Когда-то магазины этого города снабжались намного лучше московских, но в последнее время положение явно ухудшилось. Мясо, масло и сахар выдавались по талонам. Глава профсоюза, несмотря на свою принадлежность к государственной системе, открыто жаловался на то, что большинство ученых хотят уехать на Запад, или же уже уехали, если им это позволила их «секретность». Он также рассказал, что всерьез рассматривал вариант забастовки в качестве средства борьбы. Это была бы первая забастовка в истории космонавтики.

- Как мы можем вести научную работу, если нам приходится часами искать молоко? – задал свой риторический вопрос худощавый молодой человек в круглых очках от близорукости, сопровождавший председателя. – Речь идет не о деньгах, а об обеспечении элементарных потребностей. Бутерброд, пиво.

- Как такое может происходить в стране, которая отправляет в космос людей? – спросил его британский журналист из нашей группы.

- Просто чтобы добраться до луны, мы засадили людей в подземелье, - таков был его ответ.

«Отличный заголовок», - подумал я, - «Уайтсмит будет рад». Всю дорогу я держал в руке сумку «Пионера». Во время обеда официант подошел ко мне и сказал:

- Это вы искали туалет? Он свободен. Там, в глубине зала.

В туалете я обнаружил сумку, ничем не отличавшуюся от моей или, вернее, от сумки «Пионера». Я немного нервничал во время проверки багажа в аэропорте при вылете, но, как он меня и заверил, на борт я прошел без проблем. Во время полета я уснул, и приснилось мне, что кто-то украл эту сумку и что все собрались у меня надо головой и громко ругают меня: «Пионер» и Мадлис, Миллер и Елин, Любимов, Эрик, Синтия, Патрик и Анна. Даже Уайтсмит ругал меня за то, что я потерял секретные документы, которые он собирался публиковать как мировую сенсацию. Проснулся я весь мокрый от пота и все время до приземления просидел с сумкой в обнимку.

***

Я понял, что творится что-то неладное, когда увидел двух мрачных крупногабаритных мужчин, похожих на агентов спецслужб, которые стояли в секторе прилетов аэропорта «Внуково», сразу за металлическим ограждением, разделяющим пассажиров и встречающих. Как только я попробовал вернуться обратно в поисках Стефана из французского агентства, который задержался, чтобы пофлиртовать с кокетливой стюардессой с низким показателем этической защиты,

я заметил, что незнакомцы наблюдают за мной. Затем они направились в мою сторону. Я побежал. Обернувшись назад, я увидел, что они тоже бегут.

Я толкнул тяжелую дверь и оказался в длинном коридоре с десятком дверей справа и слева. Я распахнул ту, на которой было написано: «Зал ожидания для официальных лиц». Как выяснилось впоследствии, это был мой день. Это был большой зал с дырявыми кожаными креслами и столиками из ДСП, заставленными полупустыми бутылками из-под советского сока и дешевой водки. К счастью, в тот момент я был единственным официальным лицом в аэропорте. Через большое окно я увидел тысячи людей, ожидающих вылета рейсов «Аэрофлота»: обычно задержки на внутренних линиях длились порядка десяти часов.

Кто-то разлегся на полу и спал, кто-то ел яйца и воблу, молодые женщины кормили детей, юноши с рублями в руках играли в карты, сидя на корточках. Здесь присутствовали представители всех 160 народностей, населявших Советский Союз, а кроме них еще и представители животного царства. Многие использовали в качестве подушки деревянные клетки с курами и кроликами. В общем, все это напоминало лагерь палестинских беженцев.

Из коридора послышался треск и голоса, но мне повезло, и окно, отделявшее меня от народа, открылось без особых усилий. Я невозмутимо прошел в зал ожидания. В какой-нибудь другой ситуации я бы уже потерял сознание от стоявшего зловония, но в тот момент мне было не до чувствительности. Я затерялся в толпе, среди этой выставки советских народностей и фауны, вышел на улицу и заскочил в первое попавшееся такси. Водитель хотел поторговаться, но я сунул ему пятьдесят долларов, и он тотчас поехал. Когда мы въезжали в Москву недалеко от гостиницы «Дом туриста», он спросил меня:

- А куда мы едем?

«Хороший вопрос», - подумал я и промолчал.

***

В те минуты больше всего на свете мне хотелось разыскать «Пионера». Он впутал меня в историю (а, может быть, устроил мне ловушку?), из которой мне удалось выпутаться в самый последний момент. Если, конечно, вообще удалось. Меня разбирало желание проломить ему череп. Однако, подумал я, и мои преследователи могли заподозрить наличие у меня глубоких чувств. Лучшее, что я мог сделать, это обсудить с ним содержимое загадочного чемодана, который все еще находился в моих руках. Я хотел сесть в каком-нибудь тихом месте, взломать его кодовый замок, а потом позвонить «Пионеру». Сказать ему я собирался только одно: «Ты получишь свой чемодан, когда ребенок будет дома». И больше ничего.

Домой я ехать не мог, как и в свой офис, а также к своим коллегам и дипломатом в «гетто». Тогда мне пришло в голову, что Люба, наверно, все еще меня любит. Это была зеленоглазая, худощавая, почти чахоточная, художница, которая утверждала, что без памяти в меня влюблена. На самом деле, когда мы переспали в последний раз, она попросила у меня сто долларов для своей младшей сестры, чтобы та купила какие-то учебники. Но я не принял это на свой счет: скорее всего, она поступала так же со всеми своими любовниками. Я не звонил ей с

тех пор, как познакомился с Мадлис на Главпочтамте. Впрочем, мы никогда не клялись друг другу в вечной верности. Ее мастерская находилось на Зубовском бульваре, недалеко от здания МИДа. Я вознес мольбу богу Любви, чтобы Люба была у себя дома и решительно сказал водителю:

- На Зубовский. У метро «Парк культуры» оставьте меня.

Я мечтал о горячей ванне у Любы, и тут я заподозрил, что нас преследуют. Мы почти добрались до места назначения, оставив позади единственный в Москве открытый бассейн. Это был настоящий пруд диаметром 130 метров, сооруженный на том месте, где до 1931 года находился храм Христа Спасителя, самая большая столичная церковь. Она была снесена по приказу Сталина. Легенда гласит, что, прежде чем упасть, храм дважды выдержал взрывную силу большевистского динамита. Возведенный в память о павших во время наполеоновского нашествия 1812 года, храм был открыт в 1883 году после 40 лет строительных работ. Он вмещал семь тысяч прихожан, и в нем находилось все лучшее, что могла продемонстрировать Россия – от золота и драгоценных камней несказанной роскоши до икон и полотен знаменитейших русских художников. Никто не знает, где оказались потом все эти сокровища, но ходят слухи, что все это было продано в 30-х годах на Запад, когда страна нуждалась в каком-то количестве долларов. На месте храма Сталин планировал строительство Дворца Советов, фараоновского строения высотой 400 метров, увенчанного скульптурным изображением Ленина стометровой высоты. Однако план этот не был реализован из-за разразившейся войны и, в конце концов, был утоплен в недрах бассейна, который был построен в послевоенные годы для народных купаний.

Когда черная «Волга» поравнялась с моим такси, я уже молился Спасителю. В темноте мне было почти ничего не видно, но мне показалось, что я видел лицо одного из типов из аэропорта. Вслед за нами «Волга» свернула на Зубовский, двигаясь на незначительном расстоянии. Тогда я сказал таксисту сделать разворот и оставить меня у входа в метро. Крепко сжимая в своих руках чемодан, я распахнул дверь такси и побежал ко входу в метро. Черная «Волга» резко притормозила, вызвав небольшую панику среди ожидавших на автобусной остановке людей. Я бежал изо всех оставшихся во мне сил. Обернувшись, я действительно увидел двух «товарищей» из аэропорта. Кубарем скатившись по лестнице, я забежал на платформу, минуя музыканта в черных очках, как у слепого, который наигрывал на аккордеоне какую-то русскую мелодию, и торговцев, предлагавших цветы и пирожки. Мне повезло, и поезд пришел в ту же минуту. Я забежал в вагон и, пока двери были еще открыты, увидел на платформе одного из моих преследователей. Мне не удалось разглядеть, заскочил ли он в соседний вагон, потому что двери с шумом захлопнулись и состав тронулся.

Мне надо было выйти на какой-нибудь людной станции. Я посмотрел на схему линии и выбрал станцию «Комсомольская». Эта станция была названа в честь коммунистической молодежи в качестве небольшой компенсации тысячам молодых ребят, которые, вместо того, чтобы ходить на свидания, годами рыли под Москвой туннели на радость будущим поколениям. На мое счастье, на следующей же станции в вагон зашел сотрудник метрополитена, и, притворившись, что я ошибся линией, я спросил его, через сколько минут проследует поезд в противоположенном направлении. Я хотел проехать в обратном направлении и

вернуться на Зубовский, ведь, кроме как к Любе, идти мне было некуда. Тот достал из кармана бумажку, сверился с ней и сказал, что поезд прибудет на станцию в ту же минуту, когда мы подъедим к «Комсомольской». Когда состав остановился, я выскочил из вагона и, вместо того, чтобы направиться к выходу, быстро вбежал по ступенькам на мост над путями и оказался на другой стороне платформы в ожидании поезда в обратном направлении. Эта станция метро была богато украшена рельефными фресками и мраморными статуями. У некоторых из них отсутствовали головы. Это были фигуры тех вождей, кто за время, прошедшее с момента открытия станции, впали в немилость. Прошла минута, а поезд все никак не появлялся. Прошло еще полторы минуты.

- Ну, давай... А еще говорят, что вы никогда не опаздываете, - в нетерпении бормотал я.

И тогда я заметил, как один из моих преследователей направляется в мою сторону. У меня не было другого выхода, кроме как вновь обратиться в бегство. Настал момент раскаяться в своей лени, потому что за все это время в Москве я совсем забросил спорт и занимался исключительно бегом с одной демонстрации в поддержку «перестройки» до другой. Революционная гимнастика – это, конечно, неплохо, но нужно и спортивный зал посещать. После стольких дней треволнений, силы начали покидать меня, и я решил подняться по эскалатору. Бегущий за мной человек находился в лучшей физической форме и, оттолкнув нескольких пассажиров, которые как не в чем не бывало поднимались наверх, он почти что догнал меня. У меня не было других вариантов, и я со всей оставшейся у меня силы огрел его по голове чемоданом «Пионера». Сумка раскрылась, и некий металлический предмет, подпрыгивая, покатился вниз по ступенькам. Мне показалось, что на его крышке был нарисован череп, но я не готов в этом поклясться, так как, возможно, я находился под влиянием общего негатива ситуации. На секунду мужчина как будто потерял равновесие, но потом он снова подскочил ко мне. И тогда я ударил его уже сумкой с компьютером, которую я держал в другой руке. К счастью, дома осталась копия романа на дискетках. Он как-то тупо на меня посмотрел, а затем упал назад, увлекая за собой других пассажиров. Я добрался до последней ступеньки и побежал к выходу из метро. Сзади слышался топот и шум. Я тут же свернул направо и забежал в первый же попавшийся подъезд жилого дома. На площадке между первым и вторым этажом архитектор очень кстати спроектировал окно, из которого я мог наблюдать за тем, что творилось на улице. Оба моих преследователя, один из которых держался за свою голову, а другой тащил мою сумку с компьютером и странный предмет с черепом, бурно жестикулируя, беседовали с милиционером. Вскоре подъехала и милицейская машина. Аккуратно приоткрыв окно, я расслышал, что они говорят о том, что я, очевидно, спрятался в одном из домов. Поэтому, когда внизу проезжал мусоровоз, я, ни секунды не сомневаясь, зажмурился и прыгнул вниз. Надежда на мягкую посадку не оправдалась: я приземлился на остатки социалистического мусора. Теряя сознание, я подумал, что пора уже этому обществу стать, наконец, обществом потребления...

***

Наверно, мы проехали ни один километр по столице, потому что очнулся я под грудой мусора. Светало. Я поднялся и выглянул из мусоровоза. Узнать местность мне не удалось. Это был один из тех спальных районов с многоэтажками, которые можно увидеть во всех странах развитого социализма. Мне было холодно, одежда моя промокла, и новое твидовое пальто, за которое я заплатил целое состояние в одном из бутиков в Сохо, было безвозвратно испорчено. Хотелось есть и одновременно опорожнить свой желудок от окружающей меня вони.

Вскоре мы прибыли в конечный пункт – на огромную свалку на окраине Москвы. Всходило солнце, и в небе кишели птицы. Они рылись в отходах вместе с десятками нищих всех возрастных категорий. Здесь были престарелые пенсионеры и ветераны ВОВ, алкоголики средних лет, разыскивающие капли счастья в пустых водочных бутылках, полные женщины, еще не решившие, что они будут готовить на обед, маргинальные молодые люди из бедных районов города, а также цыганята, которые в последнее время начали попрошайничать на центральных столичных дорогах. Я выбрался из мусоровоза до того, как он совсем остановился, и затерялся среди мусора и людей. Возможно, я был похож на безработного татарина, потому что никто не обратил на меня внимания. Так что я тоже начал перебирать в голове места, куда я мог бы податься. Даже любину квартиру пришлось исключить, поскольку мне было страшно возвращаться в то же место.

Засунув озябшие руки в карманы пальто, я обнаружил там бумажку с именем и координатами Маши, дочери Светланы. Видимо, этот листок выпал из паспорта, когда мне его возвращал консул в день нашей ссоры на аукционе. Мать и дочь жили вместе, и я решил совершить к ним утренний визит. К счастью, жили они относительно недалеко, потому что на свалке такси найти было сложно. Я остановил только что разгрузившийся мусоровоз, водитель которого согласился подбросить меня за десять рублей. Когда я сел рядом с водителем, тот с любопытством меня оглядел, поскольку догадался по акценту, что я иностранец.

. – Ты откуда?

- Из Америки.

Тот рассмеялся от всей души.

- А я думал, рассказы о голодающих американцах – это коммунистическая пропаганда.

***

По приезде к Светлане меня ожидал еще один сюрприз. Она жила в старом доме с готическим декором. Когда-то он, должно быть, принадлежал какому-нибудь аристократу, ибо большинство подобных зданий были построены в начале XX века, когда в предреволюционные годы Москва переживала рассвет. Подъезд с высокими потолками был сильно захламлен. Где-то в глубине виднелась железная клетка старого лифта. На верхние этажи вела широкая мраморная лестница. Я спросил какого-то только что пробудившегося ото сна пролетария, в какой квартире проживает Светлана Филимоновна. Он с жалостью на меня посмотрел, как смотрят на нищих, которые стучат в дверь на Рождество в надежде получить

подарок. Светлана жила на втором этаже. С удивлением я обнаружил на звонке, рядом с пышной дверью, десяток разных фамилий. Я попал в «коммуналку».

Во многих старых домах с большими квартирами живут по несколько семей. У каждой имеется по своей комнате, при этом они делят между собой кухню и туалет. При Сталине существовало следующее решение квартирного вопроса: можно было «сдать» соседа как антисоветчика и занять его комнату, но только до тех пор, пока не появлялся новый жилец. Однако, с демократизацией ситуация усложнилась. Из десяти миллионов москвичей два с половиной продолжали жить в «коммуналках».

Мне открыла женщина средних лет. Она сообщила, что комната Светланы – последняя справа в глубине коридора, который начинался из маленькой прихожей. Слева находилась кухня, и там горело множество конфорок – по одной на каждую семью. Пахло кипяченым молоком и цветной капустой. Справа стояла очередь из пяти-шести человек, ожидавших, когда освободится уборная. Мужчина средних лет, с перекинутым через плечо полотенцем, острил по поводу проблем с кишечником у старушки, которая все никак не освобождала помещение. Все мои мечты о горячей ванной неожиданно рухнули.

Коридор был завален пыльными грудами всевозможных вещей. На веревках сушилось белье, а на стенах весели тяжелые велосипеды пятидесятых годов. Это не был элемент современного дизайна. Просто велосипеды не оставляли на улице, чтобы их не украли. Я постучался в Светланину дверь. Увидев меня, она отступила на несколько шагов назад, как будто перед ней стоял сам Антихрист. Она затащила меня в комнату, высота которой непропорционально превышала ширину и длину. Туда вмещались только две кровати, маленький деревянный стол между ними и шкаф за дверью. Очевидно, некогда одно большое помещение было поделено на несколько маленьких. Вид мой, должно быть, был ужасен, потому что Светлана смотрела на меня вытаращенными глазами, как будто она страдала базедовой болезнью. Я сел на единственный в комнате пластмассовый стул и попросил молока и немного хлеба, если есть. Когда Светлана вернулась с кухни, я уже спал, упав головой на стол.

Черный московский хлеб показался мне самым вкусным на свете. Потом Светлана отвела меня на второй этаж, в квартиру своей подруги по имени Джола. Это была единственная некоммунальная квартира в здании. Семья ее подруги жила здесь до 1917 года, и во времена послереволюционного передела собственности этой семье удалось сохранить за собой двухкомнатную квартиру. Самый драматический момент пришелся на конец пятидесятых, когда умерла мать Джолы, и государственные органы объявили, что отдадут комнату одному из «очередников», из тех, что годами ждали получения комнаты или квартиры. Это один из худших кошмаров, с которыми сталкивались миллионы советских людей в середине двадцатого века. Смерть родственника вела к тому, что комнату отбирали и туда поселяли нового, незнакомого человека или даже семью. У Джолы был один выход – фиктивный брак, классический способ переезда в другой город или даже в столицу для обычного гражданина в эпоху, когда наличие внутреннего паспорта запрещало переезды и обустройство в Москве, на что, впрочем, и сегодня требуется специальное разрешение. Светлана нашла одного своего друга, который женился на Джоле, и в качестве благодарности та предоставила Светлане право

пользоваться своими удобствами до конца жизни. Такова история самого прекрасного душа в моей жизни. Благо, Джола нисколько не тяготилась своими брачными узами: через час я примерял старомодную одежду разных размеров, оставшуюся от ее любовников.

***

Я спустился в «коммуналку» на втором этаже одетый как советский чиновник: серый костюм, черный галстук и белая старомодная рубашка с протертым воротом. Было около половины девятого утра, и с работы домой вернулась Маша. Она смывала косметику, но все еще была одеты в красную миниюбку и черные сетчатые колготки.

Светлана уже собиралась ехать в «гетто». Я попросил ее передать Мадлис, что нахожусь в ее доме и передать записку следующего содержания:

«Со мной все в порядке, но на меня идет охота. Думаю, это люди из органов. В чемодане из Москвы-400 находился какой-то странный предмет. Возможно, меня хотели заманить в ловушку при помощи «Пионера». Я собираюсь разыскать его и прояснить ситуацию. Буду держать тебя в известности. Люблю тебя. Кевин».

Когда Светлана ушла, я улегся на ее кровати. Маша принялась приводить в порядок мое лицо, которое все было в синяках и царапинах, при помощи кремов, подарка какого-то щедрого бизнесмена. Первый раз в жизни я подумал, что в проституции есть что-то положительное. Я спросил ее, не знает ли она какое-нибудь место, где я мог бы провести пару ночей. Мне не хотелось снимать номер в хорошей гостинице. При существовавшей системе контроля над номерами и их бронированием меня могли легко вычислить. Маша ответила не задумываясь:

- Я часто бываю в гостинице «Космос». Могу забронировать тебе номер, но обойдется это в двести долларов за ночь.

«Космос» - это огромный гостиничный комплекс высотой в двадцать пять этажей. Он находится в конце проспекта Мира, в тридцати минутах от центра города. Это детище советской мании величия появилось на свет к открытию Олимпийских игр 1980 года. Напротив него располагается огромная выставка достижений народного хозяйства. Сразу после отъезда западных любителей спорта бар и рестораны отеля неожиданно оккупировали проститутки, бандиты, сутенеры и живущие в Москве иностранцы, обманывавшие своих жен. 2 400 комнат превратились в самый большой вертеп в Европе, что-то типа Содома и Гоморры советского образца.

- Двести долларов – не проблема. Я не хочу регистрировать комнату на свое имя.

- Я забронирую ее на себя. Приходи в одиннадцать вечера, я буду в «Солярисе». Знаешь, где это?

- «Солярис»? Я почетный член клуба...

«Солярис» находился в подвале «Космоса». Это была единственная дискотека в Москве, работавшая в последние годы, и единственно открытое после полуночи место. Мы нередко бывали там вместе с другими западными корреспондентами, страдавшими бессонницей.

- Будет лучше, если мы сделаем вид, что впервые видим друг друга, - сказала Маша. – Поэтому тебе надо будет поухаживать за мной. И не забудь купить нормальную одежду, потому что в таком виде тебя не пропустят.

Засыпая, помню, я видел ее у открытой двери со старым цветастым полотенцем в руках. С сарказмом она заметила:

- Московскую жизнь простой не назовешь, не так ли?

[25 ноября]

- Они были у вас дома. Искали вас, - сказала Светлана.

Вся перепуганная она разбудила меня около половины четвертого дня. Начинало смеркаться. Маша еще спала на соседней кровати.

С жуткой головной болью я поднялся с кровати.

- КГБ, - произнесла Светлана дрожащим голосом. – Они были и на вашей работе, потому что звонила Наташа и искала вас. Вам несколько раз звонили из Нью-Йорка.

В общем, все меня разыскивали.

- Мадлис?

- Она прислала вам кое-что поесть.

Как голодный волк, я заглотил хачапури, которые мы обычно покупали в огромных количествах на Арбате, а затем разбудил Машу и попросил ее поехать в офис Фабио и рассказать, что случилось. Он был единственным человеком, кому я мог доверять. Василис Папас находился в Лондоне по приглашению британской журналистки, с которой он познакомился когда-то на мероприятии понтийских греков. Давно уже было ясно, что, если с кем-то из нас что-то случалось, надо искать женщину. Но кто бы мог подумать, что повезет именно мне? Фабио должен был встретиться со мной вечером в «Солярисе», к тому же это место было хорошо ему знакомо.

Я вышел на улицу и поймал машину скорой помощи. Они согласились подвести меня к гостинице «Россия» за двадцать пять рублей. Надо было объясниться с «Пионером». Я сел сзади, на место санитара, сбежавшего, очевидно, по своим делам или же перепившего водки. Лежавший на носилках больной взял меня за руку.

- Мне больно, - простонал он.

- Мне тоже, - ответил я. – А что с Вами?

- Колики в почке. А с Вами?

- Сердце, - сказал я слабым голосом.

- Даже система здравоохранения развалилась, - мычал он. – Возят двух больных на одной машине без санитаров. Прилягте, у вас более тяжелый случай.

- Лучше б я помер, так мне и надо. Меня давно уже мучает сердце, а я ничего с этим не делаю.

Я попросил водителя притормозить у гостиницы «Международная», где находился магазин импортной одежды. В костюме от Джолы я, видимо, был

вылитый советский гражданин, потому что охрана у входа магазина не хотела меня пропускать до тех пор, пока я не показал им свою пресс-карту.

Я купил джинсы, коричневый замшевый пиджак, бежевый свитер, белый плащ и сразу же переоделся во все это. Увидев меня в обновках, больной в скорой помощи перестал стонать и молча уставился на меня. Забрали его с обычными коликами, а до больницы могли довезти с инсультом.

- Где ты нашел деньги? – с трудом проговорил он. – Это же целое состояние.

- Врачи дали мне несколько дней жизни, - сказал я умирающим голосом. – Я хочу потратить все свои сбережения, до последней копейки. Нет, лучше я оставлю их своим наследникам...

***

У входа в «Россию» все были в сборе: кагэбэшники, фарцовщики, сутенеры, таксисты. Я надел очки, которые я также купил в «Международной», примкнул к какой-то туристической группе, зашел в гостиницу и поднялся на этаж, где находился номер-люкс «Пионера».

Дурной знак: нигде не было видно его вышибал. Дежурная, из тех, кто сидят на каждом этаже советских гостиниц, видела, что товарищ Тамурян ушел. Она посоветовала мне заглянуть в ресторан на первом этаже, поскольку по разговорам его охранников она поняла, что группа девушек должна была встретиться с группой американских «мальчиков». В «Обществе по развитию советско-американских отношений на неофициальном уровне» проходила вечеринка.

Признаюсь, зрелище было печальным. Не хочу сказать, что мы, американцы, - все как на подбор красавцы, но «мальчики» из группы были явно ниже среднего уровня. Большинство из них были выходцы со Среднего Запада, средних лет, лысые и с животами. Лица их сияли от счастья. Очевидно, впервые им выпало столько внимания со стороны слабого пола. За горстку долларов каждый из них мог почувствовать себе Робертом Рэдфордом. Для пластической операции понадобилось бы большая сумма, да и результат был бы сомнительнее. Кто-то танцевал на сцене, крепко обнявшись, под битловское «Yesterday» в ужасном исполнении музыкантов, которые никак не могли попасть в ритм. Приглушенный свет и неопрятные желтые скатерти делали атмосферу еще прискорбней. «Пионера» нигде не было видно, но, заметив двух русских, которые внимательно меня разглядывали, я решил притвориться потенциальным женихом и сел за первый попавшийся столик.

За столом сидел Рон в компании трех советских женщин. Две из них были красавицы, третья же была переводчицей от устроителей. Рон, пятидесятилетний техасец, сделал, очевидно, неудачную пересадку волос, потому что из его лысины хаотично торчали редкие волосы, как потрепанные ветром мексиканские кактусы. Своими короткими руками он с трудом обнимал за плечи обеих женщин. Рон добродушно посмотрел на меня. Мое присутствие, похоже, нисколько его не смутило. По его речи я понял, что он - бывший военный.

- Добро пожаловать на эротическое минное поле, - сказал он. – Ты из той группы, которая прибыла только что? Тут нужна осторожность и самодисциплина.

Судя по всему, из Америки приехала новая группа женихов.

- Я только приехал, - поведал я генералу сексуального освобождения. – В чем мне надо быть осторожным?

- Смотри, чтобы твой дружок не сгорел от частого использования. Мой уже дымится. Я завтра уезжаю, но за эти две недели, что я был здесь, я переспал с десятком женщин. Слава Богу, что есть Джулия. Она сопровождала меня в этой сексуальной одиссее.

Он указал на переводчицу, которая сухо улыбнулась и потупила взор. Рон продолжил свою песню:

- Соотношение сил идеально. На каждого из нас приходится по дюжине женщин. Три с половиной тысячи долларов – это, конечно, ощутимая сумма, но, если подумать, что бы ты потратил за две недели дома на бензин, еду и так далее, разница не такая уж и существенная. А если учесть еще женщин, то вообще халява.

Он понял, что я чувствую себя не в своей тарелке, и решил поговорить о чувствах.

- Но дело не только в сексе, командир, - неожиданно повысил он меня. – Русские это как противоядие к современным американкам, которые только о своей карьере думают. Здешние любят следить за порядком в доме. Наши любят забирать себе дома после развода.

Рон склонился ко мне и прошептал:

- А если семейная жизнь тебя не интересует, можешь пару лет пожить в свое удовольствие, а потом все бросить.

- Это как? – спросил я, притворяясь, что мне очень интересно. – Разве мы не обязаны на них жениться?

- Через два года федеральная иммиграционная служба решает, действителен ли еще брак. Если нет, ее вышлют обратно на родину.

Я уже перестал слушать Ронову болтовню, поскольку два странных гражданина повернулись в нашу сторону, и, разглядывая какую-то фотографию, перешептывались между собой.

- Выбирай любую бомбу, - щедро сказал генерал. – Я завтра улетаю, и с обеими по-любому не успею. Но я не могу понять, ты вроде молодой, и, кажется, без особых проблем. Ты, наверно, приехал сюда, чтобы...

- Мне важен в женщине хороший нрав, и чтобы верная была, - с усилием проговорил я. – Дома меня совсем достали.

Рон внимательно посмотрел на царапины и на пластыри, которые наложила на мое лицо Маша.

- Что с тобой приключилось? Ты где-то ударился?

Терпение мое кончилось.

- Нет. Просто я наврал тебе, что только что прибыл. Я тут уже давно. Я приехал с той группой, которая была здесь до вашей. Пообещал девушке, что женюсь на ней, а потом попробовал с другой. Меня нашли ее братья и избили. Они здесь такие консервативные. Варвары.

Пока ошеломленный генерал разглядывал меня, я заметил, что один из подозрительных русских куда-то побежал, второй же не сводил глаз с нашего стола. Я пригласил одну из невест на танец. Оркестр играл «Ламбаду» в медленном

варианте, чтобы облегчить телесный контакт. Мы даже не успели представиться друг другу, а Ира уже перешла к делу. Говорила она без московского акцента.

- За последние несколько месяцев я познакомилась со многими американцами. Вы все такие добрые, вежливые и щедрые. А ты где выучил русский?

Я старался казаться естественным.

- Дома, с кассетами. Мне было тоскливо по вечерам. Одиноко. Мне так одиноко в капиталистическом обществе.

Ира восприняла это как предложение.

- Ты тут самый красивый.

Если бы там проводился конкурс красоты, то титул «Мистер старый хрыч» был бы уже у меня в кармане. Но Ира не дала мне спокойно порадоваться.

- Но я должна сказать тебе правду. Когда придет время выбирать, мне нужен будет тот, у кого зарплата побольше и дом.

Чтобы не рассмеяться, я попытался принять вид оскорбленного в лучших чувствах теленка. Я крепко обнял ее и, не встречая сопротивления, повлек ее к проходу, который был в глубине зала. В Калифорнии меня бы уже арестовали за сексуальное домогательство, но, видимо, это было последнее, что было на уме у Иры. Табличка справа указывала в сторону уборной, а из двери слева выходили официанты с подносами.

- Ты весь дрожишь, - сказала она мне.

- Не могу с собой справиться, - ответил я.

Я нежно поцеловал ее в щеку и сказал подождать меня. Вместо того, чтобы направиться к туалетам, я вошел на кухню и протиснулся между скучающими официантами. Как и представители прочих профессий в стране правящего рабочего класса, добродушное сословие официантов и поваров абсолютно не страдало от тревог капиталистического общества. Кто-то хотел сделать мне замечание, что посторонним вход воспрещен, но я уже находился на другом конце кухни. Я открыл дверь, по служебной лестнице поднялся на второй этаж, и прошел по огромному коридору с потертым красным ковром и дверьми по обе его стороны. В конце коридора я встретил горничную. Я сделал вид, что заблудился и искал южный выход из гостиницы «Россия», тот, что смотрел на реку. Сначала она сообщила мне, что это очень проблематично, но когда я дал ей десять долларов, она поднялась со мной на пятый этаж, и оттуда мы вместе прошли во второй корпус гостиничного комплекса. Обнаружить меня в этом гигантском строении на 1 500 номеров было невозможно. Я вышел через другой подъезд и скрылся в темноте. Если Ира действительно меня любит, она все еще ждет меня...

***

Было уже заполночь, но ни Фабио, ни Маша не подавали признаков жизни. Как мы и договорились, я приехал в «Космос» на встречу к одиннадцати, спустился в подвал, заплатил двадцать пять долларов за вход и вошел в «Солярис». Я уже успел выпить пару порций водки с тоником, и к тому же я страшно устал. Голова моя закружилась. Вечером, в номере, мне надо было бы сосредоточиться и написать

репортаж о секретном городе, иначе мне грозило увольнение, причем совершенно справедливо. Но в этом инциденте в метро, я воспользовался не только чемоданчиком, но и своим ноутбуком, поэтому писать мне пришлось бы от руки, от чего я совсем отвык. Эти машины сделали нас калеками.

День был будний, и народу на дискотеке было мало. Три итальянских бизнесмена тут же обзавелись компаньонками и сидели за столиком с видом кинозвезд. Пара охранников на входе, бармен, диджей и около тридцати раскрашенных нарядных дам – все они разглядывали единственного свободного клиента, то есть меня. Пропорция была, несомненно, лучше, чем давеча в «России». Надо было и Рона с собой захватить. Хуже всего было то, что я не мог оставаться незамеченным. Одинокий мужчина, который пьет в баре и не обращает внимания на окружающих женщин, - явление столь нечастое для «Соляриса», как лунное затмение. Одна из девушек не выдержала моего одинокого и спокойного вида, подошла ко мне и попросила закурить. Я улыбнулся ей и спросил, что она пьет. Та заказала «Кампари». Звали ее Катей.

- Почему сидишь один? – спросила она на неплохом английском.

Разумеется, она не имела в виду, что я страдал от несчастной любви и пришел, чтобы напиться и забыться.

- Я жду одну девушку, которая бывает здесь. Тебя я вижу впервые, - я попробовал сменить тему, изобразив члена клуба игроков в бридж, водящего знакомства со сливками общества.

У нее были короткие белые волосы, большие карие с зеленью глаза, стройное, как у манекенщицы, тело.

- Я здесь новенькая. Приехала из Ташкента месяц назад.

- Далекое путешествие... Нас знают по всему Союзу, - заметил я, надуваясь от гордости.

- Я русская, а у узбеков русские теперь не в почете. Русской девушке даже по улице одной нельзя пройти после шести вечера. Я решила перебраться в Москву, а работу здесь не нашла. У меня даже прописки нет.

Мне было скучно слушать очередную вариацию на старую тему. Я бросил взгляд на пустой зал.

- Сегодня тихо.

- Без «косоглазых» никакой работы.

Я принял вид наивного туриста.

- Мы так японцев называем, они хорошо платят. Вот, конечно, «аллорцы» сидят, - она кивнула в сторону столика с итальянцами. – Но их мало.

Поскольку я договорился о встречи с другой девушкой, она относилась ко мне как коллеге, с которым можно обсудить проблемы отрасли.

Я подумал об этом простофиле, Фабио, который запаздывал. Скорее всего, он нашел какую-нибудь женщину и бросил меня на произвол судьбы. Кате хотелось порассуждать на темы антропологии.

- Им так не терпится оказаться скорее с нами в постели, что, только подсев к нам, они тут же начинают бесконечно повторять слово «аллора». Но видишь, их подхватили девушки из старых, - грустно продолжала она. – Они всегда первые.

- Разве нельзя выбрать ту, которая понравилась? – спросил я, верный принципам свободного рынка.

- Мы сами решаем, кто из нас свободный. Сначала идут они, а потом мы, остальные.

Вот, пожалуйста, тема для репортажа: проституция и дискриминация. Уайтсмит был бы доволен. Это стало бы доказательством не только того, что коммунизм, вопреки своим лозунгам, не смог побороть проституцию, но и того, что ему не удалось уравнять проституток между собой. Как можно равнодушнее я спросил о социальном расслоении в среде представительниц древнейшей профессии.

- Хочешь, я проанализирую ситуацию? В Ташкенте я закончила Институт социологии.

Я заказал ей еще один «Кампари». Наверно, я был единственный представитель интеллигенции в ее послужном списке.

- У нас есть иерархия. Самые дорогие работают в лучших гостиницах Москвы, в «Международной» и в «Савое». Они не берут меньше двухсот пятидесяти долларов за раз и доплату за дополнительные услуги. Потом идем мы, из «Космоса». Наш тариф – двести долларов. Третья категория – те, кто работает с иностранными туристическими группами в «Белграде» и «Интуристе», сто пятьдесят долларов, но можно найти и за восемьдесят. Продолжить?

Меня всегда волновали нужды народа.

- А не бывает путаны за рубли, для местных?

Лицо ее исказила гримаса отвращения.

- Бывают, но мы их и за людей не держим, - сказала Катя. – Мы даже «путанами» их не называем. Для них есть специальное слово: «шалавы».

Вот как много можно узнать, когда на тебя идет охота... Даже слово «проститутка» имеет классовые различия. Уайтсмит визжал бы от восторга.

- Да, но здесь вы все равны?

Девушка была настроена на критику общественных устоев. В какие-то другие времена она была бы хорошей комсомолкой.

- Те, кто уже давно здесь, не платят за вход в «Солярис». Мы, новенькие, даем по пять долларов каждый вечер, чтобы войти сюда. Часто милиция устраивает облавы и отбирает у нас всю наличную валюту. Знаешь, что запрещается иметь при себе доллары или другую «твердую» валюту, если ты не можешь объяснить, откуда она у тебя. Старых не трогают.

Это был вопрос времени. Я взглянул на часы. Был уже час ночи, а Маша так и не появилась, как и «аллорец» Фабио. Я оглянулся. Катя будто читала мои мысли.

- Есть еще одно отличие, - кокетливо произнесла она. – Те, кто давно работает, могут пользоваться гостиничными номерами. Мы же работаем у себя дома. То есть, если ты хочешь...

Я безразлично пожал плечами, а Катя впервые оглядела меня, нахмурила брови и сказала:

- А почему ты меня спрашиваешь обо всем этом? Может, ты – журналист?

- Отнюдь нет. Я – предприниматель.

- А, - со значением кивнула она.

Пока я пытался понять смысл этого жеста, прошло несколько секунд. К счастью, она не унималась.

- Потому что нас предупредили, что разыскивается какой-то американский корреспондент.

- Кто предупредил? – равнодушно поинтересовался я.

- КГБ, - сухо ответила Катя.

***

Это тогда я опять начал курить. Я купил пачку «Мальборо» в баре, предложил ей сигарету, взял одну и себе и наклонился к бармену, чтобы прикурить ее так, чтобы Катя не заметила дрожь у меня в руках. Затем я нейтральным тоном спросил:

- А вы какое отношение имеете к КГБ?

Она звонко рассмеялась, как будто я рассказал ей хороший короткий анекдот.

- Вся наша жизнь зависит от КГБ. Проституция в СССР запрещена. И даже не просто запрещена. До недавнего времени власти заявляли, что она искоренена. Даже сегодня официальная позиция партии не изменилась. Нас на самом деле нет. Если они хотят, они гоняют нас, арестовывают за антиобщественное поведение, за порочение социалистической системы, за тунеядство. КГБ решает, кто будет работать, кому и когда пора уходить из дела.

Она нервно затушила сигарету и, не спрашивая у меня разрешения, взяла из пачки другую.

- Кроме всего прочего, они нас охраняют. Недавно в «Космос» приехала группа девочек из Ленинграда. Их привез какой-то бандит вроде как на три дня. Был футбольный матч ЦСКА Москва – французский «Марсель», и было много клиентов, фанаты из Франции. Девочкам здесь понравилось, потому что даже в таком большом городе, как Ленинград, считается престижным жить в Москве. Когда уехали фанаты, нас стало здесь так много, что даже не было работы. Знаешь, что они сделали?

Она продолжила, даже не дожидаясь моего ответа. Как выяснилось впоследствии, я имел очень плохое представление о законах спроса и предложения.

- Они сбросили цены. Доходило и до тридцати долларов. Еще чуть-чуть и нам надо было бы делать то же самое, но мы, в итоге, обратились к КГБ, и в гостинице провели большую «зачистку». Нас, новеньких, тоже предупредили, и мы не вышли в тот вечер на работу. Их всех взяли и, поскольку у них не было московской прописки, да и имелась валюта, на следующий день всех отправили восвояси.

Я с трудом скрывал свое восхищение вкладом КГБ в дело урегулирования конфликтов в рядах проституток. Дело было уже к двум часам ночи, и меня начинали беспокоить вопросы практического характера.

- Так в каких гостиницах, ты говоришь, девочки сотрудничают с КГБ?

- Во всех. Чем дороже гостиница, тем больше контроль. В самых хороших гостиницах обычно живут дипломаты, специальные корреспонденты, владельцы больших предприятий и торговцы оружием, и им надо знать, что те делают, чтобы контролировать их. В «Савое» и в «Международной» 90% девочек сотрудничают с КГБ, здесь же большинство из нас тоже находится в постоянном контакте.

Разумеется, нам не платят как агентам, но, если им требуется какая-то информация, мы должны ее предоставить. Конечно, и в «Октябрьской» все девочки находятся на зарплате у КГБ.

- Это гостиница Центрального Комитета Партии?

- Не удивляйся, мне это рассказала девочка, которая там работает. Во многих номерах спрятаны видеокамеры, и их включают сами девочки. Знаешь, туда приезжают официальные делегации со всего мира.

- Конечно. Что же ты за товарищ, если не в курсе, чем занят твой гость.

Я задумался о Джузеппе. Он жил в «Октябрьской» как официальный гость по партийной линии, но с первой же минуты он прямо заявил нам, что не притронулся бы к советской женщине, даже если бы та была Крупской, вдовой Ленина. Я притворился сплетником, жаждущим деталей.

- А этого американского журналиста, почему его разыскивают?

- Понятия не имею. Но ты точно не он. Не подходишь под описание, которое нам дали. Тот не носит очки. Также нам сообщили, что он очень хорошо говорит по-русски.

Я инстинктивно схватился за свои очки, которые я приобрел, чтобы пробраться в «Россию». Я забыл их снять.

- По-моему русский хуже китайского.

Мы одновременно посмотрели на часы. Она первая заговорила.

- Похоже, подруга твоя сегодня не придет. Ты так и будешь ее ждать?

- У тебя есть идея получше?

- Хочешь, пойдем ко мне? Ты симпатичный...

- С одним условием. Я тебе заплачу, но трогать тебя не буду.

Она осмотрела меня с ног до головы. Ее взгляд остановился в области моей ширинки. Я почувствовал, что должен себя оправдать.

- Я влюблен, и не могу спать с другой женщиной... Просто выспимся в обнимку.

Она хитро улыбнулась.

- Я поняла, ты как тот итальянец, с которым я недавно познакомилась. Он позвал нас двоих в свой номер, меня и еще одну. Дал нам по двести пятьдесят долларов и сказал не раздеваться. Мы сели втроем на кровать – он посередине. Потом он сказал нам обеим взяться за руки положить их на его член. Даже погладить не попросил. Он кончил через две минуты. Мы взяли деньги и ушли. Так и ты сейчас. Заплатишь, чтобы мы просто поспали вместе. Я не возражаю. Но имей в виду, скидки не будет.

***

- У тебя нет машины?

- Я здесь всего на несколько дней.

Я окончательно пал в Катиных глазах. Сначала я отказался с ней переспать, а теперь еще и иномарки у меня не оказалось. Мы уселись в такси. В старой «Волге» так сильно пахло бензином, что кружилась голова.

- А кем работают твои родители?

- Хочешь узнать, из хорошей ли я семьи?

У девочки было чувство юмора.

- Мой отец – профессор в одном научно-исследовательском институте. Мать работает там же научным сотрудником.

- А они в курсе, чем ты в Москве занимаешься?

Она оглядела меня с головы до ног, как бы спрашивая: «Стоит ли вообще тебе говорить?». Попросила сигарету.

- Они узнали об этом, когда меня в первый раз задержали в Москве, когда я еще не была в системе. Им сообщили из милиции. Когда я впервые приехала в Ташкент, чтобы повидаться с ними, они даже за одним столом не хотели со мной садиться. Мать поговорила со мной от имени их обоих и сказала собирать вещи и уезжать. Я оставила им пятьсот долларов в подарок и уехала. Знаешь, что они сделали?

- Отправили их тебе обратно.

- Ты такой наивный. Через два месяца они приехали в Москву и начали ко мне подлизываться. Говорили, что я была права, когда во время ругани сказала им, что при такой жизни не желаю заниматься ничем другим. Потом отец поинтересовался, не нужна ли мне помощь в управлении моими доходами. До их отъезда он позаимствовал автомобиль у какого-то своего друга и сам возил меня каждый вечер в «Солярис».

Через десять минут мы приехали к Кате. Девочки из «Соляриса» с помощью взяток обеспечили себя квартирами в близлежащем районе. Им не хотелось терять время на дорогу. Это, наверное, единственная сфера советской экономики, где время приравнивается к деньгам. Она жила в десятиэтажном доме на тихой темной улице. По подобным московским районам небезопасно ходить по вечерам, и поэтому их жители сидят по домам. Подъездная дверь была открыта, и мы пешком поднялись на второй этаж, потому что лифт не работал. У Кати была двушка. Комната, которая использовалась как гостиная, была обставлена безвкусной мебелью турецкого производства. Для более-менее зажиточных русских это было последнее слово моды. В спальне стоял шкаф из дешевого дерева и двуспальная кровать с синтетическим покрывалом «под леопарда». На полу валялись западные модные журнала и женское белье. На чемодане стоял переносной японский магнитофон и несколько кассет с музыкой в стиле «диско». На стене весела чеканка в манере грузинского народного творчества.

Когда я вышел из уборной, девочка уже разделась и улеглась.

- В зале нет дивана. Нам придется спать вместе.

- Я тебя предупредил, я верен другой женщине...

- Эх, вот тоже чудак, - проговорила она, глядя в потолок. – Влюблен в одну, но к ней не идет, а хочет спать в обнимку со мной... Это та моя коллега, которую ты ждал на дискотеке? – спросила она, поворачиваясь ко мне.

- Нет, другая. Это сложная история...

- Ты любишь одну, договариваешься о встрече с другой и хочешь спать вместе с третьей. Ничего себе любовь... Все вы, мужики, одинаковы...

Хорошо, что она была практичной дамой и вскоре перестала ворчать:

- А мне, собственно, какое дело? Дай мне двести долларов.

Я бы дал и пятьсот, лишь бы мне дали спокойно поспать несколько часов.

- У тебя есть телефон?

- Только не говори мне, что ты хочешь куда-то звонить среди ночи.

- Нет, но мне надо сделать пару звонков завтра утром, до ухода.

Я еще не решил, что делать на следующий день, так как и Маша, и Фабио куда-то запропастились.

- Есть, но у нас спаренный телефон с соседями. Этот алкаш целый день треплется...

Поскольку телефонных линий в Москве не хватает, подобная система встречается часто. Две квартиры имеют один телефонный номер. Со счетами проблем не возникает, потому что сумма всегда выходит смехотворная, сколько бы ты не звонил. Единственное – нельзя рассказывать по телефону свои секреты, да и секс по телефону исключается.

Только я лег, начали сильно стучать в дверь. Послышались крики и ругань. Вскоре кто-то открыл ключом дверь, и в комнату вломились два амбала. Тот, кто кричал, держал в руках дубинку и дорожную сумку. То и дело он вставлял английские слова. Суть была в том, что он, вроде как, вернулся из поездки в далекие края и застал свою жену со мной. Он собирался набить мне морду и вызвать милицию. Это был так называемый трюк с обманутым мужем. Они ожидали увидеть перед собой туриста, который не понимает ни слова по-русски и впадет в панику при виде двух разъяренных русских. В последнее время в газетах публиковали истории о несчастных иностранцах, обнаруженных где-то у черта на куличиках без одежды и денег.

Я решил заговорить по-русски.

- Я пальцем не тронул эту девушку, да и ты – не ее муж.

Катя удивилась:

- Откуда ты знаешь русский?

«Рогоносец» полминуты приходил в себя. Ему было чуть больше сорока лет, и над его верхней губой красовался свежий шрам. Немного подумав, он поднял дубинку и сказал:

- Все равно. Отдавай деньги и вали отсюда.

Я сделал глубокий вдох и вытащил из карманов все деньги. Это была валюта, которую я брал с собой в Москву-400, около тысячи двухсот долларов. Я оставил себе пятьдесят и бросил все остальное на кровать. Когда я начал надевать брюки, случилось то, чего я боялся.

- Оставь все здесь, - сказал второй тип. – Возьми только пальто и ботинки. И пошли.

Все, не было бы у меня больше свитера, «Левисов» и кожаного пиджака. Если бы я сказал им, что у меня нет возможности найти себе другую одежду, они бы совершенно справедливо мне не поверили.

- Мы пойдем вместе?

- Нет. Мы оставим тебя здесь одного, чтобы ты узнал адрес и вызвал ментов, - пошутил «обманутый муж». – Ладно, не бойся, мы оставим тебя на какой-нибудь центральной улице.

В коридоре я посмотрелся в зеркало: хоть плачь, хоть смейся, я был как любовник на грани нервного срыва. Оба амбала шли за мной следом, сзади шла Катя.

Я подумал, что выбора у меня не осталось. У меня не было ни денег, ни одежды, ни дома и в скором времени у меня не было бы работы. Я не отправил репортаж о Москве-400, как должен был, а Вебер грозился меня уволить. Я собрался идти к себе домой, и будь что будет.

Как только «обманутый муж» и компания открыли дверь, в нее вломилась Маша с тремя верзилами.

- Сука, - яростно кричала Катя.

Она начала крыть ее такими словами, что даже Ленин в Мавзолее покрылся бы краской стыда. «Обманутый муж» и его подельник замерли, поскольку справиться с тремя появившимися гражданами им было не под силу. Они были накачены, как Шварцнегер. Один из них держал руку в кармане, который сильно оттопыривался вперед. Я направился в спальню, оделся, забрал деньги у Кати и подмигнул «рогоносцу»:

- За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. И смотри за своей женой. Не оставляй ее одну, она легко поддается соблазнам.

Один из троицы, напоминавший главаря, совершил в этот момент ошибку.

- Давай, забирай своего журналиста, - сказал он Маше.

- Журналиста? – переспросила Катя.

Я бросил в ее сторону испепеляющий взгляд, и мы покинули квартиру. У дома была припаркована новая «Лада».

- Где тебя носило? – ласково спросил я Машу.

- Фабио... – произнесла она.

- Что случилось с Фабио?

- Он в больнице. Он в коме.

- Порка мизера, - выругался я его любимым выражением.

- Он был один в своем офисе, а я должна была заехать за ним, чтобы потом вместе отправиться на встречу с тобой. Его случайно обнаружил какой-то другой итальянский журналист. У него сильные травмы головы, и врачи говорят, что шансов на выживание у него немного.

- Воры?

- Понятия не имею. Но, судя по всему, искали какие-то документы, потому что все бумаги, весь офис перевернут вверх днем. Наверное, он обнаружил что-то.

- Странно.

Я хорошо знал Фабио. Прекрасный журналист, хороший стиль письма, но если бы он нашел какой-то хороший сюжет, он бы обязательно мне рассказал. У нас не было друг от друга секретов.

- Когда я пришла в его офис, мне навстречу попалась пара людей в милицейской форме. Я сделала вид, что не при делах. Хорошо, что его секретарша, Елена, уже была там, она подтвердила им, что я действительно дочь Светланы, которая работает горничной у иностранцев. Но я, конечно, потратила много времени, чтобы выкрутиться.

- А что ты им сказала, зачем ты пришла?

- Что мы договорились с Фабио вместе погулять.

- Правдоподобно.

- Потом я приехала в «Солярис», и девочки сказали мне, что ты уехал с Катей. Я догадалась, что у тебя будут проблемы, и попросила своих друзей помочь мне. Они хорошие ребята.

- А как ты догадалась?

- Она постоянно этим промышляет. Она не особенно честная.

Все в этой жизни относительно. Я посмотрел на часы, был уже четвертый час.

- Что будем делать?

- «Солярис» закрывался, когда мы уходили. Можно поехать в номер в гостиницу...

- Забудь. Катя сказала, что кагэбэшники разыскивают американского журналиста.

- Лучше всего поехать к моей матери. Я постелю тебе на полу.

- В «коммуналку»? Так я скоро подам заявление о вступлении в партию.

Она не была настроена шутить.

- Тебе не кажется, что когда-то тебе придется рассказать мне, почему на тебя охотятся?

Я посмотрел ей в глаза.

- Ты тоже связана со спецслужбами?

- Мы все находимся в контакте с ними. Но не волнуйся. Я тебя не сдам.

По дороге в их «коммуналку», я в общих чертах рассказал ей, что произошло.

- Ты все еще хочешь мне помочь?

Она ни секунды не сомневалась.

- Я помогаю тебе, потому что ты добр к моей матери. Ты хорошо ей платишь, и мне не надо заботиться о ней. Еще немного времени, и я добьюсь своей цели: собрать пятьдесят тысяч долларов. Тогда я брошу эту работу и свалю отсюда.

***

- Вижу, ты очень любишь свою мать.

Несмотря на мою усталость, мне хотелось что-нибудь выпить, чтобы уснуть. Мы сидели с Машей на кухне и пили водку домашнего приготовления. Этот сорт был особенно популярен с тех пор, как Горбачев пришел к власти и начал свою знаменитую антиалкогольную кампанию. На ограничения, наложенные новым генсеком в сфере потребления алкогольных напитков в общественных местах, советский народ ответил гордо, проводя в жизнь революционные инновации. Превратив каждую квартиру в бруствер сопротивления, советские люди начали гнать на своих кухнях алкоголь из любого подходящего материала: картошка, капуста, лук, тапочки. Те, кому было нечего варить, пили чистый спирт или какой-нибудь одеколон. Вскоре искусство самогоноварения достигло своего расцвета, и как та водка, которой угощала меня Маша, не «отключала» тебя после первого же выпитого стакана.

В «коммуналке» царила тишина. Маша улыбнулась моему замечанию.

- Да, я очень люблю ее. Тебя это удивляет, да?

- Нисколько. Почему меня это должно удивлять?

- Потому что в школе нас учили не любить своих родителей. Ты слышал про Павлика Морозова?..

История Морозова – одно из самых трагических свидетельств сталинской эпохи. В 1930-х годах он был объявлен национальным героем за то, что предал своих родителей.

- Я недавно побывал в одном маленьком городе, в Волгоградской области, - сказал я, прикуривая последнюю сигарету из только что купленной пачки. – Там на центральной площади до сих пор стоит его статуя.

- В школе нам часто показывали фильм Эйзенштейна «Иван Грозный», - продолжала Маша, довольная тем, что нашла внимательного слушателя. – Они совсем задолбали нас. Нам задавали на дом написать сценарий третьей части. Один из смелых сподвижников царя, чтобы доказать свою преданность, дает своему сыну нож и приказывает убить его, своего отца, в доказательство любви к царю. Цари, генсеки...

- Но тогда ты почему любишь свою мать?

Она огляделась и зашептала:

- Этого не следует говорить, но тебя тоже преследуют. Моя мать... сидела в лагерях.

Наверно, мне надо бы было сменить профессию. В моем доме находился живой свидетель лагерной жизни, а я даже и не догадывался.

- Твоя мать сидела по политической статье? Она была «зечкой»?

- Не совсем по политической, скорее - по сексуальной. Все началось с заурядной ссоры здесь, в этой «коммулке». Это было где-то году в 1950, задолго до моего рождения. Моя мать поругалась с каким-то козлом, который жил в соседней комнате, пил и каждый вечер устраивал дебоши. Тогда тот пошел в милицию и заявил, что мои отец и мать – извращенцы, и что он видел это в замочную скважину.

- А дальше что было?

- Их отправили в ссылку за антиобщественное поведение. Соитие было разрешено только с целью рождения пролетариев для строительства социализма.

- Наша Церковь имеет такую же точку зрения.

- Та же ситуация сейчас с гомосексуалистами. Один мой друг был осужден на десять лет принудительных работ, когда его поймали в каком-то парке с другом гомосексуалистом. И, хотя с «перестройкой» произошли какие-то изменения в экономической жизни, отношение к сексу осталось прежнее. Вот и недавно разве не было создано что-то наподобие полиции нравов?

- Понятия не имею.

- Да ладно, где ты живешь? – спросила она неодобрительным тоном и была права: все последние дни я жил в мире Елина и Миллера.

- Позавчера Верховный Совет по требованию граждан, возмущенных уличной торговлей журналами эротического содержания, а также некоторыми телепередачами, проголосовал за создание особого одела по борьбе с проституцией, порнографией и с аморальным поведением. Они будут контролировать проституцию и производство эротической видеопродукции. Мы говорили об этом с девочками, потому что боимся, что достанется и нам.

- Они принимают добровольцев? Моя мечта - неожиданно врываться в спальни...

- Из тебя получился бы хороший диссидент в былые времена, - со смехом сказала она. – Шуток они не любят.

***

- Сначала они жили на поселении в Сибири, в одной деревне под Иркутском. Сдавший их сосед получил их комнату. В этой комнате мы живем сейчас с мамой. В скором времени он потерял обе комнаты, потому что кто-то другой настучал на него самого, что, мол, он напивается и ругает Сталина. У моих был срок пять лет, но они обустроились в той деревне и решили жить там и после окончания срока. Потом была десталинизация, и они начали открыто говорить о том, что происходило. Больше мама, она была смелее. Отец же мой запил.

»В начале 60-х мой отец заболел, не выдержал сурового сибирскийго климата, и они подали заявление о возвращении им этой комнаты в «коммуналке». Ответ все никак не приходил. В 1965 году моя мать была беременна. Однажды она пошла в районный комитет партии, чтобы пожаловаться на задержку. У них было их дело, и они знали, за что были высланы мои родители. Они спросили мою мать, продолжает ли она «заниматься этим» необщепринятым способом. Она разозлилась, обругала Брежнева, нового генсека, который сменил на этом посту Хрущева. Знаешь, что она сказала? Что ей так нравится, и она бы переспала и с Брежневым, но тот вряд ли бы смог, потому что он – голубой. Можешь себе представить, что последовало?

- Оскорбление Генерального Секретаря?

- Десять лет лагеря. В Казахстане, в Караганде.

Ее лицо омрачилось.

- Я родилась в лагере, мой отец не мог заботиться обо мне, он даже о себе самом не мог позаботиться. Он отказался от моей матери, женился на другой женщине, но вскоре умер. Через несколько дней после моего рождения меня у матери отобрали, потому что в лагеря нельзя было находиться с ребенком. Меня отправили в интернат, в шести километрах от лагеря, но моя мать могла приходить и кормить меня. На протяжении месяцев она совершала это маршрут, дважды в день отправлялась в дорогу по тропинке среди заснеженной степи, а в промежутках работала наравне с другими осужденными. Тогда не было искусственного молока и детского питания. Если бы она не приходила меня вскармливать, я бы не выжила. Даже я не могу себе представить, где она нашла столько сил, но я обязана ей своей жизнью. Поэтому мне всегда было плевать на пропаганду против родителей, которая велась в школе, и на прославление Павлика Морозова.

- А потом как...

- Как я стала «интердевочкой»?

- Нет, я имею в виду, как вы вернулись обратно?

- В 1973 году она вышла по амнистии. Я была в интернате, она приехала и забрала меня. Пять лет мы жили в Казахстане и в 1978 году вернулись в Москву. Нам отдали нашу комнату, и она пошла работать на завод, чтобы я могла пойти в

школу. Я была хорошей ученицей, и когда мне было четырнадцать лет, в 1980 году, я и две мои одноклассницы познакомились с двумя мальчиками из Франции, которые приехали на Олимпийские игры. Им было по семнадцать лет, и мы просто гуляли вместе. За два-три дня до окончания Олимпиады, мы хотели пойти в Большой на балет. Мы пришли к театру к семи вечера в надежде купить билет, но их уже не было, потому что все раскупили приехавшие в Москву иностранцы. Так мы оказались в кафе, где и просидели до девяти. Ты застал запрет на нахождение на улице после девяти вечера для лиц, не достигших совершеннолетия?

- Разумеется. Я в Москве с 1985 года. А это ограничение перестало действовать с 1987.

- Точно. Когда мы вышли из кафе, нас забрали в милицию. Нас привезли в отделение и всех допросили. Долго нас там не продержали, но сообщили маме и в школу. Проступок был серьезный: после девяти, да еще и с иностранцами. Меня исключили из школы на год.

- А твоя мать?

- Она поддержала меня. Она сказала, что я не сделала ничего плохого, но от волнений она заболела. С тех пор у нее больное сердце.

***

Мы залпом выпили по полстакана водки.

- Больше всего меня раздражает их лицемерие. Знаешь такого молодого режиссера Сергея Снежкина? Мы с ним знакомы, потому что я когда-то хотела стать киноактрисой, но меня не взяли из-за плохой биографии.

Она глубоко вздохнула.

- Недавно он снял фильм «ЧП районного масштаба», по одноименной книге Юрия Полякова. Чрезвычайное происшествие – это комсомольское собрание где-то в провинции. Сауны, повсюду голые девицы, оргии, как в древнем Риме, - все это было показано в фильме. Такое в так называемом «узком кругу» происходило постоянно. Проповедовали народу целомудрие, а сами занимались совершенно противоположным. И все это во имя «перестройки» и искоренения сталинских крайностей.

- Насколько я помню, Горбачев никогда не выступал в поддержку свободной любви...

- Сталин разрушил семью, настраивая детей против родителей. Но в первые послереволюционные годы, до того как установился режим, семью пытались разрушать более радикальными методами. Один из первых принятых законов касался разводов: можно было получить развод, просто послав письмо в соответствующую инстанцию. Даже свою вторую половину не обязательно было ставить в известность, органы брали на себя эту обязанность.

»Также они заявляли, что семья – основная форма порабощения и что сколько она существует, столько будет существовать буржуазия. Освобождение женщины должно было быть достигнуто через разрушение семьи и исчезновение моногамных связей. Таким образом, была открыта дорога свободной любви. Александра Коллонтай, первая женщина-министр, народный комиссар по

общественным вопросам, как называли тогда министров, говорила, что удовлетворить свои сексуальные желания – это как выпить стакан воды. Она даже написала книгу «Любовь пчел трудовых» на тему свободной любви. Она призывала людей заниматься любовью «как пчелы с цветами, как птицы в садовых кустах и как кузнечики в траве». Ленин, увидев, что личная жизнь народа уходит из-под контроля партии, назвал теорию стакана мещанской. Стараясь казаться последовательным, сегодняшний комсомол делает вид, что в отношении секса поддерживает точку зрения Коллонтай, а Ленина и Сталина считает «бюрократами» и даже издает серию книг соответствующего содержания.

»Подожди минутку, это на самом деле весело.

Она пошла в комнату и вернулась с какой-то брошюрой в руках.

- Это нам давали на комсомольских собраниях.

- Я не в состоянии сейчас читать эротическую литературу эпохи раннего социализма. Очень хочется спать.

Я взял комсомольскую брошюру и положил ее в карман.

[26 ноября]

Обитатели «коммуналки» рассказывали потом, что мой арест напомнил им былые времена террора. Их было пятеро: вчерашний «обманутый муж», его подельник и трое в гражданском. Они постучались в Светланину дверь и приказали мне не делать глупостей, быстро одеться и выйти.

В половину седьмого утра жизнь в коммунальной квартире уже бурлила. Кто-то кипятил молоко и готовил чай на кухне. У туалета уже выстроилась привычная очередь. «Обманутый муж» заявил, что является сотрудником Комитета государственной безопасности. Убедившись, что нет никакого окна, через которое я мог бы скрыться, они разрешили мне без очереди посетить уборную. Мне вдвойне полегчало, поскольку я почувствовал себе в привилегированном положении.

У входа нас ждали две черные «Волги». Я сел в первую вместе с тремя незнакомцами, а «рогоносец» с товарищем устроились во второй. По кольцу мы доехали до Кировской. По дороге я несколько раз спрашивал, куда мы направляемся, но ответа так и не получил. Автомобили сделали круг по площади Дзержинского и остановились у здания на Лубянке – мы подъехали к логову КГБ.

Я прикинул, что, скорее всего, меня вышлют, а не осудят, но мое сердце сильно стучало, словно вторя сердцам сотни тысяч людей, которых когда-то сюда привозили. Большинство из них живыми не вышли. Мы зашли в здание через боковую дверь с улицы Дзержинского. В огромном вестибюле стояли колоны из серого мрамора, стены были тоже серые, мраморный пол источал ужасающий холод, освещение было слабым. Самое большое впечатление на меня произвела гробовая тишина, как в пустой церкви. Меня подвели к столику, и только отдав свой паспорт сидящему за ним молодому человеку, я впервые услышал звук. Это было мое имя.

Мы вошли в лифт, и один из сотрудников нажал на кнопку седьмого этажа. Это действительно была сенсация: я был первым иностранным журналистом,

который оказался в самой святая святых советских спецслужб. Лифт был современный, но, как мне казалось, страшно медленный. Двери открылись автоматически, и мы пошли по бесконечному коридору. Звук моих шагов поглощал толстый желтый ковер с красно-зеленой каймой. Я считал свои шаги, чтобы не потерять связи с реальностью. Остановились мы у кабинета под номером 717. Один из сопровождавших меня людей постучал в дверь.

- Веди его сюда, - послышался чей-то голос.

Мы вошли в длинную узкую комнату. Впереди стоял стол для совещаний, а рядом с ним – огромный деревянный глобус. Большое окно смотрело на площадь Дзержинского. У стены напротив стоял книжный шкаф с «Полным собранием сочинений» Ленина. На стене висел портрет Дзержинского, основателя советских спецслужб, с подписью: «Холодный ум**,** горячее сердце, чистые руки». Прямо под портретом стоял большой буковый рабочий стол, за которым, в кресле, восседал Олег Елин.

Он кивком приказал сопровождавшему меня человеку уйти, а мне – сесть на стул. Я предпочел постоять и уже начинал нервничать.

- Могу я знать, что означают все эти облавы и аресты? Вы в лагерь меня отправите? Очевидно, информация о том, что ГУЛАГ закрылся, до вас еще не дошла. Я хочу немедленно связаться с американским посольством.

- Нападение – не всегда лучшая защита.

- Я вас не понимаю. Вы хотите о чем-то спросить меня? Давайте, спрашивайте.

- Лучше вы сами что-нибудь расскажите. Здесь, если мы начинаем спрашивать, это значит, что дела идут крайне плохо.

Я вскинул руки, изображая то ли недовольство, то ли неодобрение.

- Это возмутительно. Вы ведете себя так, как будто я – подозреваемый.

Елин поднялся из-за стола, прошелся около меня, держа руки в карманах, а потом подошел к окну и выглянул на улицу. Площадь была как обычно заполнена автомобилями. Посреди нее возвышалась огромная статуя Феликса Дзержинского.

- Вот видишь их всех?

Он жестом указал на людей, снующих по тротуарам, заходящих в «Детский мир» - самый большой магазин детских товаров в Москве, и выходящих со станции метро. Сверху они были похожи на муравьев.

Затем он сказал, заглядывая мне в глаза:

- С того момента, как ты зашел сюда, ты – виновен. Те, кто снаружи, - подозреваемые.

***

Мое недоумение выразилось громогласным хохотом. Мир изменился, «холодная война» закончилась, Берлинская стена упала, советская государственная система рушится, а эти люди так ничего и не поняли. У меня было ощущение превосходства, подобное тому, что чувствует врач по отношению к больному, страдающему хроническим артериосклерозом.

- Что-то мне это напоминает, - саркастично заметил я. – Если не ошибаюсь, так поговаривал один ваш предшественник, кажется, Берия.

Он невозмутимо повернулся и уселся за стол. Перед ним стояла матрешка. Он взял ее и начал крутить в руках. Затем он принялся открывать ее.

- Ты прав. Мы как матрешка. Откроешь Горбачева – выйдет Брежнев. Потом Хрущев. Потом Сталин. Потом. Ленин.

- Только вот теперь есть еще и «перестройка».

Его взгляд ненадолго задержался на потолке, как будто он продумывал, что именно он хочет сказать.

- Да, но «перестройка» не означает отмену законов. Ты нарушил законы Советского Союза. Благодаря «перестройке» ты получил разрешение посетить секретный город Москва-400. К тому же, мы впервые разрешили западным журналистам побывать там. И каков результат? Мы поймали тебя с чемоданом плутония.

В первый раз в это утро я почувствовал необходимость присесть.

- Знаешь, какой общий вывод мы как представители власти, делаем из этой истории?

Он игрался со мной, как кошка, которая то и дело ударяет лапой мышь.

- Что правильно мы делали, что держали закрытыми эти города все эти годы. А главное – должны прекратиться эти загибы во имя «перестройки». Надо бы нам еще обдумать этот вопрос, с этим я обращусь к Генеральному секретарю. Я расскажу о вашем случае, о том, как западные спецслужбы эксплуатируют нашу добрую волю и миролюбивый настрой, чтобы заполучить государственные тайны и ядерное оружие.

Я хотел бы возразить, но не смог произнести ни слова. Как в кошмарном сне, в котором за тобой гонятся убийцы, и ты хочешь позвать на помощь, но голос не выходит из твоего рта.

- Пишите, что хотите, у себя на Западе. Я и мои соратники, мы не против некоторых необходимых перемен в системе. КГБ всегда была самой информированной службой в стране, и мы всегда первые узнавали, если творилось что-то неладное. Просто мы не хотим, чтобы дерево, то есть изменения, которые действительно должны произойти, скрыли от нас сам лес: советская система должна быть сохранена.

Я должен был за что-то ухватиться.

- Это в правилах советской системы – использовать проституток и ловушки типа «обманутых мужей»?

- Для работы нам необходимо контролировать даже проституцию, тем более это явление лишь последнего времени. Раньше иностранцев было мало, да и известны они нам были как облупленные. Теперь же их много, и они хотят пользоваться свободными нравами перестроечной эпохи. Они считают, что за доллары можно купить всех наших девушек.

Он опять поднялся с места и прошелся кругом по комнате. Затем он остановился у глобуса и щелчком пальцев закрутил его.

- Перестройка, - произнес он и сделал большую паузу, как бы жуя это слова, как табак, и собираясь его выплюнуть. – По-русски это значит «переустройство». Не развал, не распродажа. Мы начали «перестройку» не для того, чтобы потерять

Венгрию, Польшу, Чехословакию, Германию. Знаешь, почему мы потеряли Германию?

Я изобразил на своем лице вопрос и крайний интерес.

- Из-за таких, как этот Миллер.

Он заметил, как я заерзал на своем стуле, и продолжил:

- Я знаю, что вы знакомы. Мы здесь все знаем. Мы говорили им, что им надо как-то реорганизоваться. Все старые магазины должны когда-то менять свои витрины, чтобы стать более привлекательными для покупателей. Не только на Западе, где верят только в бога денег, но даже здесь нам знакомо это правило. Но их же интересовали только деньги и власть. Дальше своего носа они ничего не видят. Они даже пальцем не пошевелили, за что и были наказаны. В конце концов их проглотят, и они окончательно проиграют.

Он бросил гневный взгляд на все еще вращающийся глобус, повернулся и сел на второй, предназначенный для посетителей, стул перед своим столом, прямо рядом со мной. Неожиданно он преобразился и принял сочувствующий вид, насколько он был на это способен.

- Я могу себе представить, что ты сейчас чувствуешь, но не волнуйся. Выход есть.

Елин - очень хороший сотрудник спецслужбы. Он один мог делать то, что обычно исполняют совместно два его коллеги: он мог одновременно изображать и доброго, и злого следователя. Он протянул руку и нажал на кнопку. Вскоре в дверь постучали.

- Я никогда не спрашиваю: «Кто?», когда стучат в дверь, - сказал он мне так, как будто он общался с коллегой. – Я всегда говорю: «Вводите».

- Вводите! - прокричал он в сторону двери в свой кабинет.

В кабинет зашла русская женщина, одетая в форму КГБ, с подносом в руках. Елин налил в чашку чай и предложил его мне вместе с венгерским печеньем. Я был так голоден, что отказаться просто не мог. Он тоже отпил большой глоток чая.

- Я прекрасно знаю, что ты не имеешь отношения к торговле ядерными веществами. Ты – жертва любви. Хочешь, знать, где ты ошибся?

Мне захотелось снова потребовать связаться с посольством. Но я предпочел все же промолчать.

- В глубине души ты уверен, что любовь – это своего рода форма сопротивления режиму. Ты ошибаешься. Партия в курсе всех любовных историй. Было бы, конечно, глупо запрещать все подобные случаи, как это делал Сталин. Даже самые лучшие товарищи иногда нуждаются во внебрачном приключении, как, кстати говоря, и ты.

Тут он в первый раз улыбнулся, если, конечно, шакалы умеют улыбаться. Он взял со стола комсомольскую брошюру, которую несколько часов назад дала мне Маша и которую забрали у меня вместе со всеми личными вещами, и начал читать:

- «Даша Чумалова – первая свободная женщина в советской литературе. В романе "Цемент" Гладкова он говорит своему ревнивому мужу: "В наших сердцах мы должны вести гражданскую войну. Нет ничего более контрреволюционного, чем привычки и предрассудки. Я знаю, тебя сжигает ревность. Это хуже, чем царизм. Это – эксплуатация человека человеком. Это похоже на каннибализм".

Елин поднял глаза и бросил на меня улыбающийся взгляд. Затем, с еще более напыщенным видом, он продолжил:

- «Большинство из тысяч литературных произведений эпохи Революции были написаны мужчинами, но необходимо сказать и об участии женщин в литературном процессе».

Зачитав несколько литературных примеров на тему свободный любви, он закрыл брошюру и с отвращением бросил ее на стол.

- Я вижу, ты не обходишь своим вниманием эротическую литературу.

- Это издание ВЛКСМ. Мне кажется, это не запрещено...

- Нет, но оно нас не характеризует. Это были идеи Коллонтай, и Ленин их крайне осуждал. Если бы мы оставили все на самотек, это был бы настоящий «ящик Пандоры».

Он пригладил руками свои волосы.

- Есть такой анекдот, который красноречивей выражает нашу политику, суть которой в том, что мы разрешаем любовь, но в то же время ее контролируем. Тебе известно, почему советские кровати большого размера?

- Чтобы вмещать троих. Саму пару и Ленина... Или пару и главу КГБ...

Вдруг выражение его лица стало серьезным, и он сухо сказал:

- Что ты хочешь этим сказать?

Что-то ему не понравилось, но я не мог понять, что именно.

- А если кто-то не хочет заниматься групповым сексом с Лениным?

- Я тебе говорю все это, потому что знаю, что ты не можешь об этом написать. Напротив, мы с тобой должны сотрудничать...

Меня пробил холодный пот. Я знал, что КГБ пользуется любой возможностью для шантажа: многие люди были вынуждены стать агентами, потому что за ними числился какой-то проступок.

На мое счастье, Елин не собирался идти так далеко.

- Ты должен опубликовать статью, в которой ты опровергнешь все то, что писал обо мне ранее. То есть то, что я был на зарплате у Тамуряна.

- Если вы сделаете официальное опровержение, я обещаю его опубликовать, - с облегчением сказал я.

- Есть еще один вопрос. С этого момента ты начнешь петь нам дифирамбы – мне и моим соратникам, кого вы обычно называете «консервативными противниками Горбачева».

- А если я не сделаю этого?

- Тогда я придам известности свою находку: известный западный журналист, работающий в Москве, работает курьером у нелегальных торговцев ядерными материалами. Это первоклассная новость, согласен?

Он внимательно посмотрел на меня и сказал:

- У тебя есть двадцать четыре часа на размышления. Я отправлю тебя в хорошую камеру, из тех, куда раньше сажали партийных работников.

Сделав паузу, он с улыбкой добавил:

- Перед их казнью... У тебя будут все удобства. Если ты согласен, ты покажешь мне завтра черновик.

- Мне нужен мой компьютер. Я потерял его в заварухе с вашими людьми. Я не могу писать от руки.

- С этим проблем не будет, - сказал Елин и нажал на красную кнопку на своем столе. – Возьми и комсомольскую брошюру. Возможно, я не согласен с ее содержанием, но, по крайней мере, это официальное издание.

***

Патрик молился про себя, чтобы Бог скрыл пот, выступивший у него на лице. Тот третий чемодан, о котором спрашивали пограничнике, принадлежал Лизе, в нем находились ее вещи, и она забрала его с собой. Весь план шел прахом из-за одной неосторожности. Со скоростью звука в его голове проносились всевозможные отговорки, которые могли бы спасти ситуацию. Чемодан был украден в Праге. Но почему тогда она не заявили об этом в полицию? К тому же, при социализме преступности нет. Не хотела ли она оклеветать страну? Она отдала его другу в Чехословакии. Как давно они стали друзьями? Кто он? Они забыли чемодан в гостинице. А что же они так долго молчат? Надо будет подождать, пока пограничники свяжутся с гостиницей. Чемодан пропал из багажника, а они этого не заметили. Но это было уже из области сверхъестественного. Для всего есть научное объяснение.

Патрик принял оскорбленный и вместе с тем безразличный вид и, взяв бумаги из рук пограничника, сказал:

- Дайте-ка мне посмотреть.

Он начал разглядывать бумаги, притворяясь, что вспоминает, что именно произошло при въезде в Чехословакию. Внезапно его озарила идея:

- Ваша коллега, видимо, ошиблась. Записала три чемодана вместо двух.

Пограничник посмотрел на него с недоверием и покачал головой, будто говоря: «Чехословацкие пограничники не делают ошибок». Возможно, Патрик придумал не то оправдание, но выбора у него уже не было. Он безразлично пожал плечами и повторил.

- Ошибка.

Издалека послышался вой овчарки, похожей на Брека. Пограничник посмотрел на Патрика, как палач смотрит на свою жертву.

- Это принадлежит вам?

Он указал Патрику на подпись, которую тот поставил под документом, а также на пометку, сделанную мелким шрифтом внизу листа. Там говорилось по-английски: «Подписание сведений, не соответствующих действительности, преследуется согласно чехословацкому уголовному кодексу». Патрик попробовал улыбнуться:

- Я не обратил на это внимания.

Пограничник внимательно посмотрел на визы в обоих паспортах и жестом пригласил Патрика и Анну сесть, как бы намекая, что теперь им придется ждать долго. Патрик взглянул на Анну. Все это время она безучастно стояла, даже не двигаясь. Она больше напоминала свою восковую фигуру, чем себя саму. Сквозь стекло он увидел, как в соседнем кабинете пограничник звонит куда-то по телефону, держа в руках один из паспортов. На стене висели портреты Ленина и Гусака, Секретаря чехословацкой КП. Патрик понял, что дела плохи, когда в

кабинет вошли четыре пограничника с автоматами и по-чешски обратились к Анне. Двое подошли к нему и жестом приказали подняться, в то время как остальные повели куда-то Анну...

***

Он растирал затекшие запястья. Все это время, с предыдущего вечера, он находился в наручниках, которые сняли только утром в кабинете Ивана Плиты. На этот раз замминистра госбезопасности Чехословакии был вне себя. Он ходил туда-сюда, громко кричал и то и дело стучал кулаком по столу. Он винил Патрика в том, что его товарищи обвинят теперь и его самого, поскольку тот содействовал выдаче Патрику визы в Париже. Он угрожал, говоря, что минимальное наказание за организацию побега из страны – пятнадцать лет принудительных работ. Подойдя к столу, он достал из пачки сигарету и прикурил ее. Затем, утомленный, он практически обрушился на стул рядом с Патриком. Голос его неожиданно стал тихим, почти как шипение змеи.

- Есть только один выход.

Патрик взглянул на него с нетерпением.

- Так, как все вышло, мы пропадем оба. Нам надо сотрудничать, - устало сказал он.

- Вы имеете в виду статью о реформационном психозе?

Плита добродушно улыбнулся, словно он бранил маленького ребенка.

- Нет. Подобная статья представила бы тебя как сочувствующего коммунистическим идеям, что может тебе повредить. Мне не надо от тебя статей, и я могу обеспечить тебе немедленный выезд из страны. При условии, что я смогу убедить свое начальство, что наше сотрудничество будет иметь продолжение во Франции.

- То есть вы хотите, чтобы я...

Патрик хотел было сказать «шпионил», но не осмелился произнести это слово.

- Глупости, - сказал Плита, помахав правой рукой, как будто хотел отогнать дурную мысль. – Просто ты будешь иногда предоставлять мне кой-какую незначительную информацию.

Патрик почувствовал облегчение.

- Я не располагаю информацией, которая могла бы вас заинтересовать. Я говорил, что только недавно начал работать в провинциальной газете.

- Если тебе нечего нам рассказать, тем лучше для тебя. Какое-то время ты будешь как бы «в спячке». А через шесть месяцев, а может быть, и шесть лет мы тебя «разбудим».

- И это все? – поинтересовался Патрик.

- Почти. В этом промежутке мы будем помогать тебе продвигаться по службе, предоставляя исключительную информацию. О террористах, связанных со соцблоком, подбросивших в Париже взрывное устройство, о решениях стран-участниц Варшавского договора относительно сокращения межконтинентальных ракет в Европе. Ты станешь известным, начнешь работать в крупном парижском

издании, желательно – в международном отделе. Потом мы снова с тобой свяжемся и дадим необходимые указания.

Плита вынул из верхнего ящика своего стола лист бумаги с напечатанным на нем текстом.

- Единственное, что тебе надо сделать – это подписать это. Все остальное я беру на себя. Завтра ты можешь покинуть страну.

Патрик бегло ознакомился с английским текстом. Адресован он был СТБ – чехословацкой спецслужбе. Он, якобы, признавал свою ошибку, а именно - попытку вывоза из страны гражданки Чехословакии, просил снисхождения и помощи у государственных органов в борьбе с империалистическими провокациями.

- А что будет с Анной?

Плита задумался.

- С ней дела обстоят сложнее. Но обещаю, что постараюсь добиться для нее разрешения на выезд с тобой.

- Без Анны меня все это не интересует. Так или иначе, без нее...

Министр внутренней безопасности принял отеческий вид.

- Я всегда симпатизировал идеалистам. Тем, кто способен жертвовать собой ради идеи, ради социальной справедливости, даже ради любви.

- С ней все в порядке? – спросил Патрик.

- Она все время плачет, но это пройдет.

- Я могу ее увидеть?

- Только если ты примешь мое предложение.

Он сделал паузу, поднеся руки к губам.

- Ты должен войти в мое положение. Все, что я тебе предлагаю, - это моя личная инициатива. Но мне нужно переговорить и с моим начальством. Пожалуйста, кури, сколько хочешь.

***

Патрик убедился, что это не страшный сон, и задумался о своих дальнейших действиях. Он чувствовал себя одиноким и до отчаяния уязвимым. Французское посольство даже не знало, что он находится в Чехословакии. Он позаботился, чтобы о поездке никто не знал. Плита ни слова не сказал о Лизе. Значит, ей удалось уехать. Она должна была сообщить в газету, как только поймет, что с ним что-то случилось, – они договорились созвониться на следующий день после побега. Но даже если французские дипломаты узнают о его аресте, не факт, что они стали бы вмешиваться. Второй секретарь недаром предупреждал его, что лучше влюбиться в одну из тех женщин, на которых, согласно социалистическому разделению труда, было возложено развлечение иностранцев. Его охватил непреодолимый страх, и ему показалось, что сотрудничество – единственное решение.

Плита вернулся через десять минут. Он улыбался.

- Думаю, у нас получилось. Если подпишешь, она едет с тобой. Завтра же.

Он пододвинул бумагу ближе к Патрику.

- Эта подпись будет преследовать меня всю жизнь. Мне надо подумать.

- Пятнадцать лет тюрьмы – разве не половина твоей жизни?

***

Офицер с руганью вошел в мою камеру и силой отобрал компьютер. Елин сдержал свое обещание и отправил меня в камеру со всеми удобствами. Только решетка на маленьком окне напоминала о том, что я находился в подвалах Лубянки. Комната была маленькая, наподобие тех, что используются врачами для краткого сна во время дежурства в больнице, но она была чистая и аккуратная. С одной ее стороны была расположена кровать, приделанная к стене, с другой – умывальник. В стене напротив находилась железная дверь, а рядом с кроватью – маленький деревянный столик. Я поставил на него компьютер и писал, сидя на краю кровати. Мой роман был единственным способом убить время, которое тянулось безнадежно медленно. Кроме того, это была единственная возможность покончить с обязательствами, которые я сам на себя возложил. Про газету даже думать не хотелось. Репортаж я должен был отправить еще несколько дней назад. Я даже не помнил, сколько именно.

В какой-то момент я попытался понять, есть ли люди в соседних камерах, но не услышал ни малейшего звука, даже стука железной двери. Мне подумалось, что, наверное, в этом помещении побывали разные высокопоставленные чекисты, потерявшие свою власть и впоследствии казненные. Дикую радость вызвала во мне мысль, что и Елин, быть может, в один прекрасный момент окажется здесь.

Как будто читая мои мысли о своем руководстве, офицер был со мной очень резок. Тщетно старался я объяснить ему, что сам Елин приказал предыдущей смене принести мне компьютер и что они даже зарядили его батарейку. Мало мне было несчастий, теперь еще мне попался этот бешеный тупица госслужащий, который орал, что инструкции запрещают арестантам читать и писать. Когда он ушел, унося компьютер с такой осторожностью, как будто это была бомба, я укрылся единственным имевшимся в камере одеялам и попробовал уснуть, но расслабиться так и не получалось. Я полистал комсомольскую брошюру, осуждавшую сталинские крайности в отношении личной жизни с использованием цитат из литературы того времени:

«Я пишу книги, я – писатель... Все это благодаря тебе, товарищ Сталин, великий наш учитель... Я люблю женщину новой любовью, я увековечиваю себя в своих детях – все это благодаря тебе... А когда женщина, которую я люблю, подарит мне сына, его первое слово будет: “Сталин”».

Меня разбудили утром, принеся пустой чай, а потом опять отвели в кабинет Елина.

[27 ноября]

- Сожалею о том, что случилось с твоим компьютером. Мне только что об этом доложили. Я приму соответствующие меры.

Мне не хотелось вмешивать во внутренние дела их организации. Я промолчал в ожидании продолжения.

- Ты написал то, о чем мы вчера договорились?

- Не успел. Только над своим романом немного поработал.

- Ах, вот оно что. Ты еще и литературным творчеством занимаешься?

- Ничего особенного. Детектив про любовь и социализм.

- Звучит интригующе. А у тебя нет проблем с цензурой?

Только сейчас я открыл для себя, что Елин обладал чувством юмора.

- Я еще не успел заключить контракт с агентством «Новости». А пока собираюсь издать этот роман на Западе.

- Я о том же.

- В Соединенных Штатах не существует проблем с цензурой.

Он улыбнулся, как человек, которому многое известно.

- Да ладно. Можешь писать все, что вздумается?

- Разумеется.

- Нет, не можешь, - решительно заявил Елин. - Существует цензура рынка. Ни один издатель не будет иметь дело с романом, воспевающим коммунистические идеи, или с серьезным литературным произведением. Ты вынужден подстраиваться под моду и писать на потребу толпы, если ты хочешь увидеть свое произведение изданным. Поэтому ты и работаешь в таком легком жанре, как детектив. Такая литература хорошо продается. Ты сам себе цензор. Только при социализме возможно издание серьезной литературы, потому что она публикуется за государственный счет.

- То есть книги Бориса Пастернака не были серьезной литературой?

- Конечно, имели место и крайности. И мы пытаемся их исправить. Мы хотим уйти от госзаказа в литературе, но не оказаться у другого края – литературы рыночной.

- Мне больше нравится, когда решение принимают несколько издательств, а не бесконтрольная партийная комиссия.

Так мы оба поняли, что беседа зашла в тупик. Последовало молчание.

- Ты решился написать то, о чем я тебя просил? – нарушил тишину Елин.

- Я не могу представить вас и консерваторов из Политбюро в качестве положительных персонажей, а Горбачева – как того, кто находится в заблуждении. Это будет противоречить установившемуся сегодня на Западе общественному мнению. Цензура рынка этого не позволяет, и я буду вынужден заниматься самоцензурой.

Я ожидал, что моя шутка выведет его из себя, но Елин был невозмутим. Он пожал плечами.

- Хорошо. Меня это больше не интересует.

Я с удивлением взглянул на него.

- Недавние события получили огласку, и будет понятно, что мы тебя заставили писать. К тому же мы заручились обещанием твоей редакции.

- Каким?

- Что ты никогда не будешь больше писать о Советском Союзе. Нам передали это через посольство США. Твоя редакция обязалась немедленно вызвать тебя обратно в Нью-Йорк.

- Подонки, - произнес я.

- Ты должен прыгать от счастья. Советские законы строго преследуют незаконное обращение радиоактивных материалов. В крайнем случае, мы обменяем тебя на какого-нибудь нашего человека, но только после суда и проведенных тобой нескольких месяцев в тюрьме.

- А что это вы вдруг так подобрели?

- Нисколько. Просто вмешалось правительство США. Кроме того, ты – сбитый летчик, и нам ты никак не можешь больше здесь пригодиться. Мы договорились, что ты покинешь Советский Союз в течение ближайших сорока восьми часов.

Я молчал. Я думал о Мадлис, и Елин догадался об этом. Очевидно, ему было известно о наших отношениях.

- Опять думаешь о женщинах? Эта восточная немка никуда с тобой не поедет. Во-первых, не сможет, во-вторых – больше и сама не захочет.

Он настойчиво повторил:

- Я говорю тебе, Даннахер. Ты – сбитый летчик. Знай, где бы ты ни находился, мы можем в любой момент заняться твоим делом. Если только...

- Если только что? – пробормотал я.

- Если только ты не согласишься с нами сотрудничать.

- Вчера вы хотели от меня положительную статью. Как вам могло прийти в голову...

- Я лучше все обдумал.

Он открыл ящик стола и вытащил оттуда папку с белыми ленточками, приподняв ее так, чтобы мне было ее видно. Движения его были медленными, я бы сказал, садистическими. Печатными буквами было написано: «ДЕЛО». Ниже – «ТОВАРИЩ». Внизу же кириллицей было написано: «КЕВИН ДАННАХЕР».

- Это – папка с твоим делом. Мы знаем все. Мы нашли официанта, который передал тебе чемодан, и он во всем сознался. О Тамуряне он ничего не сказал. Он тоже подчиняется воровскому закону молчания. Сейчас его ожидают десять лет тюрьмы, а если он заговорит, с ним «разберется» мафия. Он все свалил на тебя. Если ты не желаешь, чтобы делу был дан ход, ты, как хороший мальчик, уедешь в Штаты и будешь ждать дальнейших указаний.

Он сделал небольшую паузу. Потом достал из кармана визитку, написал на ней какой-то номер и сказал почти человеческим тоном:

- Тебе не обязательно отвечать сразу. Если ты решишься, позвони мне по этому номеру, в любое время суток. Подумай хорошенько. Или ты будешь работать на нас, или ищи себе другое занятие, потому что, сдается мне, твоя журналистская карьера закончилась. Через несколько дней весь Нью-Йорк будет обсуждать твои приключения. А сейчас можешь идти.

Елин нажал на кнопку на своем столе и подал охраннику знак увести меня. Когда я шел к выходу, он крикнул:

- Тут уже пришел кое-кто, чтобы промыть тебе мозги. Ждет тебя...

В коридоре, за дверью кабинета главы КГБ, стояла Синтия...

***

Хардман в очередной раз прервал меня. Оба его помощника ослабили узлы своих галстуков и воспользовались перерывом, чтобы размять свои пальца, уставшие от долгого писания. Вебер устроился в кресле, скрестив руки у себя за головой.

- Вы согласились на это сотрудничество, господин Даннахер?

- Ни на секунду, господин Хардман.

- Тогда почему же вы сразу не отказались?

- Я был ошеломлен.

- В своем романе вы как раз пишете на эту тему. Значит, вам приходило в голову что-то подобное.

Я поглядел в потолок, с удовлетворением потирая себе шею.

- Видимо, что-то подобное подумал и Елин. Вы позволите мне продолжить?

- Ребята, давайте, - сказал он своим помощникам, даже не взглянув на меня.

***

С Синтией мы не обменялись ни словом, пока не вышли наружу, в свободную Москву. На выходе из здания на Лубянке мне отдали компьютер и мои личные вещи. Шел мелкий снег, и городской воздух впервые показался мне таким чистым. Мы быстро прошагали около трехсот метров, как будто я хотел вырваться из-под тени кагэбэшного здания, и затем остановились. Синтия прокашлялась и сказала:

- Кевин, мне все известно.

- Ты когда прилетела?

- Вчера вечером. Я выехала, как только мне позвонили среди ночи из газеты. Позвонил сам Вебер, он очень зол на тебя. Я пришла домой, и увидела сидящую в кресле эту...

- Тем лучше, - нашелся я.

- Мне передали, что тебе нужно в течение сорока восьми часов покинуть Москву.

- Кто тебе такое сказал? – с раздражением спросил я.

- Вебер.

- Дела обстоят не совсем так, как ему донесли. Я не могу уехать отсюда, не восстановив свое доброе имя.

- Кевин, я приехала за тобой. Мы вместе уедем в Нью-Йорк. У меня есть билеты на четыре часа. Давай сделаем еще одну попытку. Все, что было, – прошло, я готова простить тебя. Я и Хауард, мы любим тебя.

- Я вас тоже люблю, - сказал я. – Но, Синтия...

Я взял ее под руку и мы повернули. Мы снова направились в сторону площади Дзержинского. Она с удивлением посмотрела на меня.

- Нет, не волнуйся, - с улыбкой пояснил я, - мы не возвращаемся в КГБ. Я хочу купить игрушку в «Детском мире».

Мы вошли в магазин детских товаров и на эскалаторе поднялись на второй этаж. Сквозь огромные окна виднелась Лубянка. Утренний туман и снег делали ее похожей на игрушечный деревянный замок. Когда-нибудь я попаду в книгу

рекордов Гиннеса: должно быть, я был первым, кто попал туда и выбрался оттуда так быстро.

Синтия плакала. Я купил обезьянку, играющую на барабане, и отдал ее Синтии. Она заглянула мне в глаза и произнесла:

- Кевин, это последний шанс.

Я обнял ее за плечи.

- Я очень благодарен тебе за все. За твой приезд, за терпение, за великодушие. Я попал в неприятности, и уже тысячу раз раскаялся в этом. Но сейчас у меня нет дороги назад. Из-за меня один мальчик, почти такой же, как наш сын, находится в опасности, и я не могу оставить все так.

- Ты хочешь сказать, что больше не любишь эту...

Я колебался, но в итоге решил, что мне, не пошедшему на компромисс с Елиным, не пристало лгать Синтии.

- Нет. Этого я сказать не хотел...

Мы вышли на улицу. Я вытер ей слезы и погладил ее по волосам.

- Тебе лучше незамедлительно покинуть Москву, тебе нельзя подвергаться опасности. Дела здесь весьма плохи. На меня идет охота. Фабио находится в больнице в критическом состоянии, и я не могу понять, по какой причине. Кто-то должен присмотреть за нашим сыном. Ты где остановилась вчера?

- У консула. Он сейчас в посольстве, ждет новостей.

- Давай я тебя провожу. Это по дороге. Я пойду в свой офис.

- Не нужно. Я знаю дорогу, - резко ответила она и пошла в противоположную сторону.

Я проводил ее взглядом и взял такси до Таганской площади. Я должен был объяснить своей редакции, что произошло. Ехали мы медленно, и я включил компьютер, чтобы убедиться в его рабочем состоянии. Я увидел, что кто-то открывал файл с романом. Всегда у меня были проблемы с новыми технологиями.

- Гебисты с художественными наклонностями, - пробормотал я.

***

По Наташиному виду я догадался, что происходит что-то неладное. Увидев меня, она потупила взор, как будто совершила какой-то проступок. Стремительно войдя в свой офис и собираясь взяться за телефон, я увидел Джона Холби, тщеславного молодого человека из международного отдела. Он сидел за моим столом и изучал телеграфную ленту. Я знал, что уже несколько месяцев он хотел занять мое место и ждал моего решения уехать из Москвы. Он не сдвинулся с места.

- Что здесь происходит? Ты можешь мне объяснить?

- Я сожалею, Кевин, - ответил он с видом испорченной девушки.

Без комментариев он передал мне факс из Нью-Йорка. Вебер уведомлял меня о том, что в связи с последними событиями он вынужден прервать наше сотрудничество. Вместе с Синтией он послал билет на нью-йоркский рейс. Редакция брала на себя все расходы по переезду обратно в Америку. Квартира, предоставленная УПДК, советской службой, управляющей районом для иностранцев, должна была быть освобождена в ближайшее время для того, чтобы в

ней мог поселиться новый корреспондент. Кроме того, я должен был отдать свой автомобиль, который находился в собственности газеты.

Мой преемник, рыжеволосый курносый парень, со следами от юношеских прыщей на лице, глядел на меня с торжествующим видом. Я сказал, больше для того, чтобы осадить его:

- Прекрасно, ты не мог бы ненадолго освободить мое место? Мне надо связаться с редакцией.

Тот посмотрел на часы.

- Я – новый корреспондент, и со вчерашнего дня офис принадлежит мне. Ты можешь воспользоваться телефоном, который стоит у Наташи, но ты вряд ли до кого-нибудь дозвонишься. Сейчас все спят.

- Поздравляю с новым назначением. Ты получил его по заслугам, но и КГБ, на самом деле, руку свою приложила. Я могу хотя бы забрать свои вещи из офиса, или ты их тоже получил по наследству?

Он раздраженно поднялся и отправился на кухню. Несмотря на желание заехать ему по лицу, я удовлетворился тем, что сложил в мешок для мусора все то, что в тот момент показалось мне ценным. Фотографию Синтии и Хауарда, записную книжку, несколько дискет, две-три папки с вырезками из советских газет и телеграммами. Из ванной я забрал свои туалетные принадлежности и пару служебных галстуков для особых случаев.

Я зашел в соседнюю комнату и поцеловал Наташу, которая смотрела на меня как на идущего на смерть. Она успела сообщить мне, что связалась с Еленой и Мариной, секретарями «Коррьере делла Сера»**:** состояние Фабио улучшилось, но ему все еще был необходим абсолютный покой. Он не мог говорить и давать показания правоохранительным органам.

Я уже стоял около лифта, когда Наташа подбежала ко мне с паспортами Мадлис и Эрика в руках. Я передал их когда-то консулу, чтобы он выдал визы и чтобы они могли незамедлительно уехать из страны сразу после освобождения мальчика. Еще там была записка от консула: «Думаю, эти заявления на выдачу виз уже не действительны».

Пока я ждал лифт, я задумчиво разглядывал паспорта и размышлял о своих планах на ближайшее будущее. Я мог бы выполнить несколько заказов?, оставаясь в Москве до тех пор, пока мы не узнаем, что будет с Эриком, и пока я не выясню, что будет со мной. Елин дал мне лишь сорок восемь часов. У меня не было ни дома, ни машины. Сначала я увидел паспортную фотографию улыбающейся Мадлис, а потом раскрыл паспорт мальчика. Мне бросилась в глаза надпись: «Эрик Бауэр, дата рождения – 9 ноября 1980».

Двери лифта раскрылись, но, к удивлению японского журналиста, который направлялся на прогулку со своим страшным черным бульдогом, я позволил дверям захлопнуться передо мной. Вернувшись в офис, я спросил Наташу:

- Ты помнишь дату падения Берлинской стены?

Пока она рылась в газетах, неприятная физиономия молодого корреспондента с любопытством выглядывала из-за угла.

- 9 ноября, - ответила Наташа.

- Удивительное совпадение, - сказал я и сразу вышел.

Часть третья

Джульетта

...Поцелуи бросаю острей и звончей.
Строки Маркса падают на кровать из карманов
Большие идеи равенства всех людей...
Мои ласки их на миг унесут, одурманя,
Чтобы после им всплыть еще ясней.

Нина Серпинская (1923)

Мне не особо хотелось видеть его, но столкнулись мы на входе на территорию «гетто» для иностранцев. Он посмотрел на меня с улыбкой, как будто бы между нами ничего не произошло, и замедлил шаг. Мне пришлось поступить так же.

- Как дела в американском посольстве?

Я постарался придать своему голосу насмешливый тон. Консул пристально взглянул на меня.

- Кевин, ты знаешь, мы сделали для тебя все возможное.

- Да уж. Вы даже поклялись от моего имени КГБ, что я не буду больше писать про них.

- Это сделала твоя редакция. Факт в том, что мы вмешались. А ты что хотел? Отправиться в тюрьму?

- А сейчас я вроде как на свободе?

- А это не наша вина. Ты сам поехал в Москву-400. Я предупреждал тебя, что лучше не ввязываться в эту историю...

- Оставить ребенка в лапах Штази?

Он проигнорировал мое последнее замечание.

- Я отвез Синтию в аэропорт.

- За это тебе спасибо.

- Что ты собираешься делать?

- Я планирую порадоваться жизни еще несколько часов. Секс, алкоголь, наркотики... Затем я распрощаюсь с женщинами и сиротами и исчезну.

Я заметил, что он не обращает внимания на мои колкости.

- Это – лучшее, что ты можешь сделать. Ситуация здесь обостряется.

- Мне хуже уже не будет.

- Я про политическую ситуацию. Горбачев примкнул к консерваторам. У нас есть информация, что он дал приказ советскому Главному штабу

приостановить реализацию соглашения об ограничении ядерного оружия. На нас давят вашингтонские «ястребы». В ближайшие дни Президент отправит Горбачеву телеграмму с требованием немедленно приступить к реализации договора между США и СССР. В противном случае мы первые заявим протест и перейдем к программе «Звездные войны». Но это все должно остаться между нами. Тебе же я это говорю, чтобы ты мог спланировать свои действия. Информация крайне секретная, и, конечно, я бы ни слова не сказал тебе, несмотря на нашу дружбу, будь ты действующим сотрудником газеты.

- Я высоко ценю то доверие, которое ты оказываешь мне как безработному.

У меня не было никакого желания видеть его физиономию. Я повернулся и зашагал в другую сторону, помахав на прощание рукой.

***

Увидев меня, Мадлис поднялась с места, и мы поцеловались. Когда ты влюблен, твои чувства обостряются, и так я ощутил некоторую холодность ее объятий. Ее руки обнимали меня как бы с сомнением, губы не были так горячи, как прежде. Как будто она обнимала политзаключенного, выходу на свободу которого она была рада, но не своего любимого человека. Светлана учтиво стояла позади нее. Она сразу начала объяснять, что это не она сообщила спецслужбам о том, что я находился у нее дома. Я дружелюбно похлопал ее по спине:

- Я знаю, Светлана, не переживай. Вы сделали все, что могли. Да и Маша спасла меня от этого «рогатого мужа».

Мне очень хотелось принять горячую ванну, но еще больше мне не терпелось поговорить с Мадлис. Мы уединились в спальне и, обнявшись, упали на кровать. Я присел рядом с ней. Все эти дни мне больше всего хотелось оказаться с ней вдвоем, но сейчас меня разбирало любопытство по поводу дат. Я сделал глубокий вздох и произнес:

- Мне не верится, что это – совпадение.

Лицо ее исказилось, как в тот вечер у пруда. Она резко поднялась с постели и свернулась калачиком в кресле, как кошка,.

- Я не понимаю, к чему ты клонишь. Поскольку 9 ноября – день рождения Эрика, я прекрасно знаю, что это – важная дата в истории Германии. 9 ноября 1918 года распалась Империя и была провозглашена демократия. В тот же день, в 1923 году, провалился путч Гитлера, а 9 ноября 1938 произошла знаменитая «хрустальная ночь». В тот же день, через год, Гитлер избежал покушения на свою жизнь, организованного Джорджем Эльзером. 9 ноября 1967 года вышли на улицу студенты в Гамбурге. Тебе хватит?

- А в 1989 пала Берлинская стена.

- Возможно, те, кто планировал переворот, желали связать его с другими событиями.

- Значит, это был переворот.

- А что? Я когда-либо это отрицала?

В ее голосе росло напряжение. Я старался не терять самообладания.

- Нет, просто меня удивило, что ты промолчала о совпадении даты падения режима Бауэра и дня рождения Эрика. Диктатор отобрал у тебя сына, и ты забираешь его обратно в этот значимый день. Прекрасная месть.

Она нервно рассмеялась.

- Ну-ну. Что ты хочешь сказать? Что я попросила тех, кто готовил переворот, позаботиться о том, чтобы я чувствовала себя счастливой, задувая свечки на праздничном торте Эрика?

Действительно, я перестарался. Даже не знаю, как мне в голову пришла эта идея, когда я разглядывал их паспорта. Говорят, что никому никогда не удавалось вырваться из застенков Лубянки в здравом рассудке. Похоже, и мне сумасшествие грозило после суточного заключения и даже без каких-либо пыток. Мадлис обиделась.

- Я верю в высшую справедливость. Не знаю, как и где, но она точно есть. Я выросла в марксистской среде, но сдается мне, что это ты – сторонник исторического материализма. Я на самом деле хотела отомстить за свои страдания, а также забрать своего сына обратно. На достижение этих двух целей я направила огромное количество энергии. Не спрашивай меня, какого рода энергии, как школьный учитель физики. Я не знаю.

- Прости меня. Я не очень хорошо себя чувствую. Мы расстаемся с Синтией, меня уволили с работы, и в течение сорока восьми часов я обязан покинуть Советский Союз. В этом хаосе я способен потерять веру даже в тебя. Хуже всего, что я не могу помочь тебе вернуть Эрика. Единственное, что я могу для тебя сделать, - это дать немного денег, которых тебя хватит на ближайшее время.

- Почему ты должен уехать? – холодно спросила она.

Я рассказал ей о том, что произошло.

Вместо того, чтобы прокомментировать мою историю, она погладила меня по голове. Ее жест больше походил на выражение чувств по отношению к ребенку, а не к любовнику.

- Кевин, ты - лучший из мужчин, которых я встречала. Ты не виноват в том, что случилось. Не по своей воле ты ввязался в эту историю. Нет никакой необходимости разрушать свою семью. Синтия все еще тебя любит... Я не держу на тебя зла. Я тебя понимаю.

- Ничего ты не поняла, Мадлис.

- Это ты не понял, что я чувствую. Я тебя люблю и желаю тебе только блага. Тебе достаточно из-за меня досталось.

- Я разговаривал с Синтией. У наших отношений нет будущего. Я сказал ей, что люблю тебя. Я хочу, чтобы мы были вместе. Я буду ждать вас в Нью-Йорке. Как только Эрик будет с тобой...

Она приняла полный решимости вид.

- Я же хочу, чтобы мы расстались. Так будет лучше для тебя.

Я почувствовал, как рушится мир вокруг меня. Руки мои дрожали. Меня тошнило, как разочарованную провинциалку в дешевом любовном романе.

- К тому же, ты уезжаешь, а мне надо остаться.

Разговор о ее проблемах, дал мне возможность самому вести игру.

- Ситуация ухудшается. Что ты будешь делать здесь одна? Я только что говорил с консулом. Американцы считают, что Горбачев примкнул к

консерваторам. Президент США отправит ему телеграмму. Мы возвращаемся к холодной войне.

Она пожала плечами, как бы говоря: «Единственное, что меня волнует, - это мой сын».

- В камере на Лубянке у меня было достаточно время подумать. Мне кажется, выход - один. Надо открыто заявить о происшедшем. Ты подробно расскажешь свою историю, обо всех этих оруэлловских оргиях и запрете на встречи с ребенком, о вычеркивании слова «мать» из школьных учебников и о московском похищении мальчика. Ты дашь интервью советской и зарубежной прессе. Я помогу организовать контакт с любым телеканалом. Это повлияет на международное общественное мнение. Иначе и быть не может. И тогда советские власти вынудят Миллер освободить мальчика.

- Это невозможно, - решительно ответила она.

Я в недоумении посмотрел на нее.

- Их многолетняя клевета привела к тому, что мальчик возненавидел меня, свою мать. Я не хочу, чтобы он возненавидел своего отца и деда.

- И что же ты будешь делать?

- Я еще не решила. Говорят, что «старика» скоро привезут в Москву.

Я вскочил с кровати.

- Бауэра?

- Ты не читал газеты?

Со всеми этими приключениями, я был проинформирован хуже, чем какой-нибудь журналист из Монгольской Народной Республики.

- Очевидно, что «старик» проигрывает. Сейчас он находится в красноармейском военном госпитале неподалеку от Дрездена, якобы в очень плохом состоянии. По телевизору сообщают, что, возможно, его уже сегодня перевезут сюда для лечения. Этот вариант устраивает, несомненно, все стороны. Западногерманские власти не хотят суда над человеком, с которым находились в контакте все эти годы. «Старик» много знает и грозится многое обнародовать. Он на это способен, потому что крайне упрям. Он может рассказать об обменах шпионами, о секретных кредитах, которые ему предоставляли западноевропейские банки, когда он отказался продолжать брать деньги из Москвы. Об этих соглашениях даже американцы ничего не знают. Между тем, уже начались разговоры об объединении двух германских государств. По сути дела – о присоединении восточной части к западной. «Старик» не желает оставаться в Германии. Он боится преследований в связи с экономическими преступлениями, с казнями людей, пытавшихся перебраться через Стену...

- Я не понимаю, каким образом ты собираешься забрать мальчика.

- Когда он окончательно проиграет, он, скорее всего, освободит мальчика. Он считает его своим наследником. Но если действительно царство коммунизма пало, не нужен больше и принц. Я посмотрю, как будут развиваться события.

- Если бы мы знали все это несколькими днями ранее...

- Ход игры был решен в течение последних дней. Преемники Бауэра не способны сохранить ГДР в качестве независимого государства.

- Похоже, в итоге проиграем только мы со «стариком». Он потеряет власть, а я потеряю тебя.

- Ты найдешь себе другую, Кевин. Ты – идеальный мужчина.

- Да ладно. Наверно, Елин прав. Я – сбитый летчик.

- Не будь ребенком.

- Я хочу, чтобы ты еще немного подумала. Ты клялась мне в вечной верности.

- Хорошо, я подумаю, - согласилась она.

***

К счастью, Фабио находился в руках Четвертого управления при Минздраве СССР. Это управление занималось здоровьем пары тысяч избранных представителей советской элиты. Роскошные больницы, импортные лекарства и оборудование, лучшие в стране врачи, медсестры, которые не вели себя как операторы машинного доения. Его поместили в больницу, которая находилась неподалеку от здания МИДа, напротив гостиницы «Белград». В те дни свободная пресса требовала отмены привилегий в сфере здравоохранения для членов номенклатуры, а также доступности спецбольниц для всего населения. В этом случае я впервые не поддерживал сторонников кардинальных реформ, по крайней мере, до выписки Фабио.

Вестибюль напоминал первоклассную гостиницу. Войдя, я заметил несколько девушек, с которыми меня когда-то знакомил Фабио. Они терпеливо ожидали свидания. Ни криков, ни драк. Если бы что-то случилось с Фабио, половина женского населения Москвы впала бы в депрессию. В конце коридора показался Джузеппе и направился в мою сторону. Он как будто состарился на десять лет. Шел, еле передвигая ноги, был небрит, глаза его были красными от бессонницы.

- Ему немного лучше. Но врачи говорят, что опасность еще не миновала.

Нам обоим в голову пришла одна и та же мысль. Джузеппе первым вслух задал вопрос:

- Кто, черт побери, были эти люди... Ты думаешь, это из-за женщины?

Я в первую же минуту заподозрил, что без женщин тут дело не обошлось. Перед тем как заняться посвящением «Мисс КГБ» в секреты любви по-итальянски, Фабио встречался с Заной, казашкой с русским телом и азиатским лицом. Зана была одной из лучших московских девушек, но был у нее один недостаток: она была любовницей «Тони Монтаны», одного из главарей преступного мира, который чуть ли не каждый день заставлял своих людей пересматривать фильм Брайана де Пальмы «Лицо со шрамом». Обманутый «Тони» жестоко избил Зану за ее «гулянья» и через общую приятельницу, директора школы манекенщиц, предупредил Фабио о том, что если тот продолжит свои отношения с Заной, его ожидает наказание, которому «позавидовали бы даже сицилийские мафиози».

- Но что-то, Джузеппе, здесь не сходится. Фабио расстался с Заной, когда познакомился с Ларисой. Поэтому у «Тони» не было повода с ним «разбираться». К тому же вендетта – обычай сицилийский, а не советский.

- Лариса?

- Она не отходит от него все эти дни и все время плачет. Лишь этим утром мне удалось уговорить ее пойти домой, чтобы немного отдохнуть. Она говорит, что любит его.

Впервые Джузеппе усомнился в искренности члена глубокоуважаемого Комитета государственной безопасности.

Подошедшая медсестра прервала наш разговор.

- Вы можете пройти к нему, но только на несколько минут.

Поначалу я его не узнал. С бритой головой, с двумя пятнами вместо глаз. Все его лицо было обезображено и имело фиолетовый цвет. На счастье, он был не в состоянии подняться с постели, потому что, если бы он увидел себя в зеркале, с ним бы точно произошел нарциссный коллапс. Одна его рука была в гипсе, к другой было подсоединено разное медицинское оборудование.

Я попробовал улыбнуться, но тот не среагировал. Я сел рядом с ним на кровати и взял его за руку. Джузеппе с трудом сдерживал слезы. Медсестра стояла рядом и следила за тем, чтобы мы не нарушали предписаний: ему было запрещено говорить, волноваться и утомляться.

- Аллора, - я нашел, что сказать.

Он освободил свою руку из моей и попытался вытащить трубки из своего носа. Потом он прошептал:

- Они искали...

- Что искали?

Медсестра слегка подтолкнула меня в спину.

- О «стене», - удалось произнести Фабио.

- Кто? – спросил я.

Он прикрыл глаза, как будто собирался с силами, чтобы заговорить. В течение минуты он лежал с закрытыми глазами, и поэтому медсестра взяла меня под руку и вывела нас с Джузеппе из палаты.

***

Тем временем Лариса вернулась обратно в больницу и, увидев меня, тут же подбежала к нам. Мы сели на диван.

- Как он?

- Как социализм. Практически в коме.

Джузеппе бросил на меня не столь гневный взгляд, как я бы ожидал. Я внимательно посмотрел на нее вопрошающим взглядом.

- У него были контакты с гэдээровцами?

- Впервые слышу. А почему ты спрашиваешь?

- Потому что, если он их не имел, они были у тебя.

- Кевин, я клянусь тебе. Все, что случилось, не имеет ко мне никакого отношения.

Я в первый раз видел готового расплакаться сотрудника КГБ. Если только их там не обучали актерскому мастерству, она говорила правду.

- Ну почему ты мне не веришь? Я его слишком люблю, чтобы причинить ему зло. Ты не знаешь, что он для меня значит. Потому что тебе не известна природа советских людей.

- Признаюсь, это – не моя специальность.

- Благодаря Фабио я узнала, что бывают мужчины благородные и нежные. Ты не представляешь, как меня поразило, когда, прежде чем заняться любовью, он спросил меня, как я себя чувствую? А после – продолжал меня целовать? Когда он спрашивал меня, куда мы пойдем вечером? Что он был ласков со мной и не был постоянно пьян?

- Напоминает мне «Арлекина», Лариса.

- А что это еще за «Арлекин».

- Любовные романы, которые читают западные женщины, со слащавыми любовными историями.

- Я не понимаю, почему ты издеваешься, но здесь, у нас, нет таких любовных романов. Я никогда ничего подобного не читала.

- Да ладно, Лариса. У вас такая богатая литература, - возразил Джузеппе, прервав свое молчание.

- В школе мы читали книги, где героями были рабочие. Классический пример – «Энергия» Гладкова. Этот роман я наизусть знаю. Молодой рабочий по имени Иван взялся за свой молот. Как только разверзлась поверхность металла, он ощутил дрожь во всем теле. Оглушительный шум отдалил от него Соню. Он положил руку ей на плечо и погладил по волосам, спадавшим за ухо. .. В тот же миг оба молодых человека почувствовали, как сквозь их тела прошел электрический разряд. Иван шумно вздохнул и крепче сжал свой инструмент.

- Только не говори мне, что речь идет о молоте...

Впервые за несколько дней я рассмеялся. Лариса вздохнула.

- У советского человека нет времени ни читать, ни влюбляться. Во имя равенства нам, советским женщинам, дали право на труд, и в результате весь груз оказался на наших плечах. Мы работаем столько же, сколько и мужчины, затем мы вынуждены часами стоять в очередях, готовить, убираться, воспитывать детей. Мы – жертвы равенства полов.

У Джузеппе не было сил возражать.

- Значит, ты – феминистка.

Я сказал это в шутку так, как сказал бы какой-нибудь своей подружке в Нью-Йорке. Она с обидой посмотрела на меня.

- Ты хочешь сказать: феминистка и сотрудница спецслужбы. Слава «перестройке» и КГБ за то, что они, в прошлом году, впервые выпустили меня за рубеж. Мы были в Испании, в рамках программы по обмену между спецслужбами. За рубежом большинство из нас впадали в шок от вида супермаркетов. Но самое большое впечатление на меня произвело не богатство или продукты потребления, а испанки. Они были более женственные, чем мы.

- Ты и мой брат даже в личных отношениях занимаетесь антикоммунистической пропагандой, - сказал Джузеппе, разочаровано глядя на Ларису. Знаете, почему партия избрала меня членом делегации юристов? Потому что 90% товарищей, которые приезжают сюда и находятся здесь дольше, чем обычные туристы, возвращаются с измененным сознанием. Кто-то выходит из

Партии, кто-то требует еще большего отдаления от Советского Союза. Я был выбран, потому что я – идеологический кремень. И вам с братом не удастся сломать меня своими бабьими историями.

Игнорируя краткую речь Джузеппе, я обратился к Ларисе:

- У меня проблемы с твоей службой. Меня заманили в ловушку и закрыли на ночь на Лубянке.

- На Лубянке? – с ужасом повторила Лариса, как будто сама не там работает. – Почему? Кто тебя задержал?

- «Обманутый муж», обидевшийся на то, что я собирался переспать с его женой.

- И правильно сделал, - вмешался Джузеппе.

- Один тип, изображавший «обманутого мужа» в тот вечер, на следующий день участвовал в моем аресте. Он был из КГБ.

- Не может быть, - произнес Джузеппе.

- Ва фанкуло, - выругался я по-итальянски. – Ты еще и в русских «рогоносцах» разбираешься?

Я повернулся к Ларисе.

- У меня есть адрес квартиры, в которой они устроили ловушку. Судя по всему, она принадлежит КГБ. Ты можешь что-нибудь разузнать?

Я дал ей бумажку с адресом и описал внешность «рогоносца», а также Кати.

Перед уходом Лариса достала из кармана кусок бумаги и что-то записала.

- Вот мой домашний адрес. Если что-то будет нужно, приезжай. Звонить лучше не надо, потому что мы тоже под контролем. Последние события заставляют меня задуматься, а не уйти ли мне со службы.

- Зачем тебе уходить с такой хорошей работы? – вмешался Джузеппе. – Тысячи девушек позавидовали бы твоему положению...

Лариса не обратила внимания на эту реплику.

- Я могу сделать все, что потребуется для тебя и для Фабио. Хочу только попросить об одной услуге.

- На Лубянку я, в любом случае, не поеду.

- Ты можешь принести мне этот любовный роман, о котором ты говорил?

***

- Это - одна из первых вещей, которым обучают разведчика, - сказал Любимов. – Выбор места встречи зачастую предопределяет удачу или провал предприятия.

Мы встретились в очереди к Мавзолею Ленина. На самом деле, я уже окоченел от холода, однако практически никто не смог бы заподозрить двух мужчин в меховых шапках, томящихся в очереди среди сотни преданных идее коммунизма граждан, чтобы поклониться забальзамированному телу. Нам оставалось более 100 метров до нашей цели. Мы стояли перед входом на Красную площадь, и в нашем распоряжении была уйма времени. Любимов оправился от своих травм. Он с удовольствием принял две тысячи долларов, которые я отправил ему с Наташей на починку его «Жигулей», хотя, разумеется, в каком-нибудь

государственном авторемонте эта работа стоила бы в десяток раз меньше. Настроение у него было приподнятое.

- В эти дни мне вспомнилось прошлое.

Он сделал паузу, как будто подбирая слова.

- Ты слышал этот польский анекдот о хорошей и плохой новости? Хорошая новость: Ленин умер, плохая: его мать беременна. С чего начать?

- Я не вынесу больше не одного дурного известия. Начинай с хорошей новости.

- Я разузнал о семье Бауэра. Мадлис находится в очень близких отношениях с Евой Бауэр, старшей дочерью диктатора. Та ей покровительствует. Она была одним из главных людей во власти, и после смерти отца ее хотели назначить его преемником в партийном руководстве. Ее, а не ее брата алкоголика. У нее были налажены хорошие контакты с советскими властями, особенно же с КГБ и его главой Юрием Андроповым. Он потом стал Генеральным секретарем. Андропов поддерживал реформы, но не успел ничего сделать, поскольку умер в 1983 году, не поруководив страной даже пару лет. КГБ был первым органом, заговорившим о необходимости реформ.

- То же самое сказал мне Елин.

- Даже КГБ иногда говорит правду. Перед смертью Андропову удалось продвинуть по партийной лестнице своего подопечного Михаила Горбачева, да и в других странах – людей с подобным образом мысли, как у Бауэр. В 1982 Ева скоропостижно скончалась, незадолго до развода Мадлис. Реальные обстоятельства ее смерти и по сей день покрывает завеса тайны. Официально было заявлено об инфаркте, но существует мнение, что она была отравлена ядом, следы которого так и не удалось обнаружить. Производством подобных ядов занимались восточногерманские спецслужбы, т.е. Штази. Не исключено, что ее «убрали» оппоненты сторонников Андропова и Горбачева, с молчаливого согласия Бауэра.

- Только не говори мне, что ты подозреваешь ее отца!

Любимов по-отечески посмотрел на меня, как смотрят на ребенка, который что-то не понимает в силу своей невинности.

- Я тебе уже объяснял. Коммунизм не принес счастья этой семье. Тем более у представителей высших эшелонов власти любое человеческое чувство уничтожается политическими интригами. Да ты и на Западе мог это заметить. В коридорах власти нет места семейным связям. Ты слышал о Калинине? Он был председателем Советского Союза в 30-х годах, когда Сталин был Генеральным секретарем.

- Я каждый день проезжаю по Калининскому проспекту.

- Замечательно. Чтобы контролировать его, пока тот находился на посту Председателя Верховного Совета, Сталин посадил в тюрьму его жену. Точно так же он поступил с Молотовым, своей правой рукой. Тот был Министром внутренних дел в течение тринадцати лет, и именно он заключал тайные соглашения с Гитлером перед войной. В это время супруга Молотова провела в лагере. При этом эти невероятные люди нисколько не протестовали, но я уверен, что они уверяли Сталина в правильности его действий. Конечно, лагерь – хорошее средство избавиться от жены, но все-таки...

***

Мы вошли в Мавзолей. Люди обходили кругом мумию Ленина с выражением религиозного почтения на лицах. Кто-то крестился. Я бросил разгневанный взгляд в сторону предводителя большевиков. Если б не он, то я посылал бы прекрасные репортажи откуда-нибудь из Парижа, например, о реставрации Елисейских полей. Вид у Ленина был непоколебимый, уверенный в правоте сделанного.

- Если это – хорошая новость, - прошептал я Любимову, - могу себе представить, какова будет плохая.

Он опять задумался.

- Ты знаешь наш анекдот о Ленине, где тот воскресает, чтобы узнать, как идет Революция, и просит газету «Правда»? Немного почитав ее, он поднимает голову и говорит: «Я боюсь, что нам придется начать с начала».

Я с нетерпением подтолкнул его локтем.

- Конфликт между Мадлис и Бауэром возник не потому, что она хотела развестись с человеком, которого даже собственный отец не уважал. Она участвовала в политических интригах и, после смерти Евы, пала в немилость. Потом у нее начались проблемы, о которых мы уже знаем. После развода ей запретили видеться с сыном. Все, что она рассказывает начиная с этого момента – правда.

В Мавзолее было холодно как в склепе. Специальное оборудование поддерживало низкую температуру, необходимую для сохранности мумии.

- Если Ева сотрудничала с КГБ, ты думаешь, Мадлис могла бы заниматься тем же?

Любимов заглянул мне в глаза, как будто бы сомневаясь в моем психологическом состоянии так, как смотрят, когда собираются сообщить о чьей-то смерти, но сомневаются, вынесет ли собеседник эту новость.

- Это не исключено, но доказательств у меня нет. История с Москвой-400 кажется мне странной: кто-то доложил в КГБ.

- «Пионер». Он говорил мне, что поддерживает связь со спецслужбами, и даже платил Елину. У Мадлис не было повода так поступить, потому что так она получила бы своего сына.

- Но у «Пионера» тоже не было выгоды от провала операции. Организованная преступность пытается сейчас взять в свои руки торговлю ядерными материалами. Скорее всего, ты вез образец для какого-нибудь покупателя.

- Он мог играть двойную игру. Надо узнать...

- А не лучше ли было бы тебе оставить эту идею? Иногда чем меньше знаешь, тем лучше.

- Я хочу убедиться в невиновности Мадлис. Я все еще люблю ее. И, в конце концов, я несу ответственность за мальчика.

Я посмотрел на часы. Было семь вечера, и через день мне надо было покинуть страну. Оставалось менее сорока восьми часов.

Любимов был задумчив, как будто какая-то мысль не давала ему покоя. Мы сделали еще один круг вокруг Ленина – еще чуть-чуть, и нас приняли бы за

обезумевших коммунистов или некрофилов. Я внимательней вгляделся в лицо вождя Революции, которое уже начало разлагаться, и поэтому было покрыто толстым слоем косметики.

- Вообще-то, мне не надо было бы тебе говорить, - тихо произнес Любимов.

Он оглянулся и прошептал мне на ухо:

- Ты когда-нибудь слышал об OibE? Это немецкая аббревиатура, обозначающая офицеров, выполняющих спецоперацию.

Я в недоумении пожал плечами, продолжая глядеть на Ленина. Тот, похоже, тоже не знал.

- Это бред. На Штази работают сто тысяч агентов, да еще внештатных сотрудников сколько. Одна половина гэдээровцев доносит на другую половину. Создав эту армию агентов, Бауэр почувствовал себя так же, как создатель Франкенштейна при виде своего творения: он испугался, что такая всесильная служба может выйти из-под контроля и обратиться против него. И поэтому он создал службу, которая должна была контролировать Штази.

»Эти OibE – суперагенты. Их около тысячи человек, и каждый из них доказал на деле свою абсолютную преданность партии и рабочему классу. Как заметил когда-то Бауэр, они должны обладать большей психической и физической силой, чем средний человек. Они проходят специальную подготовку и изнурительные испытания. Почти как Джеймс Бонд. Их семьи остаются в неведении относительно рода их деятельности. Зарплату они получают не от Штази, как обычные агенты, а на тех рабочих местах, которые они используют для прикрытия. Они занимают высокие посты в министерствах, в органах печати, в университетах, в театрах, в посольствах, в дипломатическом корпусе, в партии, да и в самой Штази. Это своего рода внутренняя партия, некое главное правительство. Думаю, что в Москве находятся четверо или пятеро подобных сотрудников. Они должны знать все о Мадлис и о Миллере.

Я подумал о долларах, и Любимов прочитал мою мысль.

- Деньги – хорошая приманка, но их должно быть очень много, чтобы поколебать эту «б*о*льшую психическую силу, чем у среднего человека». Подозреваю, что у тебя нет свободной сотни долларов...

На те средства, что мне удалось скопить за все эти годы в Москве, я мог только снять и обставить квартиру в Нью-Йорке.

- Я служил в Восточном Берлине сразу после восстания 1953 года, - продолжал он. – Тогда мне удалось выяснить, что один молодой и немного фанатичный сотрудник Штази в годы войны был офицером СС. Он поклялся мне, что стал антифашистом и поэтому работает в ГДР. Он производил впечатление искреннего человека, и я позволил ему продолжать жить свою новую жизнь, к тому же, те, у кого не все в порядке с прошлым, работают лучше всех. Сейчас он «офицер на спецоперации» в Москве. Надеюсь, он захочет отблагодарить меня.

Любимов вынул замерзшие руки из карманов и начал дышать на них, пытаясь согреться. Мы вышли на Красную площадь. Там было теплее, чем в Мавзолее Ленина.

- Есть еще один источник, которым нам надо заняться. Но это должен сделать ты как журналист. Здесь сейчас находится Вера Бергер. Ты слышал о ней?

- Это та диссидентка, которую выслали из ГДР в 1988 году?

- Да, это она. На следующий день после падения Стены, она вернулась обратно и начала исследовать документы Штази. Расследование привело ее в Москву. Она пытается разобраться в связях Штази с КГБ. Живет она в гостинице «Савой». Иди туда, и постарайся сегодня же добиться с ней встречи. Завтра вы можете побеседовать на теплоходе, во время прогулки по Москве-реке. Сядете на него у гостинцы «Украина», в десять часов десять минут. Я буду уже там. Постарайся только остаться незамеченным. Ты сможешь?

- Кажется, плевать я уже хотел на то, что меня уволили из газеты. Я стану частным детективом и буду специализироваться на любовно-политических делах. Только я так и не понял, кому подчиняется эта тысяча спецофицеров, которая ведь тоже может в свою очередь тоже выйти из-под контроля?

Любимов удивленно посмотрел на меня.

- Ты слышал о «субмаринах»?

- Ядерных или дизель электрических? Я – детектив, специалистом по подводным лодкам я стану поближе к старости.

- Однако ты попал в точку. Чтобы контролировать этих офицеров, Бауэр создал так называемых «подводных агентов». Свое название они получили потому, что таким агентом может оказаться любой человек. Директор газеты «Правда», главнокомандующий Советской армии, президент Франции. Их около пятидесяти человек, и они рассыпаны по всему земному шару. Чтобы стать таким агентом, не достаточно обладать качествами OibE. Надо быть лично знакомым с Бауэром и быть ему обязанным. В 30-х годах Бауэр был арестован нацистами как глава нелегальной ячейки КП. Бауэр не заговорил, несмотря на пытки, которым его подвергли. Те, кто обязан ему жизнью, готовы теперь умереть за него. Вот какие они, эти «субмарины». И если кто-то из них находится сейчас в Москве, он должен быть только один. Но я не знаю, кто это. Только Бауэр знает, и Мильке, глава Штази.

- Ладно, «субмарины» мы будем искать во время другой операции.

***

Мне повезло, Вера Бергер находилась в гостинице и была согласна встретиться со мной. Ей было около сорока пяти. Ее зеленые глаза сразу внушили мне доверие. Я видел ее когда-то в Восточном Берлине, во время какого-то полулегального собрания в церкви, до ее высылки из страны. Казалось, она была рада, но ее глаза были грустны и заплаканы, будто она проплакала несколько дней. Я сразу перешел к делу.

- Меня интересуют закулисные детали падения Бауэра и Берлинской стены.

Она глубоко вздохнула. Я не понял, с облегчением или от разочарования.

- А я ожидала, что вы будете задавать мне вопросы о связанном с моим именем скандале.

Я не понимал, о чем она говорит...

- Знаете, сюда, в Советский Союз, доходит минимум информации о том, что происходит в остальном мире.

Она снова вздохнула.

- Возможно, это даже лучше, что вы не знаете. Я бы тоже предпочитала не знать.

Она сделала недолгую паузу, глядя в окно.

- Столько из-за этого шума. Хотите что-нибудь выпить?

Она поднялась, налила стакан виски со льдом из гостиничного холодильника и сделала большой глоток.

- Я первая занялась изучением этих документов, потому что во время допроса мне спрашивали об очень личных вещах. Тогда я заподозрила, что, видимо, какой-то очень близкий наш друг работает на Штази. Я была одной из первых двадцати человек, кому позволили ознакомиться со своим делом. Про меня у них было одиннадцать толстых папок, несколько тысяч страниц. Сначала я не хотела ничего читать, потому что в этом случае мне пришлось бы провести всю свою оставшуюся жизнь, читая о том, что я делала в прошлом. Но когда я пролистывала документы, я заметила, что они записывали даже самые незначительные детали. Какой стиральный порошок я использовала, что находилось у меня в комнате, где я делаю покупки, что едят мои дети в школе. Даже то, что я здоровалась с соседкой. Какой-то агент под именем «Дональд» был автором большинства сообщений. Меня обозначали двумя условными именами: «Вирус» и «Лицемерка». «Вирус» - потому что отравляла страну своими идеями. «Лицемерка» - потому что я, якобы, не любила свою страну и была диссиденткой, отказывалась от предложений Штази уехать на Запад под предлогом любви к Родине...

Не докурив одну сигарету, она прикурила следующую.

- Когда я прочитала изложение разговоров, которые я вела в спальне, у меня не осталось сомнений. «Дональд» - это мой муж

- Вы имеете в виду – ваш бывший муж?

- Муж, с которым у нас двое детей, с которым нас выслали из Восточной Германии. Он был агентом Штази.

- Можно мне тоже что-нибудь выпить?

Она с пониманием кивнула головой и налила мне виски. Зажгла сигарету и одной затяжкой выкурила почти половину ее.

- Я училась на математическом. Но я никогда не додумалась бы применять закон вероятностей к своему дому. Среди двенадцатимиллионного дееспособного населения где-то один из двадцати работал на Штази. Гестапо было несравнимо беспощадней, но в 1944 году у них было сорок тысяч агентов. Это потому что целью их было наблюдение за евреями и коммунистами. Бауэр же хотел следить за всем населением. От нацистов он отличался отсутствием поддержки населения.

- А почему тогда столько людей соглашались сотрудничать?

- Этот вопрос широко обсуждается в эти дни. Говорят, что спецслужбы оказывали невыносимое давление, психологическое и общественное, на тех, кого вербовали. Некоторым просто объясняли, что нет ничего серьезного в том, чтобы сообщить что-то о ком-то. Других запугивали. К тому же, у нас германское сознание, мы всегда поддерживаем власть и государство, вне зависимости от того, кто правит. Многим предложение Штази льстило, им казалось, что им оказывается честь.

Она залпом выпила виски, как это делают русские или как мы пьем «Кока-колу».

- Впрочем, те, кто хотел, могли отказаться от сотрудничества.

- Каким образом?

- Он мог поделиться с членами своей семьи, с друзьями или коллегами. Спецслужба тут же ушла бы в тень и не стала бы контактировать с болтливым кандидатом, нарушившим самый главный принцип конспирации.

- Я все же никак не могу понять. У вас были дети, вы были одной семьей. Это случилось из-за денег?

- Не уверена, что вы сможете это понять. Большинство сотрудничавших со спецслужбами не получали за это вознаграждения. Если они что-то и получали, это были суммы незначительные. Но восточногерманское общество очень жесткое, скупое на чувства. Даже внутрисемейные отношения были отравлены недоверием или же будничными проблемами. Поражает тот факт, что им удалось завербовать множество сирот. Мой муж родился в 1944 году, в Лейпциге, во время бомбардировок. Через несколько дней его родители были погребены под обломками дома. Штази заменила многим семью.

»Любовь подменялась заговорщической, тайной связью со спецслужбой. Многие доносили, чтобы придать своей жизни немного смысла, оправдать свою серую обыденную жизнь. Связь со Штази была сильнее родственных и чувственных связей.

В итоге, это оказалось самое сложное интервью в моей жизни.

- А вы ни о чем не догадывались?

- Нет, конечно, иначе бы я за него не вышла. Я любила его, он был отец моих детей.

Она вздохнула.

- Еще недавно, я чувствовала, что люблю его. Но...

Она задумалась, как сформулировать свою мысль.

- Я не знаю, как это лучше сказать. Власть и политика извращают чувства. Тоталитаризм извращает их абсолютно.

Она прикурила еще одну сигарету, а затем взглянула на меня с любопытством.

- Вы сказали, что пришли, не по моему делу.

- Меня интересует случай Мадлис Бауэр, бывшей невестки Бауэра. Я хотел бы спросить, не попадалось ли вам что-нибудь среди документов Штази, или московского КГБ...

Последовала пауза. Я чувствовал, как сильно стучало мое сердце.

- Я когда-то слышала о ней. Ее развод, а также то, что у нее забрали ребенка, получило огласку. Вы с ней знакомы?

- Я люблю ее.

Она достала из сумки какие-то бумаги и пролистала их.

- КГБ не открывает архивы, но мне удалось найти в Берлине список всех, кто сотрудничал со Штази и работал во дворце Бауэра или был связан с ним. Ее имя мне негде не попадалось.

Тут уже я вздохнул с облегчением. Я допил свой второй стакан, и почувствовал себя так спокойно с этой женщиной, что поднялся с места и налил себе еще.

- Все эти истории зародили в вас сомнения? – грустно спросил я. – Единственный выход – довериться своим чувствам.

- Это вы об этом говорите?

- А другого выхода нет. Иначе можно начать подозревать даже свою тень.

- Вы - очень отважная женщина. Вы обсуждали все это со своими детьми?

Лицо ее снова омрачилось.

- Мне нужно было объяснить им, почему я развелась с их отцом. Но я боюсь, что в будущем их ожидают большие проблемы, как и всех остальных людей. Яд Штази еще долго будет отравлять нашу жизнь.

Мне надо было уходить. Но в голове навязчиво вертелся вопрос:

- Можно простить человеку подобное предательство?

Она, очевидно, много об этом думала и поэтому ответила сразу.

- Прощение предполагает некоторое раскаяние. По крайней мере, признание своей ошибки.

- А он?

Она посмотрела на потолок, и лицо ее исказилось, как будто она увидела что-то страшное.

- Через пятнадцать минут разговора он признался во всем. Я продолжала задавать ему вопросы, пытаясь сохранить спокойствие, хотя ком слез стоял у горла и мешал мне дышать. Объяснения, которые дают те, кто был доносчиком, похожи как две капли воды. Все они утверждают, что пытались избежать худшего. Он говорил, что таким образом пытался охранить меня от больших гонений.

Я не знаю почему, но вместо того, чтобы попрощаться, я молча обнял ее и нежно поцеловал в щеку. Затем я собрался уходить.

- Секундочку, господин Даннахер. Я хочу еще кое-что вам сказать.

Она медленно подошла ко мне.

- Я бы предпочла провести все эти годы в тюрьме, лишь бы не переживать все то, что со мной случилось. В тюрьме, по крайней мере, ты знаешь, за что ты там находишься. Я же никогда не узнаю, почему мой муж так со мной поступил. Я никогда этого не пойму.

Прежде чем закрыть за собой дверь, я повернулся и посмотрел на нее. Она утирала с щеки слезу.

***

«Пионер» оставил мне сообщение в своем номер-люкс в гостинице «Россия». Если я там появлюсь, мне должны были передать, что он празднует чью-то свадьбу в ресторане в районе Лужников.

Этот ресторан располагался в огромном здании из стекла и кирпича. Его завсегдатаями были представители организованной преступности. Снаружи было припарковано около пятидесяти «Мерседесов» и «БМВ» с бронированными стеклами. Подъезд к ресторану регулировали «гаишники». Вокруг нервно ходили

омоновцы, переговариваясь по рациям. Они были вооружены и одеты в пуленепробиваемые жилеты. Существовали опасения, что начнутся кровавые разборки между представителями разных кланов.

Официальная власть теряла свои полномочия на входе в ресторан. Вход охраняли громилы в своих лучших нарядах: спортивный костюм и кроссовки. Имя Сергея Тамуряна было паролем, и мне удалось пройти контроль без особых проблем. Главный зал наводняли бандиты, женщины и столы с невиданными яствами. В центре терпеливо стоял огромный белый торт, похожий на сталинские высотки. Оркестр играл джаз.

«Пионера» я обнаружил в окружении длинных ног, завершавшихся короткими юбками. Он был, как всегда, щедр:

- Давай, иди к нам сюда. Познакомься с нашими комсомолками. Они развлекают высших партийных чинов и представителей иностранных делегаций. Так ведь, девочки?

Те захихикали. Создавалось впечатление, что в детстве «Пионер» мечтал стать учителем истории.

- Ты любишь джаз? – спросил он, указывая на музыкантов. – Когда-то его хотели запретить, потому что этот недоумок Максим Горький в 1928 году назвал джаз музыкой для сытых капиталистов. Хорошо, что через несколько лет какой-то американский коммунист объявил джаз музыкой чернокожих и всех униженных и оскорбленных людей в мире. С тех пор музыкантов перестали расстреливать и начали приглашать на кремлевские концерты. Только один раз досталось трубачу Васе. Когда его обыскивали перед частным концертом, на котором должен был присутствовать Сталин, он пошутил, что в трубе у него спрятана бомба. После восьми месяцев тюрьмы, игра ему сложно дается. Он – самый старый в банде. Вон тот, что фальшивит на тромбоне.

- В музыке ты разбираешься. Но и нож в спину хорошо можешь всадить...

Тамурян скорчил разочарованную физиономию.

- Ты поэтому разыскивал меня позавчера? Не будь дураком. Я так же, как и ты, был заинтересован в этой операции.

«Пионер» повернулся к девушкам и скомандовал им оставить нас наедине.

- Прекрасно. А теперь поговорим серьезно. Зачем мне строить тебе ловушку?

- Именно это я хочу узнать.

- Я тебя предупреждал, чтобы ты никому не сообщал о поездке.

- Мадлис – единственная, кто о ней знал. Но у нее не было причин доносить на меня.

- Ты очень наивен.

- Что ты хочешь сказать?

- Не надо доверять женщинам.

Я не был настроен на мужские беседы.

- Да пошел ты...

«Пионер» поменял тактику.

- Потеряли товар, а ты еще что-то хочешь?

Я разозлился и собрался уходить.

- Минутку. Ты у себя дома ей об этом рассказывал?

Я попытался вспомнить обстоятельства того разговора. После беседы с «Пионером» во дворе своего дома я вернулся домой, и Мадлис начала расспрашивать меня о деталях. Сначала я пообещал ей, что она скоро получит Эрика обратно. Она же настаивала на том, что ей просто необходимо знать все. В итоге, я ей все рассказал.

- В какой комнате это происходило? Можешь вспомнить? – спросил «Пионер».

- В спальне.

- Тогда вас могли слышать.

Внезапно меня озарила идея.

- Думаю, я могу это проверить. Увидимся...

Я направился к выходу, но «Пионер» крепко схватил меня за руку.

- Подожди, я тебе еще что-то скажу...

***

- Я обещал тебе в прошлый раз. Я всегда держу свое слово.

- О чем это ты?

- Я хочу объяснить тебе, почему меня называют «Пионером».

Всем своим видом я демонстрировал нетерпение.

- На самом деле меня зовут не Сергей Тамурян, а Павлик Морозов.

- Как-как?

- Это тот самый парень, который сдал своих родителей, - добавил «Пионер».

Он налил в стакан виски и залпом выпил. Ничего себе вечерок! Я как будто делал репортаж об алкоголизме на историко-политической почве.

- Их расстреляли. И мою мать, и отца. Я не виноват.

- Я знаю...

- Мне было восемь лет. Ну, ты знаешь, какими бывают дети в этом возрасте. Это было в 1934 году. Я учился в одной из лучших сталинградских школ. К нам приехал один известный писатель. Для нас, простых ребят, он был не просто писателем, а практически богом. Мы знали его произведения, его портрет весел в каждом классе, рядом с портретами Ленина и Сталина.

»В те времена партия провозгласила, что разрушение семейных устоев нанесет сокрушительный удар по мещанскому образу мыслей. Этот писатель рассказывал нам о новом человеке, которого должен породить коммунизм. Кроме того, нам говорили, что если кто-то из твоих родителей является «врагом народа», не важно, что он твой родственник. Он лишь враг и не достоен пощады. Он рассказал о том, что они, вместе со Сталиным, готовили указ, согласно которому суду подлежат те родители, кто плохо заботится о своих детях. Нам надо было просто пожаловаться учителю, и уже он, в свою очередь, сообщил бы в соответствующие органы. Кроме того, мы могли контролировать и сообщать в органы об учителях, которые вели себя неподобающе. Они, якобы, принадлежали к старому поколению и были носителями старых идей.

Он сделал большой глоток из стакана, оставленного одной из девушек.

- Потом он спросил нас, есть ли у нас вопросы, и сказал, чтобы мы не стеснялись их задавать. Я поднял руку и спросил, что следует делать, если понимаешь, что твои родители – контрреволюционные элементы. В ответ я услышал, что духовное родство выше кровных связей. Та беседа окончилась призывом быть бдительными и сообщать о каждом проявлении старорежимных настроений. Когда я вернулся домой, родители поинтересовались, что нам рассказывали в тот день в школе. Я им все рассказал. Отец был вне себя, кричал: «Что они делают с детьми?!». Я помню, что мать жестами пыталась уговорить его замолчать. Это был последний раз, когда я их видел.

Я и представить себе не мог, что «Пионер» может плакать. С трудом сдерживая слезы, он закурил сигарету.

- На следующий день я донес на своего отца директору школы. Я вернулся в класс, а когда уроки закончились, мне сообщили, что домой я идти не могу, потому что мои родители арестованы. Их обвинили в участии в контрреволюционной организации, готовящей операцию на железнодорожных путях. Это было обычное обвинение для неугодных власти. Из школы меня отвели в детский дом, где меня записали под другим именем. Потому что, якобы, контрреволюционеры могли меня отыскать и убить из мести. Там меня назвали Сергеем Тамуряном. Чтобы замести следы, они опубликовали в газете статью, в которой говорилось, что я был из чувства мести убит своим дедом, вместе со своим братом Федей. Так я стал человеком-легендой. Мне ставили памятники, про меня писали стихи, во всех школах мой поступок ставили в пример. Сам Сталин упоминал меня в своих речах как пример мужественности нового советского человека и беспринципности старого. Я не мог никому рассказать, кто я на самом деле. Иначе я бы подверг себя опасности. Не со стороны контрреволюционных друзей моих родителей, а со стороны режима, который должен был сохранить легенду. Никто не знал, кто я на самом деле, кроме директора детского дома. Он называл меня «Пионером».

- Не понимаю, зачем ты мне это рассказываешь.

- Потому что я хочу тебе объяснить, что я действительно хотел помочь тебе забрать ребенка и что это не я на тебя донес. А так, думай, что хочешь.

***

По дороге домой я старался привести в порядок свои мысли. Я сомневался во всем. Я не знал, верить ли Мадлис. Может, это она донесли на меня? Слова Бергер о том, что Мадлис не работает на Штази, принесли мне лишь временное облегчение. А если она работала на КГБ? Я не был уверен, что Эрик на самом деле хочет вернуться к своей матери после всей той клеветы, которую он услышал от Бауэра. Возможно, в тот день, в Парке Горького, он с самого начала понял, кто мы, и предпочел вернуться к Миллеру. Не исключалось, что Любимов знал еще что-то и не хотел мне об этом рассказывать. А «Пионер»? Как можно было доверять тому, кто предал своих родителей?

Мой друг находился в больнице в тяжелейшем состоянии. Он пытался рассказать мне о каких-то людях, которые искали информацию о падении Берлинской стены. Мой сын был далеко, в Америке вместе с Синтией. В одном я

был уверен: нужно было уезжать из Советского Союза, подальше от нездорового климата этой страны, но сначала надо было разобраться в этом деле и вернуть себе доброе имя. Я был заражен недоверием, постоянной угрозой быть преданным. Я должен был кому-то довериться. Я решил начать с Мадлис.

Сделав разворот на кольце, я подъехал к «Стокману», первому открывшемуся в Москве супермаркету. Это был настоящий храм потребления. В первые же дни после его открытия его посетили все советские граждане, у кого был хоть один доллар, чтобы купить что-то, пусть даже самое крохотное, но главное - чтобы отметиться. Подобно тому, как зажигают свечки в церкви. Покупали зубные щетки, порошки, бананы. Из-за наплыва покупателей дирекция была вынуждена отказаться от оплаты наличными. Теперь покупатели могли пользоваться только кредитными карточками, а делать это могли только иностранцы. Таким образом, в «Стокмане» воплотился один из коммунистических лозунгов, а именно – «ликвидация денег». Как-то так представляли себе идеальное общество основатели марксизма-ленинизма. Можно было покупать товары с помощью кредитных карт без обязательных банковских выплат. Мы покупали все, что хотели, в зависимости от личных нужд.

Картой «Американ экспресс» я расплатился за ящик водки, погрузил его в машину и поехал в сторону «гетто» на Кутузовском. Верные протоколу, кагэбэшники на входе спросили меня, не желаю ли я их чем-нибудь угостить. Я попросил позвать главного. Через пару минут появился улыбающийся сорокалетний мужчина с красными щеками, маленькими голубыми глазами и большими светлыми усами. Звали его Володя. Я вручил ему ящик.

- Хочу попросить об одном одолжении.

- Пожалуйста.

- Я хотел бы послушать записи, сделанные в моей квартире.

Несколько секунд он оценивающе смотрел мне в глаза, а затем сказал:

- Это должно остаться между нами.

Мы зашли в здание, где располагался штаб местных кагэбэшников. На первом этаже, в кабинете Володи, находилась лестница, ведущая в подвал. Мы спустились, прошли по длинному узкому коридору, похожему на галерею. Там сильно пахло плесенью. Неожиданно мы оказались в огромном подземном помещении со множеством колон. Видимо, оно находилось под нашим двором. Помещение было размером с десять баскетбольных полей. Оно было поделено перегородками из пластика и стекла. В маленьких комнатках сидели сотни людей, а перед ними стояли деревянные столы, заваленные магнитофонными пленками. Некоторые пленки находились в работе. Большая часть людей сидела в наушниках. Передо мной была целая прослушивающая фабрика.

Володя спросил меня, в каком корпусе и каком подъезде я живу. С трудом он отыскал комнатку, соответствующую моей квартире, и мы вошли внутрь. Какой-то очень неприятный человек подошел к нам с недовольным видом, но Володя вручил ему пару бутылок и сказал:

- Пусть послушает. Это его квартира.

Человек спросил номер моей квартиры, и только тогда я понял, что моей на мою персону было выделено целых три магнитофона. На них были таблички: «гостиная», «спальня», «кухня». Я собирался убедиться, не была ли записана наша

беседа с Мадлис накануне моей поездки в Москву 400. Человек нагнулся и начал рыться на полках под столом. Там находились десятки бабин, расставленных в соответствии с местом и временем записи.

- Запись ведется автоматически. Магнитофон включается по звуку человеческого голоса, - с гордостью сообщил человек. – Но все-таки материала очень много. Может, вы хотите чего-нибудь выпить?

От отсутствия сна я чувствовал, что силы покидают меня. Я попросил чаю.

- Чаю, - повторил тот с пренебрежением. Потом он позвал какого-то молодого человека и передал ему заказ.

Затем он спросил меня, из какой комнаты я хочу послушать разговоры. Я ответил, что из спальни. Тот с пониманием покачал головой: очевидно, он подумал, что речь идет о супружеской неверности. Взяв одну из бабин, он подключил к сети запасной магнитофон и передал мне наушники с хитрым замечанием:

- Вот бы мне такие возможности. Я бы не волновался, оставляя дома жену одну.

Я хотел было ответить ему, что с такой физиономией у него действительно был повод подозревать свою супругу, но в моем положении мне надо было вести себя хорошо. Начав слушать пленку, я понял, что записывалось все: разговоры, шепоты, вздохи. Странное ощущение прослушивать то, что происходило с тобой некоторое время назад. Как будто бы ты – не ты, и многое кажется банальным и лишним. Любовная болтовня вызывает смех и напоминает порнофильм без картинки.

Неприятный человек прервал меня. В руках у него была чашка чая. Протягивая ее мне, он произнес русскую шутку:

- Держите и осторожней. Чай – не водка, много не выпьешь.

Наконец-то я добрался до искомого момента. Товарищи использовали передовые технологии, и все тихие голоса были слышны очень четко. Сначала я отказывался рассказывать ей о договоренности с «Пионером», но Мадлс, как всегда, была настойчива:

- Ты должен мне рассказать. Это меня касается.

Потом я излагал ей предложение «Пионера», выполнение которого должно было привести к освобождению Эрика.

- И что ты должен сделать?

- Перевезти чемодан, который мне передадут.

- Ты знаешь, что в нем?

- Даже не хочу знать...

Я кивком попросил человека остановить прослушивание. Я напрасно подозревал ее. Зато теперь я готов был прыгать от радости. Я встал и сказал ожидавшему меня Володе, что можно идти. Неприятный человек уже успел выпить половину бутылки. Заплетающимся языком он опять пошутил:

- Водка мешает работать? Тогда не будем работать.

Я по-товарищески похлопал его по спине, кивая в сторону подземного сооружения.

- Не будем разваливать то, что еще держится в этой стране на ногах...

***

В дом я зашел как слон в посудную лавку. Я направился к небольшой кладовке около кухни, нашел там молоток и большую железную отвертку и начал раскурочивать стены, одну за другой: кухня, гостиная, спальня. В гостиной я обнаружил в лампе маленький микрофон. Но я не собирался терять время на какие-то фрагменты системы. Я должен был уничтожить всю сеть. Кабели, микрофоны и штукатурка падали на пол со всех сторон. Мадлис безразлично наблюдала за уничтожением нажитого добра. В какой-то момент она попыталась остановить меня, но безуспешно. Я не помню другого раза, чтобы я был настолько взбешен. Все, от покрывала до антикварной мебели, все было покрыто толстым слоем белой пыли. Через час моего буйства все три помещения напоминали дом после бомбардировки. На стенах виднелись голые кирпичи, свисали провода и микрофоны. Обессиливший я повалился на кресло.

- Теперь мы можем спокойно поговорить. Я хочу извиниться перед тобой.

Мадлис пожала плечами.

- Дом твой.

- Не за это. Я еще раз усомнился в тебе.

- Бог любит троицу. В первый раз это было с днем рождения Эрика. А на этот раз что?

Я постеснялся рассказывать ей о своих разговорах с Бергер и с «Пионером».

- Да я и сам толком не знаю. Я узнал, что ты была близкой подругой Евы Бауэр.

- Я говорила тебе об этом. Через нее я познакомилась со своим мужем.

- Ты говорила мне, что вы работали вместе в Министерстве.

- Это допрос?

- Нет. Просто я хочу сказать, что ваши судьбы были очень близко связаны.

- Что ты имеешь в виду?

- Я имею в виду, что ее смерть ослабила и твои позиции.

- Кто же наговорил тебе подобные глупости? Не хочешь сказать? Этот пресловутый Любимов?

Она вспыхнула.

- Я в последний раз говорю тебе. Если бы я не развелась, со мной не случились бы все эти несчастья. А главное – мой сын был бы со мной. Хочешь – верь, хочешь – думай что угодно. Что я хотела стать Генеральным секретарем партии вместо Бауэра, что я подготовила переворот, что я сломала Берлинскую стену. Давай, возьми у меня интервью.

На некоторое время воцарилось молчание. Она смягчилась и сменила тему.

- Звонил Джузеппе из больницы. Фабио поправляется.

- Еще одна загадка, - сказал я со вздохом. – Что они хотели найти о Берлинской стене в офисе «Коррьере делла Сера»?

- Велика загадка, - с насмешкой ответила Мадлис. – Кто мяукает на крыше? Лариса. Могу поспорить, что она работает в КГБ, в отделе соцстран. В тот вечер, когда мы познакомились, она все время рассказывала мне о своих путешествиях в Восточный Берлин. Наверняка она была замешена в какой-нибудь заговоре и впутала туда Фабио.

***

Патрик проснулся о страшной боли во всем теле. Все горело. Наверное, у него был жар. Медсестра, которая накануне вечером дала ему лекарства, после того как полицейская машина доставила его в Пражскую психиатрическую лечебницу № 13, сказала ему, что эти таблетки помогут ему успокоиться. И действительно, он был очень раздражен и испуган, когда, после его категорического отказа сотрудничать с чехословацкими спецслужбами, замминистра Внутренних дел со злостью пригрозил, что отправит его в психбольницу общаться с другими сумасшедшими. Именно так он его и назвал: психопатом.

Убедившись, что он не видит продолжение кошмара, который начался с его арестом на границе, Патрик огляделся вокруг. Стены палаты, куда его поместили, были покрашены желтой краской. Стоял сильный запах формальдегида. В помещении были расставлено около десятка высоких железных кроватей, у каждой из которых находилось по белой тумбочке. Только тут Патрик понял, что он не один. На кроватях лежали люди с закрытыми глазами.

Когда он попытался узнать, который час, он вспомнил, что в приемной лечебницы у него отобрали часы. В палате не было окон. Синий свет исходил от одной большой лампы. Некоторые его сокамерники лежали не укрытые, и он заметил, что одеты они были в полосатые робы, как заключенные. На груди желтыми нитками были вышиты номера. И тогда до него дошло, что на нем был точно такой же костюм. Он попытался прочитать свой номер, но его взгляд не мог сфокусироваться на близких предметах.

Вдруг дверь палаты распахнулась, и он увидел, как в палату вошел человек в полосатой робе, еле волоча ноги. Голова его была выбрита. У него была длинная белая борода. В руках он держал полотенце с вышитым на нем номером. Человек, видимо, не заметил присутствия Патрика, потому что, как только он разглядел смотрящую на него голову, возвышающуюся над кроватью, он тут же замер с одной ногой зависшей в воздухе. Патрик смог рассмотреть, что на его босых ногах были надеты коричневые тапочки с вышитым на них ярко-желтыми нитками номером. Мужчина приблизился к Патрику. Ему было не больше сорока пяти лет. Он спросил что-то по-чешски.

- Мне больно, - произнес Патрик на английском языке.

- Ты откуда? – спросил его мужчина уже по-английски.

- Из Франции, - сдавленным голосом ответил Патрик.

- Прекрасно, тогда давай говорить по-французски, - с улыбкой сказал незнакомец.

Патрику подумалось, что в течение последних дней ему ни разу не попадались улыбающиеся люди.

- Я уже давно по-французски не говорил, - продолжал сокамерник. – Ты – первый иностранец в этих стенах. Тебе дали лекарства?

- Вчера вечером, когда привезли сюда.

- Это поэтому тебе больно.

Человек с длинной бородой отошел к своей кровати, порылся под матрасом и вернулся с какой-то белой таблеткой в руках и стаканом воды.

- На, выпей. Это обезболивающее.

Патрик приподнялся на кровати, подложил под спину подушку и выпил таблетку. Он заметил сильную дрожь в руках.

- Тебе нельзя еще вставать. Голова закружиться. Как тебя зовут?

- Патрик Вентура.

- Арнольд Хруско, - сказал мужчина, протягивая руку.

Патрику бросилась в глаза ее худоба.

- Не пей те таблетки, которые тебе будут давать, и постарайся есть как можно меньше еды. Они подкладывают туда успокоительные.

- Откуда ты все это знаешь? – с трудом проговорил Патрик.

- Я – биолог.

- А почему ты здесь?

- Это сложно объяснить. Реформационный психоз.

Глаза Патрика округлились от удивления.

- Ты... Ты и есть тот самый А.Х.?

- Я слышал, что о моем случае писали в «Криминальной хронике», но я и не догадывался, что я известен...

***

- На самом деле, меня поместили сюда за то, что я отказывался предать свою любовь, - сказал А.Х..

Прошло полчаса, и Патрику было гораздо лучше. А.Х. сообщил ему, что время было шесть часов утра, и осознание времени суток помогло ему прийти в себя. Его новый друг угостил его парой сухарей, которые пришлись ему очень по вкусу.

- Она не была моим соратником, и вообще к моей деятельности никакого отношения никакого не имела, - продолжал А.Х. – Но если бы им удалось заставить меня предать ее, они бы начали контролировать меня, как большинство граждан Чехословакии.

Он сделал паузу и начал старательно грызть сухарь, используя при этом боковые зубы. Патрик заметил, что передних зубов у него просто не было. А.Х. проглотил не разжеванный сухарь.

- Я много лет работал в Институте психологических раздражителей. Зарплата там была очень хорошая. Мы разрабатывали секретные технологии по заказу правительства. Мы изучали поведение кроликов, чтобы впоследствии спроецировать результаты исследований на поведение человека. Мы пытались узнать, какие эмоции человека мы можем контролировать, какие из них могут быть подменены чувствами, необходимыми новому социалистическому человеку. Чувством коллектива, слепым энтузиазмом, подчинением.

»Деятельность человека определяется четырьмя чувствами: страхом, ненавистью, голодом и любовью. Это открытие, конечно, не ново. Одни и те же чувства руководят и животными, и людьми. Однако эксперименты надо кроликами

показали, что, вызывая или же, напротив, глуша эти чувства, можно менять поведение.

Лицо его помрачнело.

- Тогда мне это было нужно. В социалистических странах три из этих четырех чувств уже находятся под контролем. Голод, поскольку кормят нас тогда, когда хотят и сколько хотят. Ненависть, потому что нас заставили ненавидеть не только капиталистов, но и друг друга – тех, кто занимает наше место в очереди, тех, кто успевает ухватить последний кусок мяса перед закрытием районного универсама. Мы помещали двух кроликов в соседние клетки и давали корм только одному из них. Поведение голодного кролика менялось, он становился агрессивным. Когда мы открывали дверцу между двумя клетками, он бросался на еду другого, сытого, кролика или даже на него самого. На другой день мы меняли их местами, и тогда бывший сытой кролик накидывался на бывшего голодного.

»Страх особо сильно действовал на кроликов. Они боялись шума и электрических раздражителей. Когда они понимали, по особому свету или запаху, навязанному нами, что за этим должен последовать тот особый шум, который мы использовали, они забивались в угол и становились абсолютно послушными. То же самое происходит с нами. Они добились того, что мы боимся даже своей тени. Мы живем во времена великого страха. И при этом мы даже не знаем, в чем виноваты. Только в отношении любовных связей люди немного сложнее кроликов. Может быть, я утомил тебя?

Патрик с благодарностью взглянул на него.

- Я так рад поговорить с кем-то.

- Человек – единственное существо, сексуальное поведение которого не подчинено законам. Большинство животных переживает периоды сексуального возбуждения и периоды покоя, и это предопределено. Они вступают в половую связь всегда по одному и тому же сценарию. Сценарий, конечно, различается от вида к виду, но только у человека секс связан с воображением. Это результат эволюции и выражения сексуального влечения. В противоположность животным, которые используют секс для воспроизводства, мы превратили сексуальный инстинкт во что-то другое. В какой-то момент наши исследования зашли в тупик, потому что можно сколько угодно пытаться создать общество одинаковых людей, но невозможно запретить человеку мечтать.

А.Х. ненадолго задумался. В конце концов, он произнес:

- К тому же, существует любовь. Любовь и преданность одному единственному человеку.

- После всего того, что тут произошло, я сомневаюсь в жизнеспособности любви в тоталитарном обществе...

А.Х. улыбнулся.

- Это очень долгий разговор, и у нас сейчас нет достаточно времени. Именно это они попытались сделать со мной. Если бы я пошел на предательство своей возлюбленной, они бы похитили у меня единственное чувство, не подверженное их контролю.

Он прикусил второй сухарь, который держал все это время в руках, и начал медленно жевать его, как конфету. Затем он спросил Патрика:

- А на самом деле, как ты тут оказался? В этом крыле держат только политических заключенных.

- Я попытался вывезти из страны одну чехословацкую девушку, в которую я был влюблен.

- И она хотела уехать вместе с тобой?

Патрик в недоумении посмотрел на него.

- Да. Она любила меня.

- Странно, - сказал А.Х..

***

- Отстань! Я хочу прочитать, что будет дальше, - сказала Мадлис. – Становится очень интересно.

- Можешь потом сама это почитать.

- Я же говорю, я не умею пользоваться этими машинами.

Я с любопытством взглянул на нее. Я был практически уверен, что в мое отсутствие кто-то открывал файл с романом на моем компьютере. Но я решил не обращать на это внимания. Как и все остальное, что только можно себе представить, мой компьютер, очевидно, был в те дни не в лучшем состоянии.

***

- Утром ты сказал мне, что тебе показался странным тот факт, что моя любимая девушка хочет уехать вместе со мной.

Патрику удалось уединиться вместе с А.Х. во время обеда. Они сидели вдвоем в грязной столовой психиатрической лечебницы, за столом в форме почки. Остальные пациенты вышли во двор. Это был час дневного променада. Не обращая внимания на шум в палате и возгласы медсестер, Патрик проспал до двенадцати дня, притворившись, что на него подействовали препараты. Теперь ему было гораздо лучше. Присутствие А.Х весьма воодушевило его. Это был человек, не просто говорящий по-французски, но и оказавшийся в психбольнице по той же, как и Патрик, причине. Он любил женщину. Патрик был голоден, но А.Х. настойчиво рекомендовал ему принимать как можно меньше пищи. Впрочем, делать это было легко, поскольку обед в Психиатрической больнице № 13 не совсем соответствовал рецептуре знаменитой богемской кухни. Обычное обеденное блюдо А.Х. называл «сафари». Это был жидкий суп, в котором плавали два-три кусочка мяса. А.Х. ел только хлеб. По своему опыту пациенты больницы знали, что это была единственная пища, куда не были добавлены психотропные средства. А.Х. внимательно заглянул в глаза Патрику:

- Потому что все хотят уехать, но никто не хочет уезжать из страны.

- Странно, - сказал Патрик. – У меня создалось обратное впечатление.

- У вас, на Западе, сформировалось превратное впечатление о коммунистических режимах, - заметил А.Х.. - Вы думаете, это – большие тюрьмы,

но это только половина правды. На самом деле коммунизм это что-то между тюрьмой и детским садом.

Он сделал небольшую паузу, как будто подбирая слова.

- Население целенаправленно оглуплялось. Все было предопределено, от еды до напитков и до времени, когда нужно идти спать. Если ты принимаешь эту систему, ты можешь жить без особых волнений и хлопот. Можешь хоть песни петь, но только социалистические. Помимо этого, существует страх наказания. Дети так едят свою еду, боясь серого волка. Мы послушны, чтобы не услышать из-за двери эти несколько букв: КГБ в России, Штази в Германии, СТБ в Чехословакии. Спецслужбы приобрели мифические масштабы. Как тот серый волк из сказки. На меня произвело впечатление то, что твоя возлюбленная хотела уехать, потому что мы все боимся свободы. Представь себе ребенка, которому не нравится детский сад: он расстроен, но боится выйти наружу, поскольку не знает, куда идти, что его ожидает.

Пациенты, находившиеся на программе трудотерапии, ленивыми движениями собирали подносы с остатками пищи. Некоторые подбирали крошки, как голодные воробьи.

- У Анны был я, - упрямо говорил Патрик. – Она меня любила.

А.Х. дружески потрепал его по плечу.

- Пойдем, а не то опоздаем на дневную прогулку и покроемся тут плесенью.

***

- Я не понимаю, почему ты разослал эти письма со своей программой, - сказал Патрик А.Х., когда они шагали по ведущему во двор коридору. – Ты как будто хотел, чтобы тебя арестовали.

- Нет, у меня была другая цель, - с улыбкой ответил А.Х.. – Я просто пошутил. Чтобы выдвинуть свою кандидатуру, я прибегнул к законам, которые они сами написали. Я хотел сделать что-то, что не было предусмотрено, посеять среди них панику. У меня получилось...

Патрик обратил внимание на странное зрелище. Около тридцати человек, мужчины и женщины, вышагивали двумя кругами по заснеженному двору. На них были полосатые робы заключенных, а сверху – синие пальто. Некоторые, изможденные лекарствами, стояли, облокотившись на каркас брошенного автомобиля. Патрик и А.Х. присоединились к группе мужчин. У всех были бритые головы, как у узников концлагеря, почти все шагали молча, с отсутствующим видом.

- Здесь содержатся психи политические, - А.Х. указал вокруг рукой. – Реформационный психоз, демократическая паранойя, хулиганство, неподчинение. Нас держат отдельно от остальных.

Патрик смотрел на одну из женщин, с короткими белыми волосами, которая шла, бормоча что-то и глядя в небо. За ней следовала другая, с короткими рыжими волосами и черными кругами под глазами. Ему показалось, что он ее знает. Когда их глаза встретились, женщина остановилась и внимательно посмотрела на него.

«Боже мой, это – Лиза Томпсон. Ей тоже арестовали», - успел подумать он, прежде чем женщина окликнула его:

- Патрик...

Они бросились друг другу в объятья. Лиза громко зарыдала на его плече.

- Как ты здесь оказалась? Когда тебя взяли?

- В аэропорте.

- Мне о тебе ничего не сказали. Я был уверен, что ты нормально улетела.

- Мне не позволили сесть в самолет. Мне сказали ждать, а потом, через несколько часов, арестовали. Потом допросили и привезли сюда...

Лиза высвободилась из его объятий и заглянула ему в глаза. Взгляд ее стал жестким, как у сумасшедшей.

- Это она предала нас...

Он прикусил губу так сильно, что почувствовал вкус крови у себя во рту.

- Не может быть. Почему ты так решила? – с трудом выговорил он.

- Никто другой не был в курсе нашего плана.

- Она тоже хотела уехать...

- Я знаю, это она, - решительно произнесла Лиза. – Они как будто ждали меня. Они притворились, что все происходит случайно, чтобы нельзя было догадаться о ее роли.

- Это безумие, - нервно отрезал Патрик. – На тебя повлияла атмосфера больницы.

- А почему тогда тебе не сообщили, что я тоже арестована? Чтобы ты не догадался, что наш план был им известен с самого начала.

Патрика охватила ярость. Он схватил Лизу за воротник и начала трясти ее.

- Она любила меня, ты понимаешь? Любила меня.

Эхо его крика звучало по всему двору. Потом подбежала пара санитара в белых халатах. Они схватили Патрика под руки и потащили его в отделение для буйных.

***

- Любимый мой, я знала, что ты мне веришь. Что на тебя не повлияла эта болезненная атмосфера, в которой мы живем, - сказала мне Мадлис, отрывая глаза от компьютера.

Она расстегнула свою юбку и медленными движениями сняла с себя всю одежду. Затем она начала проворно раздевать меня, целуя по всему телу.

Когда наши любовные ласки закончились, я спросил ее:

- Ты не решила, хочешь ли ты остаться со мной?

Она склонилась к моему уху, будто боясь, что наши разговоры все еще прослушиваются. Ее большие глаза были полны слез. Перед тем как продолжить целовать меня, она прошептала:

- Я никогда не оставлю тебя. Как только Эрик вернется ко мне, мы к тебе приедем.

[28 ноября]

Не знаю, была ли за мной слежка, но я был очень осторожен. Я выехал из «гетто» на машине и, как обычно, поехал по Кутузовскому в сторону Белого дома, где располагался Верховный Совет. По радио «Москва» я успел услышать только одну новость: бывший Генеральный секретарь КП Германской Демократической Республики Эрик Бауэр прибыл утром в столицу. Одна из пристроек гостиницы «Октябрьское» была специально подготовлена для коммунистического руководителя, который был тяжело болен.

Через двести метров я остановился, вышел из машины, не запирая ее, перешел по подземному переходу и оказался на противоположной стороне улицы. Даже если кто-то и следил за мной, ему пришлось бы проделать такой же путь. Кутузовский – очень широкая дорога, и в десять утра ее невозможно пересечь поверху. Я оглянулся кругом и никого не заметил. Снова оказавшись на улице, я прошел перед гостиницей «Украина» и оказался на причале ровно в назначенный час. Я даже не представлял себе, что столько людей катаются на прогулочных катерах по Москве-реке. Там стояло около двадцати человек, мужчины и женщины. Снега не было, но погода была пасмурная, и воздух тяжелый. Один из тех московских дней, когда тебя не волнует, что с тобой случится...

Любимов стоял на палубе, внимательно изучая пассажиров и местность. Незадолго до того, как причалил катер, он пошел и уселся на самую последнюю двухместную скамейку на палубе. Я поднялся на борт, сел рядом с ним. Мы молча ждали отплытия. Потом он тихо сказал мне:

- Дела приняли интересный оборот.

- Да не говори. А то я просто выл со скуки.

- Консерваторы начали давить на Горбачева, и тот захотел устроить «перестройку» и на другие страны соцлагеря. Если бы во всех этих странах начали проводиться реформы, позиция Горбачева в советском руководстве только бы крепла. Из руководителей «братских» стран больше всех переменам противился Бауэр. «Старик» принадлежит к старому поколению сталинистов. Он постоянно мешал Горби. Однажды даже запретил продажу советских газет и журналов, в которых велась перестроечная пропаганда. Все свои надежды он возложил на свержение Горбачева. Хотел, чтобы консерваторы организовали переворот в недрах ЦК. Советский же руководитель решил, что иного выхода, кроме свержения Бауэра, для восточногерманского вопроса нет. В сущности, в последние годы, до падения Берлинской стены, вся интрига заключалась в том, кто кого свергнет.

»Разумеется, игра твердолобого Бауэра с самого начала была проиграна. ГДР контролировалась Москвой. Там дислоцируются советские войска. И, самое главное, КГБ – их первая учительница по теории заговоров. Когда летом в восточногерманских городах начались протесты против правящего режима, Горбачев приказал КГБ подготовить свержение Бауэра. Даже Елин недолюбливал его. Бауэр для него слишком старомоден. Конечно, с Горбачевым у него были разногласия, потому что он видел, как ситуация выходит из-под контроля, но он поддерживал идею перемен. В конечном итоге, они поручили одной сотруднице КГБ подготовить его свержение. Это была женщина, которая хорошо знала людей

и ситуацию в Берлине. Она получила имя «Джульетта». Ты знаешь, почему именно это имя?

- Ну, если ты мне скажешь, что в честь Шекспира, я тебе не поверю.

- «Ромео» - так называли в Штази разведчиков, которых набирали из-за их внешних данных. Это были молодые люди, которых с фальшивыми документами засылали в Западную Германию. Их добычей были женщины, работающие секретарями высокопоставленных лиц в правительственных учреждениях. Штази Штази максимально использовала одиночество западногерманских женщин, живущих в Бонне, столице, о которой мой бывший коллега Джон Ле Карре сказал, что она в два раза меньше и два раза мертвее чикагского кладбища.

»Курьез заключается в том, что Штази позаимствовала свою идею с «Ромео» у «Джульетт», которых когда-то придумало КГБ. Это были красивые женщины, использовавшие свои внешние данные, чтобы соблазнять влиятельных людей на Западе. Одна из таких «Джульетт» внедрилась в восточногерманское руководство и организовала небольшой переворот против Бауэра.

Мы проплывали мимо гостиницы «Россия» и впереди вырисовывался пестрый Кремль. Когда мы находились под Большим Москворецким мостом, Любимов приостановил свой рассказ.

- Этот мост построил Алексей Щусев, тот, кто спроектировал Мавзолей. Очень красивое сооружение, не правда ли?

Несмотря на свои жалобы на советскую жизнь, Любимов не мог скрыть своей любви к России. Действительно, сразу за мостом открывался весьма живописный вид. Над рекой виднелась белая колокольня Ивана Великого, самая высокая колокольня Кремля, желто-белый Большой дворец. Слева от нас находилось разноцветное здание посольства Великобритании и старая церковь Святой Софии. Немного ниже, тоже на левом берегу, рядом с Большим Каменным мостом, высился один из первых многоэтажных домов в Москве. Он был построен напротив Кремля для нужд партийной элиты. Впрочем, многие из ее представителей так и не смогли насладиться видом, так как большая часть жителей дома была арестована в сталинскую эпоху, а на первом этаже недавно открыли экспозицию, посвященную жертвам репрессий. Рядом с этим зданием находилось красно-белое здание музея, и сразу за ним – «Красный Октябрь».

- «Красный Октябрь» - первая кондитерская фабрика в Москве, - сказал Любимов. – Она была открыта в 1867.

Но тут же он принял серьезный вид:

- В офисе «Коррьере делла Сера» искали «Джульетту».

- Черт побери! Вот почему в больнице Фабио бормотал что-то о Берлинской стене.

- Разъярившийся Бауэр решил узнать, кто стоит за переворотом, и изо всех сил ищет эту самую «Джульетту». Кроме того, он дал приказ уничтожить ее. Очень мстительный человек.

- Мадлис тоже это говорила.

- Это его люди избили твоего друга Фабио.

- Есть пара неясных моментов. Во-первых, какое отношение ко всему этому имеет Фабио. Во-вторых...

- По первому пункту у меня нет идей, - прервал меня Любимов. – Тебе должно быть виднее. Во-вторых?

- Если «Джульетта» из КГБ, то почему они ее не защищают.

- Потому что «Джульетта» все испортила. Ей дали указания устроить переворот и добиться свержения Бауэра. Но также и заменить его каким-нибудь вождем КП, чтобы тот мог проводить реформы и править страной. Она же нашла каких-то людей, позволивших Стене пасть. Не говоря уже о том, что это была ошибка...

Я с недоверием посмотрел на него.

- Еще чуть-чуть и ты начнешь рассказывать мне, что «холодной войны» не было...

Любимов погладил шишку на своей голове, оставшуюся ему на память от нашей операции в Парке Горького.

- Утром 9 ноября в Берлине состоялось заседание Политбюро. Большинство его участников заранее договорились между собой под пристальным вниманием КГБ. Они решили освободить Бауэра от его обязанностей. До этого момента можно считать, что «Джульетта» задание выполнила. Но тот, кто пришел на смену Бауэру, не имел никакого авторитета среди однопартийцев. Он испугался, как и все руководство. Они, видите ли, потеряли вождя, который управлял ими много лет. «Старик» был хитер. Он был единственным человеком, который мог управлять страной. Остальные могли только одобрять его решения с революционным энтузиазмом.

»Между тем, тысячи восточных немцев уже с лета под видом туристов брали приступом посольства ФРГ в Праге и в Будапеште, прося политического убежища. Дружественные правительства давили на гэдээровцев, чтобы те что-то предприняли. Как, впрочем, и правительство ФРГ, посольства которой в Праге и Будапеште были переполнены беженцами, мусором и всяческой грязью.

Мы подплывали к стадиону им. Ленина, одному из самых больших в мире сооружений такого рода. Советский союз гордился трибунами, на которых можно было разместить все население такой страны, как Монако. Напротив виднелись Ленинские горы с лыжными трамплинами. Вдалеке – Новодевичий монастырь, старая крепость Ивана Грозного. Мы приближались к конечному пункту прогулки. Любимов продолжал:

- Избавившись от Бауэра, Политбюро занялось насущным вопросом восточногерманских беженцев-«туристов», число которых росло с каждым днем. Было очевидно, что они не могут больше сдерживать отток населения. Таким образом, они пришли к решению разрешить гражданам ГДР выезд на Запад. Перед ними стояла цель разрядить обстановку, и уже потом они собирались обдумывать дальнейшие действия. Они и представить себе не могли, что Стена падет через считанные часы. Одному бюрократу из Министерства внутренних дел было поручено составить поправки к существующему закону, чтобы разрешить гражданам частные поездки.

- Здесь это все еще запрещено, - заметил я. – Советскому гражданину, чтобы поехать на Запад, нужно быть членом какой-нибудь официальной организации или же получить приглашение из-за рубежа.

- Прекрасно, - сказал Любимов, довольный, что я его слушаю. – Конечно, каждый гражданин был обязан сделать заявку, и последнее слово было за государственными властями. Вечером прошло заседание Центрального Комитета, главной темой которого было возвращение Бауэра. К концу заседания был зачитан и какой-то проект закона о поездках за рубеж в частных целях. Члены ЦК восприняли его как одну из тоскливых резолюций солидарности Никарагуа или изменения дорожного движения в выходные дни и проголосовали в атмосфере полного безразличия. Потом они вручили представителю партийной пресс-службы бумагу с законом. Тот начал зачитывать его перед телекамерами в прямом эфире во время интервью, посвященного Бауэру, не ознакомившись предварительно с текстом. В общем, он заявил, не вдаваясь в детали закона, что разрешаются поездки на Запад. Затем один из журналистов спросил его, когда вступает в силу этот закон. Тот, не задумываясь, ответил: «Думаю, прямо с этого момента». Как только это услышали граждане страны, они кинулись к Стене и начали переходить на ту сторону. Пограничники тоже слышали новость по телевизору, и никто из нового руководства не мог дать им инструкции, как следует реагировать. Уже вскоре они сами начали пить шампанское на Берлинской стене и рушить ее.

- Юрий, это замечательный репортаж. Ты не хочешь работать вместе со мной в газете, когда, наконец, закончится вся эта ужасная история?

Я никак не мог смириться с фактом своего увольнения.

- Есть еще одна замечательная деталь, о которой я узнал. Знаешь, что сделал потом глава пресс-службы?

- Харакири?

- Он пошел домой спать, уверенный, что после выхода закона обстановка разрядится. И только когда он увидел из окна, как толпа берет приступом Берлинскую стену, он осознал, что именно он зачитал, и просто произнес: «Германская Демократическая Республика пустеет».

Вырвавшийся у меня хохот испугал меня. Я не хотел, чтобы другие пассажиры нас заметили. Я оглянулся кругом. Холодный пот заструился по моей спине: я вдруг понял, что на палубе нет ни души. Все исчезли, как в фильме ужасов или научно-фантастическом фильме. Теперь уже Любимов громко рассмеялся:

- Не бойся, мы находимся на «корабле любви». Неужели ты думаешь, что все эти люди в десять утра едут на работу? Никто не пользуется кораблями в Москве, чтобы добраться до своего рабочего места. К тому же река покрыта льдом шесть месяцев в году. Все они, кого ты видел, сидят сейчас внутри. У них свидания. Эти кораблики – одни из немногих мест, где можно уединиться.

Улыбаясь, он закурил сигару.

- Даже в литературе затрагивалась эта тема. Один юмористический рассказ описывает историю одинокого путешественника, прямо как у нас с тобой. Он думает, что он один, но по прибытии видит сотни людей, выходящих из кабин. У всех лица радостные, но усталые, волосы взъерошенные, у некоторых расстегнута одежда. Андрей Вознесенский, один из лучших наших поэтов, написал стихотворение, которое заканчивается следующим образом:

Пароход свиданий не ждут с цветами.
На молу с дубиной родственники ждут.

- Берлинская стена не выдержала. Она в любой момент могла упасть, - продолжал Любимов, с легкостью переходя от литературы к политике. - Но ни одна из великих держав не желала, чтобы это случилось благодаря действием бесконтрольных демонстрантов, без предварительного плана. Получилась головоломка: возможность объединения Германии и принятия ее в НАТО, советские военные части, дислоцированные в Восточной Германии, новые границы объединенной Германии с Польшей, неясность того, как будут развиваться события в остальных странах соцлагеря. Все планы Горбачева создать социализм с человеческим лицом на территории Восточной Европы с сохранением ведущей роли СССР провалились.

»Миттеран вне себя, потому что, если две Германии объединятся, Франция потеряет главенствующую роль в ЕС. Ты, наверняка, знаешь французскую поговорку: «Я так сильно люблю Германию, что хочу, чтобы их было две». Все хотели открыть ворота, но не рушить стену. Поэтому возник конфликт между КГБ и Штази. Немцы обвиняют СССР в организации заговора и в последовавшем провале. Кагэбэшники отвечают им, что, мол, самим надо было меняться до того, как воцарится хаос. Единственный пункт, по которому они соглашаются, - это «Джульетта». Немцы обвиняют ее в заговорщичестве, русские – в провале операции. Таков неписаный закон спецслужб: за провал надо платить.

- Мне кажется, я знаю, кто является «Джульеттой». Это Лариса. Она недавно была в Берлине. Она красива. Работает в КГБ. Она часто бывала в офисе Фабио.

Любимов нахмурил брови.

- Когда мы с ней познакомились, она не показалась мне такой способной...

-Хороший агент должен казаться простоватым человеком.

- Тем, кто не при делах, но не нам, разведчикам. Если ей поручили такое серьезное дело, они совсем не в своем уме...

- А может, они поручили ей эту операцию, но именно потому, не будучи, как ты говоришь, способной, она провалила ее. К тому же, вчера она говорила мне, что разочаровалась в КГБ и хочет уйти.

- Нет, ты меня не убедил, - сказал он, немного подумав.

Мы прибыли на конечную остановку, на набережной неподалеку от Доргомиловской улицы, у Киевского вокзала. Из кабин выходили парочки. Палуба вновь оживилась, будто по мановению бога Любви. На пристани группа пассажиров терпеливо ожидала следующего рейса. Я не знаю, были ли это любовники или разъяренные родственники. Мы прошли к выходу, смешавшись с толпой пассажиров любви вне закона. Перед трапом Любимов потерял равновесие и повалился вперед. Я на мгновение заметил человека в сером пальто, молниеносно пронесшегося по трапу. Он сошел на берег и быстро направился куда-то, расталкивая тех, кто ожидал своей очереди подняться на борт. Я никогда не забуду большой черный зонт в его руке, которым он проколол ногу Любимова. Это был так называемый «отравленный зонт», оружие – вклад болгарских спецслужб в потустороннюю войну между разведчиками. Таким же образом был убит в Лондоне один болгарский диссидент несколько лет назад. Любимов потерял сознание. Я держал его за ворот, чтобы тот не упал в ледяную воду. Кто-то из команды корабля помог мне вытащить его на берег. Лицо его было бело.

- Я умру, - прошептал он.

- Нет, Юрий, мы успеем. Я все сделаю...

- Все эти годы смерть меня не пугала. Но когда я вышел на пенсию, я начал надеяться, что умру своей смертью.

Голос его угасал. Он не успел рассказать мне все, что было ему известно. Я в очередной раз оказался в том неудобном положении, в котором оказывается журналист, когда хочет задать собеседнику вопрос, в то время как тот озабочен чем-то другим. В этот раз мой собеседник умирал. Он чуть приподнял голову, как будто желая что-то сказать.

- Мальчик, - произнес он хриплым голосом.

Я склонился к нему, чтобы расслышать его слова.

- Мальчик... Ключ...

Голова его запрокинулась назад, глаза почти закрылись.

- Помните меня как хорошего человека, который делал нечеловеческую работу. Меня убила трость, как в стихах Вознесенского...

Это были его последние слова. Он так и остался с открытыми глазами, глядя на пасмурное небо своего города. Я отошел в сторону, якобы разыскивая карету скорой помощи. Единственное, чего мне не хватало, это оказаться замешанным в убийстве пенсионера-разведчика в центре Москвы...

***

Почти бегом я добрался до больницы, где лежал Фабио. Она находилась в десяти минутах ходьбы от Киевского вокзала. Моросил дождь, и Москва выглядела не лучшим образом. Медсестра сообщила мне, что состояние больного было стабильным. Наконец-то хоть одна хорошая новость. Я попросил разрешения увидеть его, но он спал. Джузеппе вышел в коридор покурить, но вскоре вернулся. Выражение его лица его было спокойным. К тому же, он побрился. Было самое время познакомить его с тяжелой советской реальностью.

- Любимов убит.

Фабио потерял дар речи. Как если бы я сказал ему, что тринадцатая пятилетка не был перевыполнена.

- Здесь, недалеко. На берегу Москвы-реки. Я уверен, что его убрала Штази. И у меня есть основания полагать, что твоего брата впутала в эту историю Лариса.

- Какие основания? – с недоверием переспросил он. Я испортил ему представление о той единственной связи Фабио, которую он всем сердцем одобрял, несмотря на то, что «Мисс КГБ» время от времени косилась на Запад.

Я объяснил ему, что именно искала Штази в офисе его брата.

- Помнишь, у меня дома, за ужином, Лариса рассказывала, что часто бывает в Берлине? Она была там и в дни падения Стены.

- Ну и что? – резко отреагировал Джузеппе. – Мадлис тоже была там в те дни. И она в курсе дел. И людей знает. А ты подозреваешь всех подряд, но не ее. А она врала тебе столько времени.

Я вышел из себя.

- Ладно, Джузеппе. Я в Нью-Йорке знаю кучу народа. Но это не значит, что я работаю кремлевским «Ромео». Хватит уже несправедливо относиться к этой женщине. В те дни она была в Берлине, потому что хотела забрать своего ребенка. Ты невыносимо упрям. Разыскивается «Джульетта», советский шпион. Имеется советский вариант «Джульетты» - «Мисс КГБ». Она, скорее всего, работает в Первом управлении, которое отвечает за соцстраны, потому что она часто бывает в Берлине, да и, к тому же, она использовала свои чары, чтобы закрутить с западным журналистом. Затем его избили до полусмерти, пытаясь выяснить что-то про Берлинскую стену. А ты подозреваешь какую-то беспомощную женщину, у которой похитили сына? Если она агент КГБ, тогда почему у нее украли ребенка? Почему его не отдают обратно?

Джузеппе пожал плечами.

- Есть и другие доказательства, - неутомимо продолжал я. – Елин был страшно зол на Миллера. Одной из причин тому могло быть избиение Фабио, возлюбленного «Мисс КГБ», агентами Штази. Очевидно, коту под хвост пошла какая-то операция, в которую хотели вовлечь и Фабио. Мне надо пойти в его офис, расспросить девушек, которые там работают. Может, они что-то знают.

- Я спрашивал. Когда мой брат сказал мне, что они интересовались Берлинской стеной. Они понятия ни о чем не имеют и утверждают, что Фабио вообще не занимался этой темой. Его интересовало только падение «Мисс КГБ» в его объятия.

- Вот и я о том же. Мадлис никогда не была в офисе Фабио. В отличие от Ларисы, которая постоянно там торчала.

Его глаза бегали. Он судорожно подыскивал аргументы.

- Нон э вэро, кацо, - произнес он, чертыхаясь из-за того, что не мог согласиться.

- Потому что ты считаешь агентов КГБ ангелочками, которые переводят слепых через дорогу. Давай ее саму спросим.

***

Лариса жила за Шереметьево-2, московским международным аэропортом. Таксист причмокнул от удовольствия, когда услышал, куда мы хотим попасть. Высадив нас, он поехал бы в аэропорт охотиться на наивных богатых туристов.

Мы ехали по улице Барикадной. Джузеппе молчал. Затем мы проехали по Ленинградскому проспекту, выехали из Москвы и направились в сторону аэропорта. Джузеппе продолжал молчать. Впервые я видел его таким задумчивым. Когда мы подъехали к поселку, который был указан на оставленной Ларисой бумажке, таксист остановился у обочины, достал из грязного бардачка своей «Волги» путеводитель и начал искать. Через некоторое время он выругался по-русски:

- Шоссе Энтузиастов. Нет здесь такого.

- Улица энтузиазма. Какое прекрасное название, - с энтузиазмом воскликнул Джузеппе.

- Не может быть, - настаивал я. – Если мы найдем его, ты получишь пятьдесят рублей сверху.

- Пойду спрошу. Много названий поменяли в последнее время.

Джузеппе повернулся и с кислой, как у обиженного ребенка, физиономией посмотрел на меня. Несмотря на серьезность ситуации, я не удержался и расхохотался.

- Джузеппе, честное слово, я не виноват, что улицы переименовывают.

Я с трудом сдерживал хохот, пока не вернулся таксист. Он отрицательно качал головой.

- В этом поселке райсовет старой школы. Названия не меняли. И на карте нет такой дороги.

- Я говорил тебе, она нас обманула. Это она – «Джульетта».

На глазах у Джузеппе рушился мир.

- Путана, - выругался он по-итальянски. – Она живет не на улице Энтузиазма, а на проспекте Предательства.

***

- Как дела, солнце мое?

Я на пять минут прервал поиски Ларисы, чтобы увидеться с Мадлис.

- Будь осторожней, - сказал я ей.

Я подробно рассказал ей о том, что случилось на пристани и об убийстве Любимова.

- Он успел рассказать мне, что какая-то сотрудница КГБ по кличке «Джульетта» организовала свержение Бауэра. Также я узнал, что немцы обыскали офис Фабио, пытаясь найти «Джульетту». Очевидно, это – Лариса. Ты была права, когда подозревала ее.

Она пустила в ход свое самое сильное оружие, свою очаровательную улыбку.

- Я говорила тебе. Мне надо верить...

- Шутка в том, что Джузеппе подозревал тебя, потому что ты знаешь людей и обстановку в Берлине. Мы поехали домой к Ларисе, но выяснилось, что она оставила ложный адрес.

- Только не говори мне, что ты в третий раз решил от меня отказаться...

- Ни секунды. Плохо то, что Любимов не успел рассказать мне все, что он выяснил про Эрика. Единственное, что он сказал: Эрик – ключ к разгадке. Что-то такое.

Она села на стул. Ее мозг работал, видимо, со скоростью миллионов оборотов в секунду.

- Ключ к разгадке? Так он сказал? Почему ты не расспросил? А я думала, ты – хороший журналист, - разочарованно заключила она.

- Когда я беру интервью у мертвых, я немного торможу...

- Ладно, я пошутила, - сказала она. – Что ты думаешь делать с Ларисой?

- Что я могу сделать с главной шпионкой КГБ? Я скажу ей, чтобы она больше ни на шаг не приближалась к Фабио. Потом я приеду к тебе. Мне еще вещи надо собрать.

***

Мы с Джузеппе ждали ее перед входом на территорию «гетто». Лариса не заставила нас долго ждать. Она приехала на своем крохотном «Трабанте» и припарковалась на Кутузовском. Я окликнул ее и пригласил сесть в нашу машину. Мы тут же перешли к делу.

- Привет, «Джульетта».

Она в недоумении посмотрела на меня. Джузеппе завизжал:

- Хватит делать вид, что ничего не понимаешь. Хуже всего то, что «Ромео» не может говорить. В настоящей истории было иначе.

- По-моему, вы оба сошли с ума.

- Мы читаем много Шекспира, - сказал я.

- С ума сошли не только мы, но и таксист, который два часа разыскивал улицу, которой нет на карте, - добавил Джузеппе.

- Боже мой. Вы искали мой дом?

Мы переглянулись с ухмылкой.

- Я забыла вас предупредить. В московских путеводителях нет моей улицы, как и некоторых других улиц. КГБ поменяла карты, чтобы запутать иностранных шпионов.

- У тебя на все есть ответ, - сказал Джузеппе. Вид у него при этом был то ли яростный, то ли восхищенный. Затем он обратился к ней:

- Точно так же ты рассказывала нам все свои истории о большой любви к Фабио. Вас учили актерскому мастерству?

Она зарыдала.

- Я говорю вам правду. Последние пятьдесят лет все карты проверяет КГБ.

- А я – Распутин.

- Я – Дон Корлеоне, - подхватил Джузеппе.

- Я опубликую всю эту историю. О том как «Джульетта» - «Мисс КГБ» организовала заговор с целью свержения Бауэра.

Она изобразила на лице отчаяние.

- Я свергла Бауэра?

- Ты, кстати, никогда не рассказывала, в каком отделе КГБ ты работаешь...

- Это секретная информация...

- Может, ты работаешь в управлении «соцстран»?

- С чего ты это взял?

- В тот вечер, у меня дома, ты сказала, что неоднократно бывала в Восточном Берлине. Ты просто путешествовала?

Она подумала, прежде чем ответить.

- Мне очень жаль, но у меня нет права об этом говорить.

Мы с усмешкой смотрели на нее.

- Поехали ко мне, я покажу вам, что улица на самом деле существует.

- Ты нас тут за каких-нибудь америкосов держишь? – сказал Джузеппе, но тут же прикусил язык.

Я проигнорировал этот пассаж. Лариса предприняла последнюю попытку.

- Кевин, я нашла много информации об этих «обманутых мужьях». Мне надо рассказать тебе это.

- Я хочу от тебя услышать только одну вещь. Во что ты собиралась впутать Фабио? Что искала Штази в его офисе.

- Какая Штази? Понятия не имею.

Наше терпение закончилось.

- Все. Хватит терять с ней время. Иди отсюда...

- Оставь в покое моего брата, - добавил Джузеппе так, как будто он скандировал лозунг в защиту трудовых прав итальянских рабочих.

Мы вышли из машины, зашли на территорию «гетто» и поднялись в офис Фабио.

***

В офисе «Коррьере делла Сера» нас встретили Марина и Елена. Они, как обычно, были готовы разрыдаться. Андреа, старый репортер этого издания, срочно примчался из Милана, чтобы заменить Фабио. Андреа был типичным итальянцем с Севера. Спокойный, ничего общего со взрывном сицилийцем Фабио. Его присутствие немного поменяло мои планы – я собирался перевернуть весь офис в надежде обнаружить то, что искали люди Миллера. Я надеялся, что в тот злополучный вечер что-то ускользнуло от них. Андреа пригласил меня сыграть партию в шахматы, как в старые добрые времена. Я вежливо отказался. Еще чуть-чуть и меня ожидал шах королем от Штази и КГБ. Я хотел поговорить с девушками, которые были в курсе того, чем занимался Фабио.

- Не доводилось ли вам слышать, как Фабио обсуждает с Ларисой какие-нибудь обстоятельства, связанные с Восточной Германией?

Елена грустно улыбалась. Это была худощавая украинка с черными кругами под глазами.

- Кевин, вы еще и детективом теперь работаете?

Она всегда обращалась ко мне на «вы».

- Да. Как только поправится Фабио, мы откроем в Москве агентство. Судя по всему, потребность в этой специальности будет велика.

Слова «как только поправится» вселили уверенность во всех нас. Я знал, что мы все думаем об одном и том же: о неподражаемых шутках Фабио.

- В течение последних месяцев он почти не занимался вопросами Восточной Европы. Больше его интересовали страны Прибалтики...

На этом месте обе они улыбнулись. Фабио внимательно наблюдал за попытками эмансипации прибалтийских республик, и особенно – их женского населения.

- Мы перевернули весь его кабинет, но ничего не нашли. Мы обыскали все его вещи. И здесь, и дома, - сказала Елена.

Пока мы беседовали, я набрал номер своей нью-йоркской газеты. Не став говорить с Уайтсмитом, я попросил связать меня напрямую с главным начальником. Вебер ответил. Голос его был более чем холоден.

- Слушаю...

- Конечно, в наших отношениях возникли определенные проблемы, но я по капле собираю доказательства того, что я пал жертвой интриг. В данный момент я, в качестве внештатного сотрудника, хочу предложить вам репортаж о падении Берлинской стены. Мне удалось узнать новые детали. В этом репортаже будет все: интрига, тайны, разведчики и даже женщины. Скажу, для начала, что Стена упала, в принципе, по ошибке, а за всем этим стоит КГБ. Или, вернее, агент под кодовым именем «Джульетта», которая также является «Мисс КГБ». Впрочем, ты знаешь, что я предпочитаю, когда другие оценивают мою работу. Не люблю заниматься саморекламой. Я нарушаю это свое правило, потому что тема действительно того стоит.

Связь с Нью-Йорком шла через спутник, и слышалось эхо голоса собеседника. Поэтому еще много часов голос Вебера гудел в моих ушах...

- Мне за тебя стыдно, Кевин...

- Ты о чем?

- Вообще-то, я не должен тебе говорить об этом, но мне плевать на государственные тайны, потому что меня волнует судьба Синтии и твоего сына. Тебя тестировали, и ты попался, как мальчик. Съел «наживку» консула...

- Какую «наживку»? Мне кажется, это вы не в своем уме...

- Он дал тебе ложную информацию о новой «холодной войне» и каких-то, якобы, планах Президента по поводу введения в действие программы «Звездная война». Они хотели проверить, сможешь ли ты держать свой рот закрытым или сразу же сольешь всю информацию КГБ. Через несколько часов посол СССР в Вашингтоне представил неофициальную ноту протеста. Госдепартамент все опроверг, но этой информацией обладал только ты. Тебе лучше не возвращаться в США. Тебя поджидает ФБР для допроса.

Наверно, я замер с открытым ртом, потому что Елена встала и принесла мне с кухни стакан воды, хотя я не просил об этом. Я залпом осушил его и сказал:

- За мной следили. В моей квартире было больше жучков, чем в здании «Уотергейта».

- С консулом ты говорил у себя в квартире?

На мгновение я остолбенел. Надо было объяснить ему, что рассказывал я об этом Мадлис. Но партия так или иначе была проиграна. Все, что бы я ни сказал, было против меня.

- Нет, во дворе...

- Тогда иди к черту.

***

Хардман в очередной раз жестом прервал меня. Он повернулся к Веберу.

- Вы действительно рассказали ему о «наживке», господин Вебер?

Главный начальник обернулся и посмотрел на меня. Последовали несколько секунд абсолютной тишины. Вебер скрестил на груди руки.

- Все было именно так, как он говорит.

- Вы нарушили американские законы, - произнес Хардман.

Вебер уничижающе взглянул на него и проговорил с видом человека, которого ничто не может поколебать:

- Глупости. Да и ваша «наживка» была незаконным методом.

Хардман снова развернулся ко мне:

- Это дружеская беседа. Продолжайте, господин Даннахер.

***

Мне надо было покинуть Советский Союз на следующий день. Но мне было некуда идти. Единственное, что мне оставалось, это просить политического убежища в Албании. Когда я выходил из офиса, ко мне подбежала Елена:

- Возьмите то, что просила Мадлис...

- Что просила Мадлис? Она мне ничего не говорила.

- Она была здесь за пять минут до вашего прихода. Искала оригинал факса, который отсюда мы отправили в Берлин. Кажется, в тот день, когда вы познакомились. Не помните?

Она сказала это с укором, но у меня не было настроения для выяснения отношений.

- Марина подложила его в папку с отправленными факсами. Но я об этом не знала и сказала ей, что мы его выкинули. Она ответила, что коли так, то не важно.

Я хотел было положить его в карман, но Елена, первая сплетница в Москве, совершенно своевременно сказала со смехом:

- А почему Мадлис подписалась «И.»?

- Прочитай-ка нам эту бумагу, - сказали мы с Джузеппе хором, одновременно заглянув в документ.

- Тут ничего интересного не написано, - заметила Елена, говорившая по-немецки. Она начала читать:

> К съемкам все готово. Не хватает только главного актера, ждем ваших предложений. Как и следовало ожидать, местная дирекция желает сохранить старые декорации и не хочет изготовлять новые. Они говорят, что лучше воспользоваться тем, что имеется.
>
> Ориентировочно начало съемок планируется на 9 ноября.
>
> И.

Я взглянул на Джузеппе. Вид у него был торжествующий, как будто в Сальвадоре они взяли власть, вопреки моим предсказаниям. Он тут же спросил меня:

- Ты рассказал ей, что мы узнали о «Джульетте»?

- Да. Только что. Когда заезжал домой.

- Она что, околдовала тебя? – не выдержал Джузеппе. – Ты даже пять минут не можешь помолчать? Что ты ей выпаливаешь все, как только увидишь? Даже итальянцы своим матерям столько не говорят! Порка Мадонна... А если бы они ей его отдали?

Так сильно я не краснел с тех пор, как меня ругала моя учительница в начальной школе. Я с трудом пробормотал:

- Если Мадлис вас снова спросит, не говорите ей, что нашли факс. Я хочу сделать ей сюрприз.

Мы спустились по лестнице, потому что в лифте мне могло стать плохо. Я несколько раз глубоко вдохнул болезнетворный московский воздух.

- Нам надо немедленно найти Ларису, - крикнул я Джузеппе. – Она, возможно, в опасности, потому что телефоны Фабио точно прослушиваются, а я, дурак, сказал Веберу, что «Джульетта» - это она. Хуже всего, что я рассказал ту же историю Мадлис. Если они уберут Ларису, они все повесят на нее.

- Зачем им это делать?

- Потому что Мадлис не хочет, чтобы «старик» узнал, что это она все устроила. Он никогда не вернет ей сына.

- И где же, черт побери, мы будем ее искать? – спросил Джузеппе.

- Если она его действительно любит, она должна быть в больнице, - сказал я, и мы побежали к машине.

Всю дорогу Джузеппе ругался по-итальянски. От этого безбожника досталось и Христу, и Богоматери, и КГБ, и Штази, и, разумеется, Фабио, и, прежде всего, мне.

- Стронцо, ке кацо. Вы все стронци. И ты, и мой брат. Я думал, ты лучше него, но ты хуже.

Было уже десять вечера, когда мы добрались до больницы. Прием посетителей закончился. Мы бегом миновали вход, как восточногерманские спринтеры на допинге. Толстая вахтерша даже не успела напомнить о советских законах. Лифт был занят, и ее голос несся нам вслед, пока мы взбегали по лестнице на пятый этаж, перепрыгивая через ступеньки. В больнице стояла гробовая тишина. Задыхаясь от бега, мы кинулись к комнате медсестер, где обнаружили присматривавшую за Фабио санитарку.

- Вы не видели девушку, которая приходит к нему каждый день?

- Эту плаксу? – спросила она с жесткостью медработника. – Две минуты назад была здесь. Хотела увидеть вашего друга, но я сказала ей, что он спит. Она немного подождала и ушла. Что с вами со всеми случилось?..

- С кем с нами?

- О ней тут еще спрашивали. Они были похожи на...

- На кого? – хором произнесли мы с Джузеппе.

Она подумала немного и оглядела нас с ног до головы.

- На бандитов.

- Куда они пошли? Они с ней говорили?

- Не думаю. Если вы поторопитесь, вы догоните ее. Вы на лифте сюда поднялись?

- Нет, по лестнице...

- Тогда, наверно, в этот момент она спускалась.

Мы кубарем скатились вниз по ступенькам, пробежали мимо вахтерши и издалека увидели фигуру Ларисы, направляющейся в сторону парковки. Мы догнали ее, когда она уже почти подошла к своей машине. Она все еще плакала, когда я схватил ее за руку.

- Ладно, Лариса, мы были не правы.

- Товарищ, прости, - с коммунистическим смирением сказал Джузеппе.

Она резким движением высвободила свою руку, подошла к своему «Трабанту» и открыла дверь. В темноте, в абсолютной тишине мы слышали ее всхлипы.

Я приблизился и решительно захлопнул дверцу машины.

- Пойдем в больницу, поговорим спокойно.

Она последовала за нами со слезами, но довольная, как девочка, которую обвинили в чем-то, но в итоге она оказалась права. Бомба в машине взорвалась, когда мы отошли метров на пятьдесят. Мы услышали страшный грохот и звук бьющихся стекол. Обернувшись, мы увидели машину Ларисы в огне.

- Это – взрывное устройство новой технологии, - хладнокровно заметила она. – Они взрываются через минуту после открытия и закрытия дверцы. Со старыми бомбами, которые взрывались с включением мотора, была возможность проверить, в порядке ли провода.

Она с грустью смотрела на свой автомобиль.

- Жалко. Даже мы, сотрудники КГБ, должны ждать своей очереди, чтобы получить машину.

- Ничего страшного. Фабио купит тебе новую, - сказал Джузеппе и обнял ее.

Затем он со злостью сказал мне:

- Убийства, заминированные машины... Ты превратил Москву в Голливуд...

- Сегодня тебе придется спать с Ларисой, - я перешел в наступление.

Он посмотрел на меня как на Эдипа-тирана.

- Возьми ее с собой в «Октябрьскую». Ее не должны нигде видеть. Пусть лучше считают, что с ней покончено. Уходите скорей, сюда едет милиция.

Издалека слышался вой сирен.

- А ты, черт побери, что будешь делать? Тебе надо завтра вечером покинуть страну, - поинтересовался Джузеппе.

- Мне кажется, я знаю, как получить отсрочку, - загадочно ответил я. – Мне надо что-то подправить в своем романе.

Я видел, что они смотрят на меня как на умалишенного, пока не их лица не скрылись в ночи.

***

- Я больше не могу выносить этих сумасшедших, - заявил Патрик директору Психиатрической лечебницы № 13. – Я прошу вас сообщить об этом Ивану Плите, заместителю министра Внутренних дел.

Директор с любопытством смотрел на него. Это был высокий человек лет пятидесяти пяти, с большим острым носом.

- Вы понимаете, что я не могу беспокоить заместителя министра без веских на то причин.

- Позвоните ему сейчас и скажите, что я принимаю его предложение. Он поймет.

Директор заглянул в записную книжку, набрал какой-то номер и начал говорить что-то по-чешски. Затем он передал трубку Патрику.

- Это заместитель министра. Он хочет что-то вам сказать

- Я принимаю ваше предложение, - сказал Кевин. – Я готов сотрудничать, но только при одном условии.

- Ты не в том положении, чтобы диктовать условия, - голос замминистра был холоден.

- Освободите Лизу Томпсон. К тому же, она ни в чем не виновата.

Плита сделал вид, что задумался.

- Хорошо. За вами придет машина.

- Сейчас, - сказал Патрик.

- Через час, - ответил замминистра и повесил трубку.

***

Я выключил компьютер, пошел в спальню и сразу повалился на кровать. Из кабинета раздался жалобный голос Мадлис:

- Это наш последний вечер. А ты пишешь и дрыхнешь!

Я был так утомлен, что мне не надо было сильно притворяться. Как можно естественнее я сказал:

- Дорогая, прости, но я так устал. Давай поговорим утром. Ты выключишь свет?

Я закрыл глаза и вонзил до крови ногти себе в ладони, чтобы не уснуть. Она очень торопилась прочитать, что я написал. Через десять минут я услышал звук включающегося компьютера. Когда вскоре я услышал, как она куда-то звонит и что-то шепчет в трубку, я спокойно заснул...

Часть четвертая

Красный альбом

Это стало сегодня далеким,
Даже странно и вспомнить теперь

Тайный страх перед чьим-то доносом,
Тайный страх перед стуком в дверь.
Ну, а страх говорить с иностранцем?
С иностранцем-то что, а с женой...

Евг. Евтушенко, «Катер связи» (1966)

Сон – лучшее лекарство от гнева. Когда я проснулся утром и почувствовал рядом с собой ее обнаженное тело, мне захотелось ласкать ее и любить. Я хотел ее, несмотря на все то, что она мне сделала. Ей удалось предать даже мои мысли. Меня злило, что я все еще люблю ее. Я заставил себя подняться с постели, перечисляя в голове все дела, которые мне было необходимо сделать в течение нескольких часов, и оставил ее спать дальше. Мне было очень сложно сдержаться, чтобы не разбудить ее и не задать простой вопрос: «За что?».

Я сделал кофе и набрал номер Елина. Как я и рассчитывал, тот ждал меня и даже не пытался изобразить удивление.

- Ну, здравствуй.

- Мне кажется, нам надо поговорить.

- Сегодня пятница, и я пораньше уйду с работы. Поеду в сауну, в Переделкино. Там находится старый комсомольский санаторий. Знаешь, где это?

- Я буду там в двенадцать.

Через полчаса я был в Переделкино, где в живописнейшем месте, на берегу реки, располагался дом отдыха советской элиты. Переделкино находится в том же направлении, что и Внуково, внутренний аэропорт, из которого три дня назад я выбежал с первоклассными ядерными материалами в руках. Не доезжая до аэродрома, я свернул направо, на дорогу с высокими деревьями и деревянными дачами.

Елин отдыхал на роскошной вилле, принадлежавшей когда-то комсомольской организации. С недавних пор она перешла в собственность совместного предприятия, в котором участвовали высокопоставленные члены комсомола, превратившиеся из первопроходцев нового поколения в пионеров несанкционированных приватизаций, и какая-то итальянская фирма. Согласно новому контракту, высокопоставленные партийные чины могли безвозмездно наслаждаться теми услугами, которые полагались им и раньше. Все это располагалось в некрасивом бетонном сооружении с помпезными помещениями и необарочным декором. Стойка администратора была украшена флагами капиталистических стран, имевших в обращении твердую валюту. Не хватало только лозунга: «Обладатели валют всех стран, объединяйтесь!». Для местных цены там были запредельные, что-то около ста восьмидесяти долларов за ночь с завтраком и сауной.

Елин только что вышел из бассейна. На нем был белый халат с вышитыми на груди инициалами. Он лежал на шезлонге из рогожи и пил свежевыжатый

апельсиновый сок. Он молча смотрел на меня, храня верность своему принципу: «Мы не задаем вопросов. Мы слушаем ответы».

- Я хотел бы поговорить. Может быть, пройдемся по саду?

Тот рассмеялся и оглянулся вокруг.

- Ты думаешь, я сам за собой тоже слежу?

- Не знаю. Здесь все за всеми следят.

Очевидно, я являлся для него большой добычей, потому что он сразу же согласился на прогулку. Тяжело поднявшись, Елин зашел в раздевалку и через пару минут вернулся, одетый в зеленый спортивный костюм и кроссовки. Он накинул на плечи коричневую кожаную куртку и жестом пригласил меня пройти к выходу. Мы пошли по дорожке, ведущей к реке.

- Я из-за тебя простужусь.

Он сменил свой гнев на милость. Я сразу перешел к делу.

- Что подразумевает под собой это предложение о сотрудничестве?

Он развел руками, как бы говоря: «И из-за такой мелочи ты меня вытащил на холод?».

- Ничего страшного. Будешь рассказывать нам то, что покажется тебе интересным. Что сказал какой-нибудь дипломат, какую-нибудь информацию, которая, как тебе кажется, нам не известна. Когда ты вернешься в США, ты чем собираешься заниматься?

- Именно об этом я хотел бы вас попросить. Я здесь уже много лет, знаю язык, политическое положение в стране, у меня хорошие контакты с американским посольством. Я надеюсь начать сотрудничество с несколькими периферийными американскими или австралийскими изданиями. Если я вернусь домой, я не найду там работы. Разве что, если только вы хотите, чтобы я информировал вас о том, что происходит в рядах безработных...

- Это исключено. Ты немедленно отправишься в Соединенные Штаты.

Мы спустились к Москве-реке. Было очень холодно, но река еще не замерзла. Мальчишки играли на берегу в футбол. Рыбак в резиновых сапогах с удочкой стоял по колено в воде. Елин немного подумал, но мне показалось, что он подыскивает нужный довод.

- Если ты останешься здесь, они могут заподозрить, что мы сотрудничаем. Надо будет на некоторые время прекратить контакты. Когда настанет нужный момент, мы разыщем тебя в Нью-Йорке.

Он хотел избавиться от меня. И я не мог понять – почему? Он точно знал, что я проглотил «наживку» консула и что я уже нахожусь под подозрением у ФБР. В США я был «сбитый летчик». В итоге я попросил у него то, что мне было больше всего необходимо:

- Я хотел бы, по крайней мере, еще ненадолго здесь остаться. Я даже вещи свои не успел собрать.

Он нагнулся, подобрал камень и нервно кинул его в воду.

- У тебя есть отсрочка сорок восемь часов. Давай, не задерживайся.

Я уже уходил, когда он сказал:

- Твоя агентурная кличка – «Купидон».

***

- Ваш поступок, господин Даннахер, очень серьезен.

Хардман ослабил узел своего галстука. Стол в редакционном зале совещаний был завален бутылками из-под «Кока-колы» без сахара и пластиковыми стаканами.

- Как вы уже поняли, я не собирался с ними сотрудничать. Я сделал это, чтобы выиграть время на то, чтобы доказать свою невиновность.

- А мы откуда это знаем?

- Я последовал рекомендациям госпожи Бергер. Она сказала мне, что когда спецслужбы предлагают тебе сотрудничать, а ты не имеешь возможности отказаться, надо рассказать об этом еще кому-то. Так я и поступил.

- И кому вы рассказали об этом? – нетерпеливо спросил Хардман.

- Я написал об этом в своей книге. В том фрагменте, который я только что вам пересказал, Патрик соглашается сотрудничать с чехословацкими спецслужбами. Но зовут его не Патрик, а Кевин. Вы, наверняка, не заметили этого, когда я рассказывал. Не заметила этого и Мадлис, когда читала о моем согласии сотрудничать и передавала это Елину. В пятницу утром, перед встречей с Елиным, я отправил незаконченный текст в Нью-Йорк, с именем «Кевин» вместо «Патрик».

Хардман подозрительно взглянул на меня.

- С каким издательством вы работаете?

Я написал ему название издательства и его координаты. Когда Хардман передавал эту записку своему помощнику, Вебер улыбнулся и подмигнул мне. Он снова мне доверял.

Хардман настаивал:

- И все-таки, вам приходили в голову подобные мысли.

На этот раз Вебер был строг:

- Давайте не будем уподобляться коммунистам, которые наказывают даже за простую мысль.

***

Когда я вернулся домой, Мадлис там уже не было. Она оставила записку, в которой сообщала, что ей пришлось срочно бежать к больной подруге, чтобы купить ей лекарства. Она собиралась позвонить мне около часа и проводить меня в аэропорт... У меня было полчаса, чтобы привести в порядок свои мысли. Я беспокоился о судьбе Джузеппе и Ларисы и хотел было позвонить в офис «Коррьере делла Сера», но телефон не работал, ибо я забыл зарядить его накануне. В поисках другого телефона я наткнулся на два аппарата с функцией определения номера, которые я приобрел на выставке советских технологических достижений на следующий день после падения Берлинской стены. Двадцать минут заняло у меня чтение инструкции, и данное достижение прогресса заработало. Телефон тут же зазвонил. Прежде чем ответить, я записал номер, определившийся на табло. На другом конце провода была Мадлис.

- Ты там? Я через полчаса буду.

Я объяснил ей, что получил отсрочку и что лучше встретиться вечером, поскольку мне предстояло закончить множество дел вне дома. В таком случае, сказала она, ей тоже надо было что-то срочно купить. Я положил трубку и набрал номер, с которого она только что звонила. Ответил женский голос:

- Гостиница «Октябрьская».

- Спасибо за информацию. Мне она очень важна.

Я сразу бросил трубку, не успев выслушать поток брани с другого конца провода. Телефон снова зазвонил. На этот раз номер был мне известен: звонил Джузеппе из офиса Фабио.

- У вас все хорошо? Как Лариса?

- Она здесь, со мной. Мы весь вечер разговаривали.

При других обстоятельствах я бы многое дал, чтобы послушать их разговор.

- А Фабио?

Голос его смягчился.

- Ему лучше.

- Замечательно. Приезжайте сюда. Кофе попьем.

Я спросил у Светланы, не знает ли она, где Маша. Та отдыхала в их комнате в «коммуналке», но я настоял, чтобы Светлана срочно вызвала ее ко мне – это было просто необходимо. Через десять минут появились Джузеппе и Лариса. Как только они вошли, я поцеловал ее и снова попросил прощения. Они с удивлением разглядывали стены с торчащими из них проводами. Светлана убрала пыль, и поэтому зрелище можно было назвать постмодерновым. Лариса указала на стены:

- Ну, не страшно. Я понимаю. Теперь мы уже никому не верим. Я увольняюсь с работы.

Она была готова разрыдаться и еле сдерживалась. Дрожащим голосом она произнесла:

- Вчера я не успела тебе рассказать, но мне удалось узнать много интересного об этих «обманутых мужьях». Это сеть сотрудников КГБ.

Джузеппе взглянул на нее с опаской. Я попросил ее продолжать.

- Как и все, кагэбэшники стараются добывать всеми способами твердую валюту. Поэтому они придумали подобный способ грабить туристов. В этой системе работают около тринадцати тысяч девушек, с шестнадцати до тридцати лет. Сценарий всегда один и тот же. Девушки знакомится с иностранцем, напаивают его, а потом настает момент, когда они решают куда-то ехать. Они ни в какую не соглашаются ехать в гостиницу или домой к иностранцу и везут его к себе. Они всегда просят двести долларов и никогда не снижают цену, чтобы не осложнять последующие расчеты. Через пять минут появляется «обманутый муж» с другом. Таким образом, за ночь из тринадцати тысяч девушек пятьсот обычно находят себе жертву. Со всех получается собрать около ста тысяч долларов в день. Потом эта сумма делится. «Экстра» доход, то есть то, что удается дополнительно получить с незадачливого любовника, делится на месте.

- Сто тысяч долларов за вечер! Это не преступная сеть, это индустрия. А еще что-нибудь тебе известно?

- Девушек отбирают по внешним данным. Некоторые являются проститутками со стажем, некоторые только начинают. Затем они проходят

краткий обучающий курс. Их учат элементарному английскому и отправляют в крупные гостиницы.

- То есть руководство КГБ тоже в курсе?

- Некоторые высокопоставленные чины. Но я не думаю, что Елин имеет непосредственное отношение ко всему этому. Он думает, что этот номер используется лишь иногда и с целью заманивания в ловушку, а не ради наживы. Если ребята делают что-то там для себя, то ничего страшного, лишний стимул к работе.

Лариса на секунду остановила свой рассказ.

- Поэтому, говорю тебе, я в шоке. Я уйду оттуда.

- Не надо пока. Ты можешь еще пригодиться...

Я позвонил Элен Форсайт, американской тележурналистке, которую я когда-то приглашал к себе домой на ужин.

- У тебя остались контакты в милиции? Я хочу написать о работе нового отдела по борьбе с распространением порнографии и защите моральных ценностей.

- Я могу это устроить. Но нужны деньги. Ты когда хочешь этим заняться?

- Сегодня вечером. И я согласен на любую сумму. Я буду со своей новой сотрудницей.

***

Когда ко мне домой подъехала и сонная Маша, я объявил всей компании план действий. Мадлис звонила из «Октябрьской». Следовательно, она встретилась с Бауэром. Нам надо было выяснить, о чем эти двое договорились между собой. У Джузеппе возникли вопросы.

- И как же мы будем это выяснять?

- Там номера прослушиваются.

- Не может быть, чтобы прослушивались все комнаты. Для этого нужен отдельный этаж.

Этот молодой человек взрослел на глазах. Четыре дня назад он бы стал говорить, что товарищи не должны следить за товарищами.

- Я знаю, что там происходит, - вмешалась Маша. – У меня там подруга работает. Прослушка ведется из одного огромного номера на пятом этаже. Там постоянно работают шесть человек. У них три восьмичасовые вахты. Они иногда приглашают ее посидеть с ними. Ну, понимаете... Если она им откажет, они запретят ей вход в гостиницу.

Я глубоко вздохнул.

- Но прослушиваются не все комнаты...

Тут уже Джузеппе вздохнул с облегчением.

- Что ты вздыхаешь, Джузеппе? Даже если бы за тобой следили, что бы они там увидели? Максимум...

- Ладно тебе...

Мне нравилось подшучивать над Джузеппе. Коммунисты – хорошие люди. Только власть их портит.

- Они установили камеры и микрофоны в барах и ресторанах гостиницы, а также в коридорах и в где-то тридцати номерах, - продолжала Маша.

- Они наверняка прослушивают Бауэра, - сказал я.

- Наверно, потому что, скорее всего, он живет в номере люкс с двумя карманами. Существует очень строгий протокол. В номерах люкс останавливаются высокопоставленные гости, Секретари и члены Политбюро иностранных компартий. Им дают шелковые пижамы с двумя карманами. В остальных комнатах пижамы обычные, хлопчатобумажные, с одним карманом. Моя подруга говорила мне, что когда их посылают в комнаты с двумя карманами развлекать официально приглашенных иностранцев, они всегда знают, что идет видеосъемка.

- Моя пижама из хлопка, - снова вмешался Джузеппе.

- Я не понимаю, почему ты так боишься, что за тобой следят.

Джузеппе сделал загадочный вид.

- Я тебе потом расскажу...

При других обстоятельствах мы с Фабио отрыли бы в этот момент бутылку шампанского. Я обратился к Маше.

- Ты можешь найти эту свою подругу?

- Нам нужен только номер комнаты, откуда ведется слежка. Все остальное я беру на себя, - добавила Лариса.

- Тебя не пустят в номер, - ответила Маша. – Не думаю, что туда пускают. Даже агентов КГБ.

- Ты пропустила несколько моментов, - со смехом ответила Лариса. – Я работаю в отделе соцстран, специализируюсь на Восточной Германии. Таким образом, я имею право на доступ к информации. Тут ребята уже даже решили, что я – «Джульетта» и разрушила Берлинскую стену...

- Вход в гостиницу посторонним запрещен, - я продолжал излагать план. – Мы скажем, что идем в комнату Джузеппе.

Мы вышли на улицу и сели в машину. Представляли мы из себя самую несуразную команду вершителей Истории: безработный журналист, которого предали и которого ФБР считает советским агентом, «Мисс КГБ», шокированная работой своей организации по причине влюбленности, валютная проститутка, рожденная в лагере, поскольку ее родители нарушили партийные нормы сексуального поведения, и начинающая уже подозревать, что не все в порядке в Датском королевстве. Я был очень расстроен предательством Мадлис, но состав нашей команды заставил меня улыбнуться.

***

Высота статуи Ленина на Октябрьской площади сравнима с высотой многоэтажного дома. Вождь Революции одет в небезызвестный костюм с жилетом, и его распахнутый пиджак развивается на ветру Истории. В левой руке он держит свою кепку, правой рукой - указывает в направлении социализма.

По площади гуляли парочки новобрачных. В СССР существует такой обычай: после заключения брака в ЗАГСе молодые отправляются к Мавзолею или к какой-нибудь статуе Ленина и возлагают там цветы. Это как на Западе, где после

церемонии в муниципалитете пары совершают церковный обряд. Я чувствовал зависть ко всем этим молодым людям, которые в обнимку фотографировались на фоне Ленина. Я так хотел быть одним из этих неизвестных, бедных, но влюбленных советских граждан, обладавших привилегированной возможностью клясться в вечной верности и преданности своему возлюбленному или возлюбленной, чувствовать себя счастливыми пусть даже несколько мгновений. Я страстно желал, больше всего на свете, пережить нечто подобное вместе с Мадлис. Вдруг я почувствовал ненависть к ней: она лишила меня права мечтать.

Маша прервала мои мысли.

- Когда же его уберут отсюда...

Мы видели по телевизору демонтаж памятников в Восточной Германии.

- Советский Союз – это не Германия, - проворчал Джузеппе.

- Какое-то время назад мы изъяли работу одного студента философского факультета, - с радостным видом сказала Лариса. – Он исследовал художественные особенности статуй Ленина в связи с периодизацией советской истории.

Джузеппе разочарованно взглянул на нее, но Лариса не придала этому значения.

- Вот этот памятник принадлежит к первому периоду, сразу после его, Ленина, смерти. Это Ленин-революционер, только что вернувшийся из ссылки. Он ведет пролетариат к власти... В сталинскую эпоху Ленин перестает быть похожим на вождя народа. Эта функция теперь принадлежит Сталину. Статуи того времени представляют Ленина как теоретика: он пишет, сидя за столом, изучает статьи... После смерти Сталина манера изображения Ленина вновь меняется.

- Он снова становится вождем? – спросил Джузеппе, и надежда звучала в его голосе.

- Нет. Его изображают более расслабленным. Он кажется довольным, что избавился от Сталина. Он прогуливается по саду, держа руки в карманах. Это Ленин с человеческим лицом. В четвертый период, период застоя, Ленин тяжел и неподвижен. Не случайно, что именно подобную статую избрал Бауэр для установки в Восточном Берлине.

- Ребят, мы уже на месте. Хватит искусства. Переходим к действиям...

***

Товарищ Джузеппе показал специальную карточку с номером его комнаты. Так мы без проблем прошли мимо четырех милиционеров, охранявших вход в гостиницу ЦК. Гостиница относилась к категории пятизвездочных отелей. Стойка администратора была выполнена из черного дерева. Вся мебель – антиквариат XIX века. Повсюду стояли светильники с золотыми кисточками и с основаниями из бронзовых скульптур 1930-х годов. Пол покрывал тяжелый красный ковер. На стенах висели картины периода зрелого социалистического реализма, без крайностей раннего его периода. На одной из них на заднем плане была изображена группа идущих работниц с вилами на плечах, а на переднем – молодые женщины, купающиеся и загорающие в цельных купальниках на берегу реки.

Цвета и манера напоминали Тулуза Лотрека. Работницы же служили в качестве алиби. При желании, товарищи могли творить с большим вкусом.

Маша прошлась по гостинице в поисках своей подруги и коллеги, остальные же, чтобы не привлекать внимания, направились прямиком в номер Джузеппе. Его апартаменты были тоже красиво оформлены. Старая кровать с балдахином, на стене – дореволюционные гравюры с изображением Москвы с каретами и Красной площадью, заполненной лавками и торговцами. Недаром Красная площадь была названа так, потому что «красный» по-русски когда-то означало «прекрасный». На всякий случай я осмотрелся в поиске скрытых камер или микрофонов. Но не нашел ничего подозрительного.

- Еще чуть-чуть и я превращусь в журналиста, специализирующегося на «жучках».

- Я не понимаю, зачем ты этим занимаешься, - сказал Джузеппе.

- На Родине меня подозревают в сотрудничестве с КГБ. А сама эта спецслужба крепко держит меня в своих руках. Мне надо доказать, что я не агент, а просто жертва заговора. К тому же, я хочу выяснить, когда именно Мадлис меня предала. Не было ли это ее изначальным планом.

- Ты все еще ее любишь?

Я кивнул.

- Мне кажется, да.

Джузеппе вытаращил глаза.

- Ты в своем уме? Она читала твой роман и пересказывала его содержание Елину. Что еще она должна сделать?

- Я хочу выяснить, когда произошло это предательство. С самого начала? Или она начала сотрудничать с Елиным, когда поняла, что я не в силах помочь ей забрать ребенка. Мне надо узнать, не она ли донесла про чемодан из Москвы-400.

Тема была слишком тяжела, чтобы продолжать эту беседу. Я обратился к Ларисе.

- Ты говоришь, что уволишься из КГБ. Чем ты будешь занимать потом?

- Если, как обещают, разрешат частный издательский бизнес, я открою издательство для женщин. Я буду переводить на русский женские романы. Надеюсь, Фабио мне поможет.

Когда мы вошли в его номер, Джузеппе первым делом кинулся проверять свою пижаму. Она была хлопчатобумажная, но он хотел удостовериться, что карман действительно один.

Что-то сильно беспокоило его, и, в конце концов, он не выдержал:

- На днях ко мне в гости заходила одна товарищ.

- Значит, с товарищем, - пошутил я над ним.

- А с кем еще? С какой-нибудь контрреволюционеркой?..

- К счастью, за комнатами с одним карманом не следят. Иначе бы ты прославился как герой порнофильмов. Скоро видеофильмы появятся в свободной продаже.

Тот покраснел как маленький мальчик.

- Она работает в Иностранном отделе ЦК. Ее кабинет находится в здании партийной организации на Старой площади. Она сказала мне, что Партия не полностью доверяет КГБ, как и КГБ Партии.

- Да ладно. Разве такое может происходить в стране революционного доверия?

- Я не шучу. В здании ЦК есть целая комната, где находится все, что необходимо для перевоплощения и подготовки фальшивых документов. Даже она сама ничего не знала...

Нас прервал стук в дверь. В комнату вошла Маша со словами:

- Помещение, откуда ведется слежка, находится на пятом этаже. Это номера с 5/101 по 5/103.

- Все остальное я беру на себя, - решительно заявила Лариса.

- И еще кое-что, - добавила Маша. – Бауэр проживает в номере люкс с шелковыми пижамами с двумя карманами...

***

Пять минут мы стояли неподвижно, глядя на антикварные настенные часы. Джузеппе подыскивал повод, чтобы продолжить свой рассказ. У меня же не было никакого настроения слушать грустную историю о партийной работнице, которая открыла для себя, что ЦК может даже переодеться травести, если того потребуют нужды интернационального революционного движения. Лариса вскоре вернулась. Вид у нее был разочарованный.

- В номер я вошла без проблем. Они следят за каждым движением Бауэра и все записывают. Но начальник вахты сказал мне, что к нему не заходила ни одна женщина, похожая на Мадлис.

- Черт, - я действительно расстроился. – Ты ему доверяешь?

- У меня нет повода не верить ему. Он сказал, что с тех пор, как Бауэр прибыл в Москву, к нему заходил только уполномоченный представитель ЦК, как это предполагает протокол, и какая-то блондинка. Он не слышал их разговора, потому что был занят с девочкой из гостиницы.

- Пойдемте отсюда, - сказал я. – У меня есть еще пара хороших идей. Если мы «застукаем» группировку «обманутых мужей», Елин окажется в непростом положении.

Мы направились к выходу, но какой-то «бог из машины» внезапно постучался в дверь моего усталого мозга.

- Парик, - сказал я и замер.

Все трое жалостливо на меня посмотрели.

- Женщина, которая заходила к Бауэру, - Мадлис. У нее есть белый парик, и, очевидно, она надела его, чтобы не быть узнанной. Она была в нем в тот день, когда мы пытались забрать мальчика в Парке Горького.

- Пойду, посмотрю, - сказала Лариса. – У тебя есть сто долларов?

Прошло еще пять бесконечных минут. Когда она вернулась, вид у нее был торжествующий. В руках она держала видеокассету. Она трясла ей перед нами, как революционным знаменем.

- Это на самом деле Мадлис. Я немного просмотрела запись и узнала ее. Давайте скорее. У нас нет времени. Кассету мне дали только на час. Повезло, что майор занят там с одной из девочек. Помогла, конечно, и моя слава «Мисс КГБ»...

Мы почти бегом выскочили из гостиницы. Уже у машины я подумал вслух:

- Нам нужно место, здесь рядом, чтобы там было два видеомагнитофона. Мы должны одновременно и смотреть, и переписывать. Поехали в мой бывший офис на Таганке.

- А новый корреспондент? – спросила Лариса.

- Плевать на него. Надеюсь, ты хорошо понимаешь немецкий...

Она утвердительно кивнула. На бешеной скорости мы поехали по кольцу. Когда, запыхавшиеся, мы ворвались в офис, Наташа смотрела на меня как на приведение. Из соседней комнаты появился взволнованный Холби.

- Что происходит? Что вам здесь надо?

- Тебя еще не предупредили из Нью-Йорка? Я снова возглавляю офис. С этого момента я буду тебе говорить, о чем писать. Думаю, тебе лучше заняться вооруженными столкновениями: Азербайджан, Таджикистан, Осетия. Сейчас же нам срочно необходимы четыре кофе и полная тишина.

Судя по всему, Холби страдал аллергией, потому что следы от юношеских прыщей тут же стали красными. Он развернулся и пошел в свою комнату. Было два часа дня, то есть шесть утра по нью-йоркскому времени. Ему пришлось бы подождать несколько часов, чтобы выразить Уайтсмиту свое неудовольствие по поводу моего назначения...

***

Краем глаза я видел, как Вебер с трудом сдерживается, чтобы не расхохотаться. В какой-то момент он не выдержал:

- Он разбудил беднягу Уайтсмита в семь утра.

Хардман ничего не понимал в сложных отношениях между журналистами.

- Давайте посмотрим и эту кассету. Заодно расскажете нам, что случилось.

***

Старик Бауэр был одет в разноцветную шелковую пижаму и сидел рядом с кроватью, за маленьким старинным бюро с резными изогнутыми ножками, заваленным кипами бумаг. Как я мог разглядеть на экране, производил он впечатление человека изнуренного и обессилевшего. Его белые волосы были взлохмачены, речь давалась с трудом. Перед ним, спиной к камере, стояла женщина. У нее были белые волосы, но осанка и ее пальто не оставляли никаких сомнений. Это была Мадлис. Бауэр говорил резко и строго. Лариса переводила:

- Что тебе здесь надо?

- Я... хочу поговорить об Эрике. Вы что-то пишете?

- Удалиться с исторической авансцены, не оставив своей оценки этим ошеломительным событиям. Это было бы недостойно. Я решил не дать сегодняшним победителям возможности закрыть мне рот, как когда-то не позволил этого гестапо. Я пишу, чтобы обличить контрреволюцию.

- Контрреволюцию... – механически повторила Мадлис.

- Только что у меня здесь был человек, посланный из ЦК. Они говорят, что им жаль, что события в Германской Демократической Республике приняли такой оборот. И что, если бы они смогли предвидеть что-то подобное, они бы предприняли меры... Я ему, Горбачеву, говорил во время нашей последней встречи: женить социализм с капитализмом – это как пытаться смешать огонь и воду. Он столько лет давил на меня, чтобы я провел реформы, но коммунизм, он как яйцо. Если попытаться изменить его форму - оно разобьется.

- Он еще левее меня, - не выдержал Джузеппе.

- Помолчи. Дай послушать.

- Знаешь, почему так произошло? – продолжал Бауэр.

Мадлис стояла, словно каменная, и молчала. Как человек перед лицом власти.

- Советская зависть. Мы столько сил приложили, чтобы сделать доступными для немцев достижения первого в мире социалистического государства. Мы воспитали целый народ, чтобы из врага Советского Союза он превратился в его друга. Но, поскольку сами они - лентяи и алкоголики, они не могли смириться с тем, что наши люди живут лучше. Знаешь, что сказал мне однажды Брежнев, прося у меня заем на потребительские нужды? «Советские люди тоже хотели бы жить на третьем этаже, как восточные немцы».

- Сейчас мы узнаем все из первых рук, - сказал потрясенный Джузеппе. – А я думал, что это СССР помогал другим странам.

Мы все, втроем, строго посмотрели на него. «Старик» с трудом поднялся со своего стула и прошелся по комнате, подойдя к скрытой камере. Я заметил, что лицо его сводит судорога, в уголке рта засохла слюна. Он даже не предлагал Мадлис сесть.

- Теперь меня обвиняют во всех ужасах, но скоро они поймут, что значит капитализм и безработица. Мы обеспечивали работой каждого, без дискриминации по возрасту и полу. Все имели право на образование, всем предоставлялось жилье. Говорят, что мы отставали от Западной Германии. Но что такое сорок лет в контексте Истории? У капитализма были сотни лет, чтобы развиваться. Мы столько жертв принесли, чтобы обеспечить всем лучшее будущее. Особенно молодежи и детям.

- Я хотела поговорить о ребенке, - воспользовалась моментом Мадлис.

Он как будто лишь в эту секунду осознал ее присутствие, прервал свой политический бред и тихо произнес.

- Давно мы об этом не говорили.

Мадлис утвердительно кивнула головой, не произнеся при этом ни слова.

- Эрик всегда был счастливым мальчиком. У него было все, - продолжал «старик».

- Ребенок не может быть счастлив вдали от своей матери...

- Его мать предала родину ради Советского Союза. Она была не достойна воспитывать моего внука.

- Мы не были виновата, ни я, ни Ева. Я уже говорила вам, мы никогда не сотрудничали с КГБ.

Бауэр бросил на нее негодующий взгляд и отошел к кровати. Сел на ее краю, слегка склонившись веред.

- Они ругают меня за Штази, - сказал он. – Но нельзя сделать революцию, не замарав руки.

Он снова поднялся с кровати и указал пальцем в сторону Мадлис:

- Тебя я послал работать с моими друзьями в советской компартии. Я говорил тебе, если бы ты была по-настоящему верна, как ты сама это утверждала, я дал бы тебе возможность видеться с сыном. Но ты опять меня предала. Ты никогда не разубедишь меня, что «Джульетта», которая организовала переворот, - это не ты.

- Это ложь. Я - не «Джульетта». Ею является одна из Первого управления КГБ. Ее зовут Лариса, ее даже выбрали «Мисс КГБ», чтобы замести следы.

- Путана, - не выдержал Джузеппе.

Я же виновато посмотрел на Ларису. На ее лице не дрогнул ни один мускул. Она продолжала переводить.

- Мне о ней говорили. Мы обнаружили, откуда был отправлен факс, в котором КГБ давал сигнал к началу операции, - настаивал «старик». – Это была шифровка. Речь там шла о режиссуре. Вся эта «культура». Это твоя манера.

Слово «культура» он произнес с пренебрежением. Очевидно, он разделял позицию Гебельса: если речь заходит о культуре, тут же стрелять. Затем он добавил:

- Факс был отправлен из офиса одного западного корреспондента. И я знаю, что ты путаешься с каким-то американцем.

- Но не с итальянцем. Факс был отправлен из офиса итальянского издания, «Коррьере делла Сера». Это их корреспондент путается с этой кагэбэшницей, о которой я говорю.

- А тебе зачем понадобился американский журналист... Они все – агенты ЦРУ.

Джузеппе изучающе посмотрел на меня. Я ответил негодующим взглядом, и тогда он кивнул мне, как бы извиняясь.

- Мой журналист совсем не в курсе дел. Он ничего в этом не понимает, - ответила Мадлис. – Да и не вместе мы больше.

Бауэр помолчал, а потом произнес:

- Все меня предали... Только увидели, что корабль накренился, и сбежали, как крысы.

- Я вас не предала, - сказала Мадлис. – Я могла обратиться в средства массовой информации, рассказать им свою историю. Мне это предлагали, но я не согласилась. Нам надо решить, что делать с Миллером. Эрик у него.

- Миллер... – с нервным смешком повторил Бауэр. – Он тоже сбежал... Ты должна была его контролировать... Я так и думал. Тебя недостаточно жестко допрашивали и поэтому не добились признания. Они испугались, потому что ты была моей невесткой.

- Кто угодно заговорил бы после такого допроса.

- Поэтому я назвал тебя «офицером на спецзадании». Потому что ты выдержала. Ты виновата в том, что Миллер творит, что хочет. Ты была его шефом.

- Что значит «офицер на спецзадании»? – шепотом спросил Джузеппе.

- Суперагент. Я потом тебе объясню.

Мадлис вернулась к теме Эрика.

- Миллер может нанести мальчику вред. Он убил одного русского, бывшего разведчика, который интересовался этим делом.

- Любимова, - хором сказали мы.

- Он ни перед чем не остановится. Его только деньги интересуют, - продолжала она.

Бауэр нервно ходил по комнате, сложив руки за спиной. Потом он остановился перед зеркалом и долго разглядывал свое отражение в полном молчании. Мадлис продолжала стоять, опустив голову.

- Я очень состарился, но я должен что-то оставить следующему поколению коммунистов. Я сделал ошибки в идеологическом воспитании членов партии и народа. Поэтому их все еще интересуют деньги. В этом моя ошибка. Мы не смогли создать нового человека. Мы проиграли в битве за души людей.

«Старик» выглядел изможденным.

- Сядь, - сказал он, указывая на кресло. Мадлис повиновалась. Сам он снова уселся за стол.

- Сколько он хочет?

- Пятьсот тысяч долларов.

«Старик» открыл ящик, достал таблетку и запил ее водой.

- Не верь тому, что пишут в печати. Тайной казны не существует. Как не существует и специального лифта в здании ЦК, ведущего в сокровищницу. Все, что я делал, я делал для Эрика. Постарайся увидеться с ним...

Он жестом подозвал ее, оглядываясь при этом по сторонам, как будто опасаясь, что его подслушивают. Старый волк боялся слежки. Мадлис подошла и встала перед ним, закрывая собой большую часть плана. Бауэр написал что-то на бумаге. Прочитать, что именно, мы не могли. Когда она это прочитала, он забрал лист и зашел в туалет. Послышался звук спускающейся воды, и вскоре Бауэр вернулся в комнату.

- Сделай все возможное, чтобы вернуть его, - сказал он слабым голосом. – Люди из тех, кто остался мне верен, работают в том же направлении.

- Может быть, мне надо с ними встретиться? – спросила Мадлис. –Если мы объединим наши силы, возможно, мы ускорим процесс.

- Я тебе не доверяю, - сухо ответил Бауэр. – Теперь иди...

Мадлис развернулась и открыла дверь. На экране была пустая комната, и на этом кассета закончилась.

***

Хардман остановил видео. Потом он повернулся ко мне и сказал.

- Нам нужна эта кассета.

- На ней есть неопубликованные исторические материалы. Я дам вам ее через несколько дней, после публикации.

- Хорошо, мы займемся этим потом, - ответил Хардман, убедившись, что Вебер со мной согласен. – Продолжайте...

***

- Тебя опять что-то не нравится? – спросил Джузеппе. – Мы столько всего узнали. Возлюбленная незадачливого журналиста была суперагентом Штази. Надеюсь, что теперь ты любишь ее еще больше...

- Я убедился в том, что врет она с большой легкостью. Как, например, про «Джульетту». Но я так и не узнал, она ли сдала меня КГБ.

- А ты настырный, - с улыбкой сказал Джузеппе. – А еще говорил что любовь и социализм не совместимы.

Я с раздражением посмотрел на него, но вмешалась Лариса:

- Кроме того, мы узнали, что Миллер никому не подчиняется и требует выкуп за мальчика. Но кто же тогда искал «Джульетту» в офисе Фабио? Кто пытался убрать меня?

- Должно быть, кто-то хотел найти «Джульетту», чтобы отомстить ей. Это были те же люди, что пытаются освободить мальчика по заказу «старика». Наверное, это та самая московская «субмарина».

- А что, в Москве и подводные лодки имеются? – в изумлении спросил Джузеппе.

Я постарался сосредоточиться.

- Кто-то, кто абсолютно предан ему. Мы не узнали, какая тайна связана с мальчиком. Любимов, перед смертью, сообщил мне, что ребенок – это ключ к разгадке.

Я на минуту остановился.

- Или он хотел сказать, что у мальчика есть ключ. Точно! У мальчика что-то есть. Бауэр спросил у Мадлис, сколько денег просит Миллер. Значит... Ну-ка поставь опять кассету!

- Нам надо вернуть ее, - с тревогой в голосе сказала Лариса. – Время идет.

Я быстро нашел нужный момент. «Старик» говорил:

- Не верь тому, что пишут в печати. Тайной казны не существует. Как не существует и специального лифта в здании ЦК, ведущего в сокровищницу. Все, что я делал, я делал для Эрика. Постарайся увидеться с ним...

Потом он написал что-то, что мы не смогли разглядеть.

- У мальчика, судя по всему, есть номер счета или что-то вроде того, - подвел я итог. – Видимо, об этом хотел сказать Любимов перед смертью.

Маша добавила с характерной для женщины сообразительностью:

- Номер счета с полмиллиона долларов...

- Надо найти Эрика, - решительно сказал я. – Он – ключ к разгадке.

***

Случай Джузеппе напомнил мне один советский анекдот: «В Америке возможно все. Здесь – нет ничего невозможного». Если даже этот пуританин, сицилийский коммунист, завел роман с сотрудницей Иностранного отдела ЦК, в Советском Союзе возможно все.

После удачного завершения операции «Октябрьская», девушки пошли отдохнуть. Нас ожидала сложная ночь: операция «обманутые мужья». Нас беспокоила судьба Ларисы, и поэтому я предложил ей одно достаточно безопасное место, где бы она могла провести остаток дня, - ее кабинет в здании КГБ на Лубянке.

Смеркалось. Я припарковался неподалеку площади Дзержинского, в переулке рядом со Старой площадью, и ждал Джузеппе, который поднялся в здание ЦК, чтобы увидеться со своей дамой сердца.

Повод для встречи был не только романтический. Сотрудница ЦК обнаружила на одном этажей здания, где она работала, целую фабрику по перевоплощению и изготовлению фальшивых документов. Кое-что из этого арсенала нам было крайне необходимо. Комната находилась за дверью с кодовым замком. Немногие из сотрудников знали эту тайну. Большинство было уверено, что там хранятся секретные архивы с материалами и документами международного коммунистического движения. Доступ туда имел лишь вечно живой уполномоченный Политбюро по международным отношениям Борис Пономарев и его преемники. Алла, возлюбленная Джузеппе, случайно обнаружила этот отдел, когда нашла забытый кем-то на столе листок бумаги с написанным на нем кодом. Партийная машина давала сбои.

Мы решили наведаться в здание ЦК в шесть часов вечера, поскольку в этот час и, к тому же, в пятницу, сотрудники Центрального комитета уже разъезжались обычно по своим дачам. Джузеппе захватил с собой мою фотографию паспортного типа. Он должен был сделать мне фальшивое удостоверение сотрудника УПДК - службы, которая занималась иностранцами и смотрела за зданиями дипслужб. С этим документом я собирался на следующий день пройти на территорию посольства ГДР, чтобы забрать Эрика.

Еще издали я заметил возвращающегося к нам Джузеппе, но, поскольку лицо его никогда не переставало светиться оптимизмом, я никак не мог разобрать, удалось ли ему осуществить наш план или же просто речь шла о его привычном состоянии идеологического «здоровья». Он сел в машину и сразу перешел к делу.

- Все получилось. Мы сделали документы. Но видел бы ты, что там творится...

- Только не говори, что вы занимались любовью в святая святых ЦК...

- У тебя только одно на уме. А потом – бегай, разбирайся. У них есть все: печати всех аэропортов мира, паспорта практически всех стран, поддельные документы, все необходимое для перевоплощения: усы, мужские и женские парики.

- Ты взял парик для Ларисы?

- Разумеется... А знаешь, что я еще нашел? Там есть большой архив с фотографиями руководителей всех коммунистических партий в «минуты отдыха». Я стольких успел увидеть, и не представляешь даже в каком виде... Увидеть в таком состоянии Рауля Кастро, брата Фиделя. Глазам своим невозможно поверить.

- Будущее партии обеспечено, Джузеппе. Имея в руках все эти фотографии и видеокассеты, можно открыть лучший в мире секс-шоп. Добавить туда лишь наручники и немного цепей.

- Цепи? Я их там не видел...

- Этого добра везде навалом.

За последние дни он получил столько впечатлений, что уже не мог ни на что реагировать...

***

До ночной операции оставалось несколько часов, и я попытался разобраться в последнем вопросе, касающемся лично меня. Я оставил Джузеппе в больнице, зашел в «Березку», валютный супермаркет на Большой Дорогомиловской, и поехал к своим друзьям, дежурным на входе в «гетто», нагруженный двумя ящиками водки. Как алкоголический Дед Мороз. На этот раз мне не пришлось излагать свою просьбу. Они получили подарки и отвели меня прямиком на подземную «фабрику по прослушиванию». Человек неприятной наружности был на своем месте и, увидев меня, с пониманием кивнул головой. Взгляд его был устремлен немного выше моей головы. Наверно, его фантазия рисовала на этом месте огромные ветвящиеся рога.

Я попросил записи с того дня, когда спецслужбы устроили на меня охоту. Что-то подсказывало мне, что Мадлис говорила с Елином, и я не ошибся. Это было незадолго до того, как Елин выпустил меня на свободу. Мадлис говорила очень нервно:

- Мы же договорились, что ты оставишь его в покое.

- Но «Купидон» притащил сюда ядерные материалы...

Уже тогда мне было присвоена эта кличка.

- А что, ты думал, он повезет из военного городка? Воздушных змеев? Ты обещал мне, что, если я расскажу тебе, зачем он поехал в Москву-400, ты пальцем его не тронешь. Если хочешь, возьми «Пионера»...

- Знаешь, какое мне дело до этого «Пионера». Даннахера не люблю, потому что он спит с тобой. Я тебе еще тогда сказал, когда видел вас на Патриарших, что тебе следует расстаться с ним.

Мадлис не отвечала.

- Он тебе все еще нужен?

- Но, Олег, между нами все кончено...

- Наша история очень длинная. Она так просто не закончится. Мы созданы друг для друга, Мадлис.

Тон ее стал насмешливым и грустным:

- Мы созданы, чтобы шпионить. Только это умеем делать. Я тебе говорила, что это берлинское дело – моя последняя операция.

- Но только ты ее провалила. Бегала со своим ребенком. Забрала его, уехала, а Берлинская стена тем временем обрушилась.

- Я не виновата, что Бауэр вырастил поколение бездарных людей. Я рекомендовала им решить вопрос с зарубежными поездками, а не рушить Стену. Но это и к лучшему, что она пала. Все равно, рано или поздно это бы произошло...

- Только это произошло на моем веку, а я и понятия не имел. Если бы не поддержка моих людей в Политбюро, Горбачев в порошок бы меня стер.

Он сделал паузу.

- Я хочу тебя увидеть.

Мадлис, казалось, сомневалась.

- Я даже прикоснуться к тебе не могу. Мне противно от тебя, от себя. Я хочу начать жить нормальной жизнью.

- Вместе с «Купидоном»? Тут жена его за ним приехала. Она здесь, за дверью... Я помог тебе сбросить «старика» и получить обратно Эрика. Жить будем все вместе.

- У меня снова его забрали.

- Потому что ты доверила его этому чудаку.

Вместо того, чтобы защитить меня, Мадлис промолчала. Затем она сказала:

- Забери мальчика. Потом посмотрим.

- Это все этот шарлатан, Миллер. Ты знаешь, он больше никому не подчиняется. Делает то, что ему в голову взбредет. Частное предпринимательство какое-то...

- Дай мне денег, я передам ему.

- Ты с ума сошла? Полмиллиона долларов?

- Тогда, организуй похищение. Ты же возглавляешь КГБ.

- Я попробую, если ты расстанешься с «Купидоном».

Последовало несколько секунд тишины. Потом Елин добавил:

- Максимум, потребуется, чтобы ты еще пару дней у него пожила. Я предложил ему сотрудничество. Мне надо, чтобы ты выяснила, что он думает.

- Если я его спрошу, он догадается.

- Сама знаешь, как это сделать, сама мне говорила. Почитай его роман. Я все думаю, где же он силы находит на свое творчество посреди всего этого бардака. Одно точно: что с ним в жизни происходит, то он и пишет. Я дал ему его компьютер и потом забрал его снова, чтобы посмотреть, что он там написал. Он не исключил возможности сотрудничества...

- Ты его тоже хочешь втянуть в это сумасшествие, в котором мы живем столько лет?

- Если я начну его контролировать, я прикажу ему расстаться с тобой. И я не хочу, чтобы ты с ним встречалась.

- Я согласна, но при одном условии: ты его выпустишь.

- Я его отпущу сейчас, и когда он придет домой, как побитая собака, ты скажешь ему, что между вами все кончено. Чтобы он собрал свои вещи и проваливал из Москвы как можно быстрее. Оставь его, у него нет будущего.

- Хорошо. Но мне нужен Эрик...

- Я посмотрю, что я могу сделать. Пошли мне поцелуй!

Сотрудник с неприятной внешностью имел мягкое сердце. Увидев меня в остолбеневшем состоянии, он дружески похлопал меня по спине.

- Да ладно, товарищ! Такое со всеми случается...

***

Больше, чем ожидалось, времени потребовалось нам, чтобы убедить итальянца сыграть роль знойного любовника. Наконец, Джузеппе согласился надеть модный

полосатый костюм, побриться и ворваться, как подобает настоящим «аллорцам», в «Солярис» в поисках Кати из Ташкента. Узнать он ее должен был следующим образом: ровно в половину двенадцатого Маша подошла бы к ней и попросила сигарету.

Все шло по плану. Вскоре Джузеппе подошел к Кате и начал беседу. Около часа ночи Катя пригласила его к себе домой, и Джузеппе с радостью согласился. Расценка была обычная – двести долларов.

С половины первого мы сидели в двух машинах перед входом на дискотеку. Нас было восемь человек: Лариса, непутевый журналист, то есть я, и шесть милиционеров из отдела нравов. Эта служба появилась вследствие неоднократных жалоб депутатов Верховного Совета на постепенное погружение страны в разврат. На одном из заседаний сам Горбачев взял слово и объявил о создании этого нового отдела, а также комиссии по борьбе с распространением порнографии, которая должна была принимать решения о срочных мерах по борьбе с порнографией, видеофильмами эротического содержания и псевдомедицинской информацией. Генеральный секретарь партии определил, что эта же комиссия должна была решать, что является порнографией, а что – искусством.

Имея за плечами такую длинную историю запретов, работать комиссии предстояло в поте лица. Роман Набокова «Лолита» только что появился в продаже после многолетнего запрета. Вышла в свет книга Виктора Ерофеева «Русская красавица». Она начинается с подробного описания женских гениталий, а дальше описывается жизнь проститутки, которая проводит целый день в постели, принимая мужчин и женщин. Во всех кинофильмах последних лет присутствовала хотя бы одна эротическая сцена. Эту мода появилась благодаря вышедшему за пару лет до того фильму «Маленькая Вера». Фильм вызвал бурное обсуждение в стране, при этом он не был ни порнографическим, ни даже смелым по западным меркам. Просто в нем нарушались табу. Ходили слухи, что сам Горбачев вышел из зала на середине просмотра, несмотря на «новаторский» характер фильма. Наверное, это потому, что советские руководители располагали лучшими материалами в своих личных коллекциях: записями «развлечений» товарищей из интернационального движения, снятыми на сотни скрытых камер в гостиницах и санаториях страны.

Миссия сотрудников «отдела нравов» была еще труднее. В их обязанности входило также обнаружение личностей, которые сознательно распространяют венерические заболевания и СПИД. У человека, который руководил сопровождавшей нас в тот вечер опергруппой, было изрытое оспой, неприятное лицо. Он не смог объяснить нам, по каким признаками они определяют подозрительных лиц, однако признал, что их миссия не имела прецедентов и что все члены их группы затруднялись выполнять поставленную задачу, даже прослушав специальные семинары о венерических заболеваниях и использовании презервативов. Не имея ясной картины стоящего перед ними задания, отдел обладал неограниченными полномочиями. Они могли задерживать без объяснений и постановлений прокуратуры даже представителей власти и спецподразделений спецслужб, которые были вовлечены в противоречащую нормам морали деятельность, включая агентов КГБ. Советский режим пытался взять под контроль явление, которое постепенно выходило за все рамки и, похоже, находилось уже вне всякого контроля.

Чтобы было невозможно догадаться о том, что наша настоящая цель – кагэбэшная сеть «рогоносцев», мы попросили начать нашу операцию в восемь вечера с экскурсии по злачным местам города, под руководством этой самой новой службы. Я внимательно записывал, а Лариса, в позаимствованном в ЦК парике, изображала переводчицу. Первое дело, на котором нам довелось поприсутствовать, было задержание продавцов дешевой печатной продукции и игральных карт с обнаженными женщинами в подземном переходе на Арбате. На Западе подобную печатную продукцию можно приобрести в киосках на улице, но в Москве эта нелегальная торговля проходила в обстановке ажиотажа. Все эти издание были опубликованы под тем или иным «научным» или «медицинским» предлогом. В одном говорилось о расписывании тела и татуаже интимных частей тела. В другом - описывались двадцать девять сексуальных поз, которые тренируют мышцы и способствуют потере веса. Если бы секс действительно помогал терять килограммы, человечество не вылезало бы из постели, а Фабио – как же там поживает бедняга Фабио? – превратился бы в полного доходягу. Некоторые издания представляли собой низкокачественные копии фотографий из «Плейбоя» и «Пентхауза». Что-то наподобие самиздата, диссидентских самопальных изданий, но на тему секса.

Нелегальный кинотеатр, куда мы отправились затем, был куда более «продвинутый». Мы зашли в обычный двор, по середине которого стояли деревянные качели для местной детворы. В углу двора находилось маленькое заведение с ржавой табличкой «Кодак». Очередь на вход напомнила мне очередь за алкоголем, и поэтому я поначалу решил, что сотрудники отдела решили взять несколько бутылок, чтобы легче было коротать ночь. Заведение представляло собой небольшую комнатку с облупленным потолком, заполненную деревянными стульями. У одной из стен был установлен обычный телевизор, подключенный к видеомагнитофону. Когда мы вошли внутрь, прикинувшись изголодавшимися по сексу клиентами, там показывали «Джульет», легкое немецкое порно 70-х годов: компания друзей непрерывно ест и совокупляется в каком-то загородном доме.

Импортная видеопродукция демонстрировались в СССР без титров и актерского дубляжа. Один единственный мужской голос гнусаво зачитывал перевод. В данном случае пара женщин перекидывалась фразами во время лесбийского секса, говоря при этом мужским голосом. Я с трудом сдерживал смех. В комнатке было холодно, но у большинства зрителей верхняя одежда лежала на коленях. Пока сотрудники отдела почему-то медлили, видимо, чтобы убедиться, что на экране действительно разворачивается что-то незаконное, мне не удалось услышать ни одного необычного звука. Только раз какой-то солдат на последнем ряду шумно вздохнул при виде «Мерседеса» главного героя...

***

- Кто из вас хочет достичь оргазма?

- Я! Я! – раздались двадцать экстатичных женских голосов.

Путешествие с «отделом нравов» привело нас на семинар Бориса Золотова, Этот человек околдовал Советский Союз. Мы встретились с ним в помещении огромного склада, которое когда-то использовалось в качестве оригинального

комсомольского танцпола, рядом со стадионом «Динамо». На стенах все еще висели красные бархатные стяги с портретами Ленина и дырявое знамя Комсомола. Пол зала, превышавшего по размеру площадку для баскетбола, был устлан белыми подстилками и одеялами. Это была самая большая кровать в мировой истории изготовления мебели. Море женских тел, одетых в юбки и разноцветные блузки с коротким рукавом, волновалось под звуки американского соула. Пахло женским потом вперемежку с пылью.

- А теперь танцуйте со мной! Сконцентрируйтесь на мне! – кричал великий гуру советского секса. Это был высокий худой мужчина с фигурой танцовщика, светлыми волосами и голубыми глазами. Он стоял за небольшой деревянной трибуной, с которой обычно на мероприятиях выступали ораторы. Одет он был в синие джинсы с подтяжками и белую футболку. Потом он начал двигать руками, как дирижер оркестра, строя при этом гримасы самоконцентрации.

Большинство печатных изданий потратило тонны чернил на «феномен Золотова». Это «Золото» разбило советское общество на два лагеря. Его горячие последователи впадали в истерику и следовали за ним во все концы Советского Союза. Но более консервативно настроенные граждане требовали выдачи его головы. Исследования общественного мнения показывали, что половина населения желала видеть его повешенными на Красной площади, другая же половина хотела, чтобы массовое производство оргазмов шло без остановок. Газета «Правда» называла его «сексуальным маньяком», однако существовало мнение, что именно из-за этих заявлений продажи газеты резко сократились. Коммунистическая партия считала Золотова символом расцвета аморальности, профсоюзные организации и женские сообщества требовали ареста его последователей и распространителей его изданий. В опубликованном газетой «Известия» письме матери пятнадцатилетнего подростка из Ленинграда выражался протест против показа Золотова по телевизору, потому что одна из таких передач довела ее сына до занятия онанизмом. Русская православная церковь поначалу обвиняла его в сотрудничестве с Дьяволом и в резком увеличении числа разводов, но резкий протест большого числа верующих вынудил ее занять более нейтральную позицию. Служители культа уже давно доказали свое умение приспосабливаться к любым обстоятельствам.

- Я учу мужчин, - кричал Золотов толпе, - мое знание переходит от мужчины к мужчине! Секрет один! Мужчины должны осознать, что их миссия – делать женщин счастливыми!

Музыка внезапно стала громче, женщины взялись за руки, образовав круг, и начали подпрыгивать в явно экстатическом состоянии. Золотов сошел с трибуны и начал плясать вместе с ними, ласкать их и целовать.

Я искоса посмотрел на Ларису. Она, казалось, находилась под большим впечатлением от происходящего. Поняв, что я на нее смотрю, она сказала:

- О Золотове говорят всякое, но успех его основан на том внимании и той нежности, которые он оказывает женщинам. Не забывай, что нас больше, чем мужчин. После гражданской войны и репрессий, в 1930-х годах, нас было на пять миллионов больше. После Второй мировой войны – на двадцать пять миллионов. И даже в наши дни женщины живут на двенадцать лет больше, чем мужчины. Те

раньше умирают. Чаще всего из-за пьянства. Вот так и вышло, что мы охотимся за мужчинами...

- Мечта любого мужчины.

- Но только не советского. Они не могут. На них оказывается такое давление Их так мурыжат, чтобы добиться их подчинения, чтобы они вступали в партию, чтобы продвигались по службе.

Она оглянулась вокруг, как будто желая убедиться, что нас не подслушивают.

- В последнее время я работала в архиве, где хранится самиздат, нелегальные печатные издания семидесятых годов. Знаешь, что я обнаружила?

- Со всем тем, что происходит в последние дни, моя фантазия давно исчерпала свои ресурсы.

- Нелегальные женские издания, где в трагическом свете описывается положение женщины в СССР. Они пишут о массовых абортах без анестезии, о детских садах, где воруют предназначенные детям продукты, о пятирублевой надбавке на внебрачных детей. В одной из публикаций было написано, что из-за коммунистической системы воспитания мужчина остается ребенком в течение всей своей жизни. Как может, пишут они, человек обрести внутреннюю свободу, когда единственное, что дается ему с детства, - это дисциплина? Дома ему говорят: «Аккуратно! Не трогай! Не делай!». В детском саду: «Встань! Возьми за руку соседа! Почему отстаешь от других детей?». В школе: «Не фантазируй! В классе – слушай то, что тебе говорят старшие!». В институте: «Ты думаешь, ты умнее других? Не задавай глупых вопросов!». В жизни: «Не делай этого! Этого запрещено!». Так они мстят нам за все унижения, которым подверглись сами. Теперь тебе понятно, почему я люблю Фабио?

***

Человек с оспинами, возглавлявший опергруппу отдела нравов, совершил роковую ошибку в тот момент, когда около пятидесяти женщин лежали на «кровати» с раскинутыми ногами и закрытыми глазами. Некоторые из них громко стонали, как будто человек-приведение довел их до оргазма. Он прошел среди женщин, которые не обращали на него никакого внимания, рискуя потерять равновесие, перебрался через «кровать» и в итоге добрался до трибуны. Поднявшись за нее, он начал громко хлопать в ладоши, чтобы добиться тишины. Стоны и музыка умолкли, и в зале воцарилась тишина. Тогда он громко произнес:

- «Служба по борьбе за чистоту нравов». Это собрание незаконно. Товарищ Золотов арестован.

Это было, безусловно, историческое восстание. Лежавшие женщины вскочили и вместе с другими дамами, которые были более агрессивны, очевидно, потому что не были еще удовлетворены, бросились в его сторону с криками, создавая невероятную суматоху. Мы стояли у стены, но взъярившееся море женских тел увлекло нас за собой, и мне тоже пришлось передвигаться по «кровати» сладострастия. Некоторые из женщин рыдали, другие кричали в сторону представителя органов: «У меня множественные оргазмы! Я его люблю! Если вы

его арестуете, я покончу с собой!». «У меня никогда не было оргазмов, но уже восемь недель я хожу на его семинары. И мне с каждым днем лучше!». «Он развивает мою творческую энергию. Я рисую и пишу стихи!». «Лучше с ним, чем с мужем!». «Мы с мужем излечились. До этого мы были импотентами!».

Женщины угрожающе близко подобрались к трибуне, и тут я заметил, что милиционер крайне перепугался. Он замахал руками, призывая к спокойствию, и прокричал:

- Хорошо, хорошо! Можете продолжать!

Некоторые из женщин действительно успокоились, другие же продолжали жестикулировать и кричать. Тех, которых прервали незадолго до достижения цели, били руками по деревянной трибуне, а одна даже бросила в милиционера свой сапог. Через минуту несчастный защитник морали оказался под градом сапог и туфель. Остальные представители власти стояли, боясь шелохнуться. На их специальных семинарах даже не подумали рассказать им, что делать с женщинами во время массового оргазма. К счастью, в какой-то момент Золотов сам взобрался на трибуну и дождь из обуви прекратился. Последний летящий ботинок нечаянно приземлился на голову коренастого мужчины, лет пятидесяти, с желтой бабочкой на шее, который стоял рядом с Золотовым. Тот поднял руки вверх, чем добился абсолютной тишины во всем зале.

- Давайте не будем уделять данному эпизоду больше внимания, чем он того заслуживает. Семинары на тему «золотой дороги» будут продолжаться, а теперь передаю слово лучшему советскому сексологу – профессору Игорю Канту.

Кто-то нерешительно захлопал. Толстячок поправил свои очки и бабочку.

- То, что случилось только что, - не случайно. Нам повезло оказаться самой отсталой в мире страной в области секса. С начала двадцатых годов партия пыталась искоренить наши половые инстинкты. Нас поселили в крохотные дома, нас лишили уединения. Нам запретили целоваться и гулять под ручку по улице. Неусыпный глаз партии следил за нами повсюду... Конечно, мы все помним строки из песни знаменитого поэта и музыканта Александра Галича под названием «Товарищ Парамонова». Два взрослых человека работают вместе и влюбляются друг в друга, но за это их призывают к ответу перед лицом партийной организации, председателем которой является жена героя. Сколькие влюбленные были вынуждены расстаться по указанию партии? Нам запрещали читать роман Джорджа Оруэлла «1984». Потому что там говорилось о тоталитарном обществе, в котором была запрещена любовь. Потому что, как и у Оруэлла, и в нашем обществе в каждой партийной организации, на каждом рабочем месте существовало Министерство Любви. В том, как развивались отношения между двумя полами, отражается путь Революции...

- У, у! – закричали женщины. – Долой Революцию!

- В первые годы после Революции было иначе. Существовала сексуальная свобода, мужчины и женщины купались вместе в реке, в пределах Москвы, здесь неподалеку. Но сталинская эпоха изменила все. Добрачные и внебрачные связи стали считаться чуть ли не преступными. Знаете, почему? Потому что пуританство – составная часть коммунистической идеологии. Это часть системы тюрем и лагерей. Если ты свободен в любви, ты свободен во всем. У тебя есть сфера жизни, где ты можешь чувствовать себя свободным. Это постель.

- Да! Да! – закричали все женщины, подпрыгивая от радости. – В своей постели...

- Но в тоталитарных режимах государство контролирует все сферы жизни. Труд, дом, искусство, философию, секс и любовь. Так был создан «гомо советикус». Молодой человек в нашей стране не имеет возможности повести свою девушку в ресторан или куда-то поехать с ней. У него нет денег даже доехать до дома на такси. Его научили, что секс – продукт развращенного Запада. Те из нас, кому было дозволено выезжать за рубеж, имели право посещать только определенные места. В Париже мы должны были посетить кладбище, где похоронены герои Коммуны, квартиру Ленина на улице Мари Роз и площадь Пигаль, где собираются проститутки, чтобы своими глазами убедиться в безнравственности основ старого мира.

»Советский гражданин за рубежом виден за три километра. По своим манерам, по одежде, по походке. «Хомо советикус» - несчастное, несвободное существо, но его главная отличительная черта – задержка сексуального развития. И не только ваши мужья в этом виноваты. Прежде всего, виновата сама система. Несколько месяцев назад я был в Соединенных Штатах, на конференции. Там я общался с одним сексологом, большую часть клиентуры которого составляют эмигранты из СССР. Он сказал, что они вообще никакого представления не имеют о сексе. Он даже поначалу думал, что над ним издеваются. В этой стране мы знаем все об американских военных базах, но ничего не знаем о своей сексуальности. Потому что еще два года назад Фрейд был запрещен. Я первым заговорил о точке G в своей новой книге. Там я подробно объясняю, как вы можете ее обнаружить.

- Скажи нам, как ее найти? – закричали женщины.

- Что такое точка G? – спросила Лариса.

- Я не могу тебе сейчас объяснить. Подожди, пока выздоровеет Фабио.

Профессор прокашлялся.

- При Горбачеве, в первые годы его власти, ситуация немного улучшилась. В 1985, когда он стал Генеральным Секретарем, было направлено в суд 301 дело по статье 228 Уголовного кодекса. Это статья о порнографии. В 1989 – только 30. Но сегодня консерваторы оказывают все большее давление на Кремль. Они жаждут возврата к ценностям прошлого. Правые используют порнографию, чтобы бороться с «перестройкой». Этот новый милицейский отдел, который сегодня так грубо прервал нашу прекрасную встречу, - это уловка Горбачева, чтобы привлечь на свою сторону сторонников из консерваторского лагеря.

- Собирай этих необласканных. Пойдем отсюда, - сказал я Ларисе. – Еще одно подобное приключение, и наши планы на сегодня можно считать провалившимися...

***

- Товарищи! Освободительное движение и Союз гомосексуалистов и лесбиянок поддерживают вас в вашей правой борьбе!

Мы уже практически добрались до выхода из этой первой мастерской по производству оргазмов, которую мне довелось увидеть в своей жизни, когда

послышался громкий, почти визгливый голос, а затем – горячие аплодисменты. На трибуну поднялся молодой человек лет двадцати пяти. Он был одет как солист хеви-метал группы, в черной кофте и узких джинсах. В правом ухе у него висела серьга, что нечасто можно было увидеть в Советском Союзе. Говорил он сильно жестикулируя своими костлявыми руками.

- А это кто? – спросила Лариса.

- Калинин. Ты никогда о нем не слышала?

Я читал о Романе Калинине недавно, когда газета «Правда» прославила его своим пасквилем под названием «Розовые и политический оргазм». Калинин имел смелость представить себя как предводителя гомосексуалистов. Он заявил, что, если разрешат свободные выборы, он выдвинет свою кандидатуру на пост президента Советского Союза. Остальные коммунистические газеты писали, что он хочет взять власть в свои руки, чтобы лишить всех членов Коммунистической партии работы и узаконить некрофилию.

- На нашем собрании, которое состоялось на прошлой неделе в одном из московских лесопарков, присутствовало двести человек со всего Советского Союза. Мы решили бороться с преследованием гомосексуалистов, лесбиянок и женщин, - говорил Калинин. – Сегодня гомосексуализм карается пятью годами лишения свободы или принудительными работами. Многие наши товарищи заживо гниют в тюрьмах. И когда мы говорим о советских тюрьмах, мы имеем в виду ежедневное насилие.

»ТАСС сообщает о том, что в СССР в настоящий момент живут сотни тысяч гомосексуалистов. Но это смешно! Исследования показывают, что десять процентов населения имеет гомосексуальную ориентацию. А это значит, что нас двадцать пять миллионов! Число людей, подвергшихся гонениям за свою ориентацию, достигает пяти – десяти миллионов. Но, к счастью, они не смогли вычислить всех нас...

Женская аудитория с энтузиазмом аплодировала.

- У нас у власти стоят самые неэротичные мужчины в мире. Когда я вижу Елина по телевизору, у меня пропадает всякое желание. Ельцин и наш премьер Павлов – примеры сексуальной неудовлетворенности. К тому же Павлов уже навязал обществу свои подсознательные желания: он всех нас отымел, и, особенно, женщин, подняв цены. Я думаю, что если бы Горбачев был бы более свободным человеком, дела обстояли бы несравнимо лучше. Недавно я официально заявил, что мы с ним никогда не занимались любовью. И до меня дошли слухи, что, когда Горбачев услышал мои слова, он крайне расстроился. Я не могу понять, почему...

Кто-то из слушательниц засмеялся, кто-то засвистел.

- Законодательство нашей страны отстает от законодательств самых отсталых мусульманских стран, - продолжал Калинин. Он сильно превосходил своими ораторскими способностями членов Политбюро с их деревянными языками. – В школах отсутствует сексуальное воспитание. Никто не занимается проблемой СПИДа, потому что никто в стране не хочет говорить о сексе, даже о безопасном. Мы уже начали нашу кампанию под девизом: «Дайте презервативы людям, потому что они защищают от всех болезней – и от СПИДа, и от сифилиса, и от коммунизма». Я приглашаю вас на следующей неделе на раздачу презервативов

на Красной площади под лозунгом: «Одна подводная лодка стоит столько же, сколько пять миллионов презервативов»!

»Если кто-то из вас не знает, по профессии я – инженер. Я работал шахтером в Сибири. Но меня уволили, потому что я – гомосексуалист. Меня обвинили в том, что я - наркоман и некрофил. После этих публикаций мой телефон разрывался от звонков некрофилов, желавших выразить мне свою поддержку.

Он сделал паузу и оценивал реакцию публики.

- Но, после гомосексуалистов и лесбиянок, следующая несправедливо обделенная группа советского общества – женщины. Считается, что у нас женщины имеют такие же права, как и мужчины. Но никогда женщине не удавалось занять пост Генерального секретаря партии. В капиталистической Великобритании на посту премьер-министра уже много лет находится Маргарет Тетчер.

У Маргарет всегда было много поклонников в Советском Союзе. При упоминании ее имени аудитория сильно оживилась.

- Наш идеал – древняя Греция. Гомосексуализм там был узаконен, а женщины впервые в истории получили равные с мужчинами права. В древней Греции существовала демократия, и поэтому женщины вышли из своих домов и занялись общественными вопросами. Любовь была обретена в Афинах, а это говорит о том, что ни любовь, ни демократия не могут существовать без свободы женщин.

- Браво! Браво! – кричали женщины. Лариса посмотрела на меня, пытаясь угадать мои мысли. Калинин, довольный, ждал, пока толпа утихомирится.

- Наш девиз: Россией, наконец-то, должна править женщина. У будущей советской президентши будут очень симпатичные охранники, а не такие монстры, как у Горбачева. Половину Совета министров должны составлять женщины. «Вперед, к правительству, подобающему стране сумасшедших» - стране простаков. Помните, Буратино в Стране дураков сажал золотые монеты, чтобы вырастить дерево с золотом вместо листьев? Мы уже много лет занимаемся ровно тем же. Сажаем монеты, а потом ждем. Я обещаю вам, что, если меня изберут, я сделаю операцию по изменению пола и стану женщиной.

В зале стоял такой шум, что мне пришлось кричать Ларисе, чтобы она услышала:

- Ты будешь голосовать за Калинина, если будут выборы?

***

Холодок пробежал по моей спине, когда мы проезжали мимо штаба КГБ по пути к ресторану «У камина». Неутомимый «бригадир» отдела нравов уверял нас, что в этом ресторане мы можем стать свидетелями самого смелого зрелища в Москве. В основном помещении ресторана стояли три больших стола рядом со сценой, и еще несколько отдельных столов в глубине зала. Посетители представляли собой лучшую массовку, которую мог бы найти режиссер четвертой серии «Крестного отца».

Мы сели за стол вместе с Ларисой, «бригадиром» и несколькими его людьми. Официантка с обнаженной грудью, у которой я заказал бутылку шампанского, чтобы угостить своих друзей, ответила мне: «I love you baby». Обслуживая нас, она все время повторяла эту фразу. Я даже начал думать, что или она без ума влюбилась в меня, или она думает, что эта фраза означает «приятного аппетита».

Программа началась с выступления фокусника. Он подошел к нашему столу. Было бы очень смешно, если бы ему удалось снять нижнее белье с «бригадира», но он довольствовался лишь извлечением кролика из его шапки. Атмосфера начала накаляться, когда на сцене появились две абсолютно обнаженные танцовщицы. Дальше следовал номер, во время которого девушка в стрингах крутила попой перед физиономией «бригадира». В полумраке он был похож на маркиза де Сада. Я хотел было показать Ларисе, где, примерно, находится точка G, но не встретил понимания. Две девушки, которые танцевали до этого, вышли вновь, уже в костюмах монахинь, и, раздевшись, начали изображать лесбийскую любовь. Потом появилась вторая, уже без стрингов, и начала мастурбировать под звуки «Nothing compares to you» Шинед О'Коннор. «Бригадира» совсем разморило. Ему даже в голову не пришло арестовывать девушку со сцены. Впрочем, в тот вечер его ожидало еще много арестов...

***

Джузеппе и Катя сели в такси, за которым следовала весьма странная процессия: «обманутые мужья» на одной машине и мы с «бригадой» из отдела нравов на двух. Как мы и ожидали, они направились в сторону дома Кати, туда, где меня когда-то взяли «с поличным». Вскоре к подъезду направились «обманутый муж», размахивающий пустым чемоданом, и его сообщник. Мы приблизились бесшумно. Лариса, руководитель опергруппы с помощником и я. В руках я держал свою любимую видеокамеру. Остальные шли следом. Мы подождали еще минуту и поднялись наверх. Из квартиры раздавались голоса.

Три представителя власти, уже разгорячившиеся на предыдущих мероприятиях, навалились на дверь. Дверь тотчас же распахнулась, и мы ввалились в квартиру. Двое на всякий случай остались снаружи. Милиционеры достали оружие и прокричали еще от дверей: «Руки за голову! Служба по борьбе за чистоту нравов!». В такой позе, с поднятыми вверх руками, «обманутый муж» показался мне действительно рогатым. Катя дорожала. Джузеппе, прикрывавшийся поначалу каким-то женским журналом, быстро натянул свою одежду. «Обманутый муж» заговорил, когда свет от камеры направился в его лицо.

- Бросьте глупости! Мы из Комитета государственной безопасности.

- А я – Ричард Львиное сердце, - ответил руководитель опергруппы.

- Вы пожалеете, - угрожающе произнес «рогоносец». – Скажи этому придурку, пусть перестанет снимать. Я могу опустить руки? Я покажу свои документы.

Руководитель опергруппы задумался, но тут во время вступилась Лариса. Только в этот момент я понял, что она была при оружии. Одной рукой она вытащила пистолет, а другой – удостоверение из своего кармана и крикнула:

- Он врет. Я из КГБ.

Она положила свое удостоверение обратно в карман и сняла парик.

- «Мисс КГБ»! – произнес пораженный «бригадир».

- Я тоже из КГБ, - настаивал «обманутый муж».

- Да, только ты не «Мисс», - вмешался Джузеппе, который уже оделся и захотел вступиться за честь своей будущей невестки.

- Он такой идиот, что ему приходится повторять, - прошептал я, не отрывая глаза от камеры.

- А девушка тоже из КГБ? – спросил руководитель опергруппы.

- Нет. Это моя сестра.

- А что вы здесь делаете?

- Мы на операции.

- Ты и сестер берешь с собой на операцию? – спросила Лариса. – Следовало бы знать, что это строжайше запрещено.

- Она помогла мне вывести на чистую воду преступные элементы.

Ничего хуже сказать было нельзя, так как Джузеппе тут же вышел из себя.

- Это я преступный элемент? – запротестовал он на ломаном русском. – Я официальный гость ЦК. Это ты бросаешь тень на социализм.

- Ладно, Джузеппе, потом займешься воспитательной работой.

Я повернулся к Кате:

- Отдай ему двести долларов.

Она достала из лифчика деньги и отдала их Джузеппе. Я снимал все на камеру и чувствовал при этом прилив необычайной радости.

Лариса была безупречна. Она подошла к «обманутому мужу», продолжая угрожать ему пистолетом, и достала удостоверение из его кармана. Так же она поступила с его другом.

- Так, посмотрим. Может быть, они на самом деле присягали КГБ? Я слышала, что есть организованная преступная группа.

- Я не виновата, - со слезами сказала Катя. – Я не его сестра, он ко мне вообще никакого отношения не имеет.

- А кто ты такая?

- Я работаю в «Солярисе» по вечерам.

- А что ты делала на семинарах КГБ? – блефовала Лариса.

- Меня заставил этот сотрудник КГБ, чтобы мы вместе обманывали туристов, - пробормотала Катя.

- Ты права. Это – преступная группа, - сказал милиционер. Грудь его выпятилась в предвкушении ордена.

Лариса положила удостоверения на столик, и я снял их крупным планом. Потом она сказала:

- Они нарушили присягу. Забирайте их.

- Вы арестованы, - эхом повторил руководитель опергруппы.

Его люди надели на арестованных наручники. «Рогоносец» громко ругался. Я шел за ним до самой машины, и, прежде чем его туда усадили, бросил ему:

- И не стыдно тебе за то, что жена тебя каждый вечер обманывает?

Я чмокнул Ларису в щеку:

- Теперь я взял Елина за рога. Не расстраивайся, дорогая, по поводу своей работы. Я сделаю тебя представителем «женской» литературы в Советском Союзе.

Когда около трех часов ночи я вернулся домой, Мадлис спала. Я падал от усталости, но мне надо было обязательно дописать конец романа. Чтобы она прочитала его утром, в тот момент, когда должна была разворачиваться последняя сцена моей собственной драмы.

[30 ноября]

- Здесь, по идее, находится дом Миллера и здесь, вероятнее всего, держат Эрика, - сказала Лариса, разглядывая план посольства ГДР, которую она выкрала на своей работе. – Его дом расположен позади здания посольства, и, чтобы туда добраться, надо пройти через два контроля. Первый, самый строгий, - на центральном входе. Там стоят не только сотрудники милиции, которая охраняет все посольства, но и специально обученные агенты Штази. Второй контроль находится на заднем дворе, перед входом с основной территории посольства туда, где живут дипломаты. Там стоят только кагэбэшники, и они не особо внимательны, рассчитывая на первый контрольный пункт. Я знаю, как обойти этот первый контроль.

Мы с Джузеппе склонились над планом, разложенный «Мисс КГБ» на столе в офисе «Коррьере делла Сера».

- Нам повезло, что сегодня – суббота. Почти все уехали на свои дачи. Ты пойдешь туда между двумя и тремя, во время перерыва. Перерыв, да еще и в субботу, в это время можно добраться даже до спальни Горбачева.

- Ну, этим мы займемся в следующий раз. Меня интересует, как пробраться в ту часть, где находятся жилые строения, и избежать контроля.

- Через секретный город, - ответила Лариса.

Мы с Джузеппе переглянулись. Он закусил губу так, что усы его стали похожи на сталинские.

- Под Москвой, на глубине 100 метров, существует целый город, - объяснила Лариса, отодвигая план посольства и раскладывая другую карту. – Он построен ниже уровня Москва-реки, и представляет собой убежище для руководства партии в случае ядерной войны. Его протяженность – 200 гектаров. Это – настоящий город, с домами, спортивными залами, кинотеатрами и даже дорогами для автомобилей. Есть даже отдельная ветка метро, ведущая во Внуково. Там могут поместиться тридцать тысяч человек. Есть запас провизии на двадцать лет. То есть возможность полной автономии.

- Я слышал об огромном убежище в Виржинии для членов американского Конгресса, но их пятьсот человек.

- Здесь же речь идет о городе, который по площади раз в десять больше стадиона «Уэмбли», - сказала Лариса, но в ее голосе не звучало ни нотки гордости по поводу превосходства социалистической системы бомбоубежищ над капиталистической. – Его строили в течение шестнадцати лет, во время «холодной

войны», с 1960 по 1975. Наши специалисты оценивают, что туда может поместить все население Денвера.

Джузеппе надулся, как социалистический индюк. К нему снова возвращалась самоуверенность.

- Я не ожидал, что в Кремле сидят такие «андеграундные» типы, - сказал я, чтоб подтрунить над ним.

- Там предусмотрены места и для дипломатов из «братских» стран, - продолжала Лариса. – В посольстве каждой соцстраны есть вход в этот город. Во дворе посольства ГДР есть колодец, откуда, как считается, они смогут добывать чистую воду в случае войны. Но это - сказка. Колодец этот на самом деле является входом в секретный город, и обычно его охраняет сотрудник КГБ. Но сейчас стало не так строго. Я уверена, что во время перерыва он обязательно отлучится куда-нибудь. Но тебе надо успеть за час. Ты сможешь?

- Надеюсь. Как мы попадем в этот секретный город?

- Попасть туда можно из всех государственных учреждений и министерств, из домов партийных руководителей и КГБ. Но эти входы охраняются...

- Да и не хотелось бы мне опять оказаться в КГБ. У меня от этой мысли начинается депрессия...

- Ты дашь Ларисе договорить? – сказал обиженный Джузеппе.

- План города основан на более древней системе, - продолжала Лариса. – Первые подземные ходы были сделаны при Иване Грозном, и вырыли их монахи, чтобы иметь возможность скрыться в случае осады монастырей. В одном из монастырей есть неохраняемый вход. Мы можем попробовать зайти оттуда.

- Нет! В церковь я не пойду! – воспрянул Джузеппе. – Я не для этого в Москву приехал. К тому же... Мне надо в больницу!

- Да брось ты, Джузеппе. Ты там утром был. И Фабио чувствует себя хорошо. У тебя, должно быть, свидание с товарищем из ЦК...

- Она очень хорошая, - скупо ответил краснеющий Джузеппе. – Но я хочу пойти с вами.

Он не смог скрыть полного зависти взгляда, когда, уходя из офиса итальянской газеты вместе с Ларисой, я надел рабочую одежду, купленную утром на Измайловском рынке. Если бы он мог говорить по-русски, дабы нас не заподозрили охранники, он бы тоже мог надеть почетный костюм советского пролетариата. Пусть даже с целью пробраться в посольство другой рабоче-крестьянской державы.

***

- Нам надо вести себя осторожно, - сказала мне Лариса, паркуясь у монастыря. – Большая часть служителей церкви сотрудничает с Пятым управлением КГБ, которое занимается делами вероисповедания.

- Признаюсь, вы сделали замечательную работу. Во всех областях...

Не так давно я отправил репортаж на эту тему. Случилось это после того, как в «прогрессивной» советской печати были опубликованы статьи, где служители Православной Церкви издевательски назывались «Митрополитбюро».

Были обнародованы кодовые клички некоторых высокопоставленных представителей церкви, сотрудничавших с КГБ.

По субботам в монастыре многолюдно. Таким образом, мы легко затесались в толпу австрийских туристов. Погода была хорошая, что редко случается в эту пору. Холодно не было, и солнце то и дело появлялось на небе, бросая яркие отблески на речную воду. Согласно находившемуся в наших руках плану, вход в секретный город располагался в часовне Святого Николая. Мы отделились от группы туристов и подошли к часовне, где почти никого не было. Войдя вовнутрь, мы обнаружили маленькую деревянную дверь, которая с легкостью отворилась. Мы спустились по узкой каменной лестнице, где-то ступенек в двадцать, и оказались на небольшой площадке. Затем мы опять начали спускаться по винтовой покрытой плесенью лесенке. Я попытался считать ступени, но запутался, досчитав до 300. В какой-то момент стены стали сухими. Очевидно, мы находились ниже уровня реки. Мы очутились перед огромной покрытой ржавчиной железной дверью. Она со скрипом отворилась. Когда мы закрыли за собой эту дверь, мы поняли, что находимся в узком длинном пространстве, наподобие туннеля метро.

- Мы на месте, - сказала Лариса. – Теперь нам надо будет пройти около километра вдоль рельсов.

В этом городе царила тишина. Мы слышали только звук своих шагов и топот крыс, разбегавшихся на нашем пути.

- Подземный город имеет пять этажей, - объясняла мне Лариса. – Сейчас мы на пятом. Здесь находятся жилые помещения для членов правительства, ЦК и иностранных дипломатов. Раньше здесь была охрана, но ее убрали по приказу Горбачева и бросили на нужды борьбы с преступностью. Дома для членов Политбюро находятся на этаж ниже. Считается, что там – безопасней. На третьем этаже находятся залы для съездов и конференций, кинотеатры, театры и бассейны. На первом и втором этажах – продуктовые склады.

Платформа, идущая вдоль рельсов, то и дело сужалась. Там располагались толстенные трубы, диаметром около двух метров, служившие, как мне объяснила Лариса, для вентиляции. Мертвую тишину внезапно нарушили голоса и шаги, приближавшиеся в нашу сторону.

- Плохо дело, - прошептала Лариса. – Мы наткнулись на патруль. Они отлавливают здесь бомжей, которые облюбовали эти катакомбы.

Она схватила меня за руку и потащила в находившийся справа коридор. Он вел в огромное складское помещение, которое освещали желтые лампы. Повсюду стояли бюсты Ленина. Видимо, изначально планировалось оформить таким образом весь зал, но потом эту идею забросили. Бюсты стояли в ряд, как маленький белый отряд ленинцев, без боя проигравших войну. Мы побежали в глубь склада и спрятались за бюстами, практически лежа на полу. Голоса приближались, и мы слышали, как командир приказал обыскать всю территорию. От страха у меня сжался желудок, и я поклялся, что, если нас не поймают, я перечитаю все «Избранные труды» Ленина. Выказав невероятное неуважение основателю первого в мире социалистического государства, из-под одного из бюстов выскочила мышь, что вызвало у Ларисы непроизвольную реакцию. К счастью, поднятый ею шум смешался с гулом от шагов патруля. Я крепко сжал ее руку и, когда стало понятно, что патруль удаляется, сделал глубокий вдох. Ленин нас защищал, и нам было

больше не страшно. Переждав еще немного в укрытии, мы вышли со склада и продолжили наш путь вдоль рельсов. Где-то через час мы добрались до цилиндрической каменной постройки, напоминавшей дымоход. Внизу ее находилась деревянная дверь. Сверившись с картой, Лариса заглянула за дверь и посмотрела наверх. К стене была приделана железная лестница, ведущая так высоко, что конец ее было невозможно разглядеть.

- Мы на месте, - сказала она, передавая мне карту. – Из этого колодца можно попасть во двор посольства. Я буду ждать вас, тебя и, надеюсь, Эрика, около монастыря. Ты уверен, что найдешь дорогу обратно?

- Если я потеряюсь, я спущусь на этаж с бассейнами и едой.

Лариса взглянула на часы.

- Тебе надо торопиться. Мы задержались. Сейчас два двадцать.

Поднятие по лестнице заняло у меня пять минут. Когда я добрался до верха колодца, я аккуратно высунул голову и огляделся. Во дворе посольства не было ни души. Я надел очки от близорукости, пригодившиеся мне на днях, черные усы, которые мы украли из здания ЦК, и низко надвинул шапку. Потом я выпрыгнул из колодца и, по-рабочему волоча ноги, направился к воротам, соединявшим основную территорию посольства с дипломатическим жилым комплексом. Видел бы меня Уайтсмит, он бы умер от стыда: я был настоящим советским пролетарием.

Охранники на входе почти не обратили внимания на удостоверения УПДК, которое я им показал. Единственное, что произвело на них впечатление, это то, что я работал в выходной день, да и к тому же в перерыв. Но я ответил им, что нельзя оставлять канализацию «братской» страны в неисправном состоянии. Работая с иностранными посольствами, сотрудники УПДК считались привилегированным классом, и это оправдывало небольшие отклонения от установленного трудового кодекса. Правда, один охранник заметил, что я говорю с акцентом, и спросил меня, откуда я. К этому я был готов:

- Из Грузии.

- Грузия! Хорошее вино! – с восхищением воскликнул он и открыл металлическую перегородку на входе.

- Ты знаешь, где находится квартира товарища Миллера?

Он посмотрел на карту, кнопками прилепленную на стену.

- За главным зданием. Последнее строение справа.

За исключением одного «Трабанта», двух «Гольфов» и одного черного «Мерседеса» с затемненными стеклами, весь посольский комплекс был пуст. Все разъехались на выходные по дачам, которые советское правительство предоставляло дипломатам из соцстран. Миллер жил в двухэтажном коттедже из серого бетона. Когда я звонил в дверь, мое сердце было готово выпрыгнуть из груди от волнения. «Пионер» говорил мне, что каждую субботу, рано утром, Миллер уезжает на дачу в Переделкино один, без мальчика, но я боялся, что по какой-либо причине программа главного штазиста и Первого секретаря претерпела изменения. Дверь открыла гувернантка. Ей было лет шестьдесят пять. Она была весьма некрасива, с длинным лицом, изрытым морщинами, которые шли перпендикулярно ее рту. То, что надо, чтобы дети хорошо ели свой обед.

- Здесь проживает товарищ Миллер?

- Его сейчас нет. Что тебе надо?

Я вздохнул с облегчением.

- Я из УПДК. Нас уведомили, что у вас здесь имеется утечка газа. Это, должно быть, на кухне.

Она нисколько не удивилась очередной социалистической аварии. Открыв мне дверь, она проводила меня на кухню через длинный темный коридор. Справа я заметил закрытую стеклянную дверь, которая, по-видимому, вела в гостиную. В конце коридора находилась кухня и деревянная лестница на второй этаж. Когда мы подошли к плите, я сделал вид, что осматриваю газовые трубы. И даже выругался так, что руководитель комсомольской организации покраснел бы, услышав меня. Я открыл захваченный с собой металлический чемоданчик с инструментами. Гувернантка куда-то ушла. Я слышал ее шаги по коридору и скрип открывающейся двери. Я прислушался и различил детский голос. Это был Эрик.

Я схватил из чемоданчика молоток. Только серпа мне не хватало. Забежав в комнату, я начал угрожать гувернантке этим молотком.

- Не двигайся.

Обычно я затрудняюсь даже забить в стену гвоздь. Это обычная проблема капиталистического общества – несовместимость ручного и интеллектуального труда. Но попасть кому-нибудь в голову я могу без проблем.

Эрик сидел на коленках перед журнальным столиком со старомодной белой скатертью. Гостиная была обставлена мебелью шестидесятых годов, за исключением старинного деревянного рабочего стола в глубине комнаты и неуклюжего дивана, обитого дешевым бежевым дерматином, сморщенным, как лицо гувернантки. На полу лежал дагестанский ковер. Мальчик рисовал что-то в альбоме с красной обложкой. Я заметил, что рисовал он парк аттракционов, наподобие Парка Горького. На большом колесе сидел мальчик, а напротив него – женщина и мужчина. Таким образом, стало ясно, что Эрик узнал нас тогда, но предпочел вернуться в посольство. Тот факт, что он нарисовал этот сюжет, говорил о том, что мальчик не был уверен в правильности своего поступка. Он никак не отреагировал на мое появление. Вид у него был отвлеченный, как будто что-то его мучило. Я снял усы и очки и сказал ему:

- Пойдем, Эрик. Это я, Кевин. Я пришел за тобой.

Он немного подумал, потом закрыл альбом и начал собирать краски.

- А где моя мама?

- Здесь, в Москве. Она ждет тебя.

Как только Эрик поднялся, в комнату вошел Миллер.

- Мальчик никуда не пойдет, - резко произнес он. – Скоро мы вернемся в Германию, к его дедушке.

На нем было серое пальто. В руке он держал целлофановый пакет с продуктами.

- Эрик, все, что он говорит, - это ложь. Твой дедушка проиграл. Он здесь, в Москве, больной, и ему очень одиноко.

Миллер злобно ухмыльнулся и тыкнул в меня пальцем.

- У этого человека очень богатая фантазия.

Он подошел к Эрику и попытался погладить его по голове, но мальчик резко увернулся. Я крепко держал в руке молоток, но от всего происходящего я замер, как статуя, изображающая пролетариев всех стран. Гувернантка переместилась в

глубь комнаты и встала у рабочего стола. Я же этого не заметил, поскольку все мое внимание было поглощено Миллером и мальчиком. В конце концов, я сказал:

- Ты – шарлатан, обычный похититель и шантажист.

Тот решил возразить только по поводу «похитителя».

- Я никого не похищал. Мы встретились на параде, и Эрик сам со мной пошел. И в тот день, в Парке Горького, он сам решил вернуться сюда. Правда, Эрик?

Мальчик сидел молча с опущенной головой.

- Он пришел, потому что ты обманул его, пообещал отвезти его к дедушке.

- И моя мама тоже врет, - произнес Эрик. – Она приказала мне не говорить тебе, кто мы...

- Твоя мама тебя любит, Эрик.

- Это мама виновата, что дедушку прогнали, а папу посадили в тюрьму. Она и раньше хотела выкрасть меня на вертолете...

- Нет, Эрик, не слушай, что они тебе говорят о твоей маме. Во всех странах, таких, как ваша, дедушкины друзья потеряли все, что имели. Мадлис в этом не виновата. Не позволяй им внушать тебе ненависть к своей матери.

Мальчик был очень взволнован. Казалось, он сомневался.

- А дедушка сейчас здесь?

- Да. Он находится в гостинице «Октябрьская».

- Он сумасшедший, - сказал Миллер.

- Вот, я докажу тебе. Позвони сам в гостиницу. 243 – 97 – 00.

Увидев номер гостиницы на определителе, я никак не мог его забыть.

Мальчик, очевидно, очень устал.

- Я хочу пойти в кино. И в большой супермаркет, - промолвил он в итоге. – Сегодня. Как только мы уйдем отсюда.

Когда мальчик, собрав альбом и краски, уже направился было в мою сторону, гувернантка открыла ящик стола, вытащила оттуда пистолет и направила его на Эрика.

- Вы никуда не пойдете! – выкрикнула она противным голосом.

Миллер злобно ухмыльнулся, выхватил пистолет из рук гувернантки и направил его на меня.

- Пока я не получу от «старика» деньки, мальчик отсюда не выйдет... Я не просто так нянчился с ним столько дней. Я хочу пятьсот тысяч долларов, и ни цента меньше. Ты, Даннахер, достаточно путался у меня под ногами. Я думал, ты – тюфяк, как все твои соплеменники. Но ты оказался опасен. Я отправлю тебя к твоему другу Любимову.

В ожидании выстрела, с трясущимися коленями, я наблюдал всю свою жизнь, проносящуюся передо мной, как немой видеоклип. Мать, которая кормит меня грудью, бреющийся отец, первый раз я занимаюсь любовью, будучи студентом колледжа, репортажи из Никарагуа, свадьба с Синтией, первая встреча с Хауардом в больнице. Мне не стыдно признаться, потому что, очевидно, такова реакция всех, обреченных на смерть, я почувствовал, как что-то теплое потекло по моим штанинам. Дальше, в своем видеоклипе, я увидел свою первую встречу с Мадлис. «И все из-за какого-то факса», - подумал я.

Вдруг между нами встал Эрик. Он весь дрожал и с трудом произнес:

- Не убивай его...

Он повернулся к Миллеру и протянул ему свой красный альбом для рисования.

- Здесь есть ключ, - сказал он дрожащими губами.

Не переставая держать меня на прицеле, Миллер взял альбом и попятился назад, к столу. Он достал ножик и разрезал толстую красную обложку.

- Ключ и номер ячейки в банке, - торжествующе произнес он. – Швейцарский банк. Женева.

Он повернулся к Эрику:

- Итак. Впервые твоя мать сказала правду. Действительно, денег у нее не было.

Потом он сказал гувернантке, которая смотрела на него влюбленными глазами. Возможно, это была единственная в мире женщина, которая могла бы любить Миллера.

- «Старик» сообщил информацию внуку, который все это время делал вид, что ничего не понимает.

- Дрянной мальчишка, - крикнула она Эрику, который подбежал и повис на мне.

- Простите меня, - проговорил он. – Я думал, вы хотите отвезти меня к моему дедушке.

Миллер обратился ко мне:

- Помнишь тот вечер, когда ты попался в ловушку с советскими гаишниками? Пока тебе показывали трубы, я пообщался с твоей бабой. Она поклялась мне, что денег у нее нет. Но я не поверил ей.

Вот еще одна деталь, которую она от меня утаила. В тот вечер она вела себя как обычно, будто ничего не зная, а я, ротозей, проглотил всю ее ложь. Правы они все, от Вебера до Мадлис, я – простофиля.

Миллер оторвал меня от моих мыслей.

- Все это могло бы уже давно закончиться. Потому что мафия пообещала мне выкуп, который я просил. Но ты все провалил с Москвой-400. И мы так и не договорились.

Моя самооценка приближалась к нулю, но Миллер имел иное мнение на мой счет.

- Даннахер, дружище, ты поразительный человек. Если бы ты сегодня здесь не объявился, я бы продолжал изображать доброго дядечку для этого избалованного мальчишки. Я проклинал себя за то, что до сих пор не покончил с этим делом. Но, вижу, великодушие вознаграждается.

Гувернантка улыбнулась, демонстрируя свои испорченные зубы. Миллер был в отличном настроении. Он любил деньги, больше чем самый ненасытный капиталист.

- Даннахер, убирайся отсюда. Потому что мое благородство скоро исчерпается. Его величество принца я подержу у себя до тех пор, пока не буду уверен, что на счете лежит, по крайней мере, пятьсот тысяч долларов. Не думаю, что старый дурак накопил большую сумму. Он считает, что будет у власти вечно.

Гувернантка приблизилась, чтобы забрать мальчика, который намертво вцепился в меня. Мне надо было удалиться, оставив ребенка, который только что

спас мне жизнь. Я опять все испортил. Это было видно и по моим штанам. Я хотел было кинуться на Миллера, но шансов у меня не было.

- Кевин, возьми меня с собой, - плакал Эрик.

- Убирайся, - произнес Миллер, целясь в меня из пистолета.

Я посетовал на себя самого и на свою участь. Если бы не это интервью с «Пионером», думал я, я бы не ходил на почту.

Внезапно дверь в комнату распахнулась, и вошли два человека. Один из них держал пистолет с глушителем, другой – автомат. Это были «Пионер» и один из его «афганцев».

- Все кончено, Миллер, - сказал «Пионер». – Бросай оружие.

Очевидно, это был единственный в истории человек, побывший миллионером такое короткое время. Миллер положил пистолет на стол.

- «Пионер», - выговорил Миллер. – Что нужно мафии в посольстве Германской Демократической Республики?

- Мне за тебя стыдно, - ответил «Пионер».

Миллер был циничен даже в самые сложные моменты:

- Тебе стыдно? Есть еще люди, которым стыдно в этой стране?

- Посольским секретарям не подобает просить выкуп. И особенно – руководителям Штази.

- Гляньте, кто говорит, - съязвил Миллер. – Вы не сможете отсюда выйти. Территория посольства блокирована. Скоро здесь появится половина Штази.

- Не смеши меня, - ответил «Пионер».

Я посмотрел на часы: было без десяти три. Миллер старался выиграть время.

- Давайте договоримся. Если ты меня отпустишь, я дам тебе полмиллиона долларов.

- У меня уже есть гораздо больше, - сказал «Пионер».

- Первый раз вижу миллионера с пистолетом.

- Да и ты миллионером с пистолетом был только что. Разве что только сразу все потерял, - вмешался я. – Тебя занесут в книгу рекордов Гиннеса.

- Заткнись, Даннахер. Полмиллиона долларов, - опять предложил он «Пионеру».

- «Пионер», пойдем отсюда. Скоро закончится перерыв, - сказал я.

- Не волнуйся, - ответил «Пионер».

Все, что последовало, я помню, как кинофильм. Миллер схватил пистолет со стола и попытался направить его на вошедших мужчин. А когда «Пионер» засадил ему три пули подряд, Миллер тяжело упал на стол и с жутки грохотом скатился на пол. Посреди его лба зияла дыра – выход, через который он отправился на небеса. Эрик не отлипал от меня. Я закрыл ему глаза ладонью. С гувернанткой, очевидно, случился сердечный приступ, но ее было совсем не жалко. На часах было без пяти минут три.

- Ты вовремя пришел, - сказал я «Пионеру», подбирая альбом Эрика, ключ к банковской ячейке. – Пойдемте скорей отсюда.

- Я боюсь, ты не очень понял, - ответил он. – Мальчик пойдет со мной, в «Октябрьскую», к своему деду. Он ждет нас. Я ему обещал. А я всегда держу данное мной слово. Особенно Бауэру. Я ему многим обязан.

- Это ты – «субмарина» Бауэра в Москве?
- Лучше поздно, чем никогда. Ты все правильно понял...

***

- Я не все рассказал тебе о себе, - сказал «Пионер». – После детского дома в Москве меня отправили на Украину. Следы Павлика Морозова должны были быть уничтожены. Когда немцы оккупировали эту территорию, меня арестовали вместе с другими подростками и здоровыми женщинами и отправили на принудительные работы в Германию. В лагере вместе с нами находилось много немцев-антифашистов. Среди них был и Бауэр. Он возглавлял коммунистическую ячейку и очень высоко ценил все, что имело отношение к родине социализма. Поэтому он взял меня под свою опеку, и у меня всегда был кусок хлеба и несложная работа. Благодаря ему я не умер от истощения. Тогда я не рассказал ему о своем прошлом, потому что не представлял себе, какова будет его реакция.

»Мы не виделись несколько лет, так как коммунистов перевели в другой лагерь. Когда в 1945 году нас освободили советские войска, я пошел вместе с ними на Берлин. Находясь в лагере, я выучил немецкий и стал переводчиком. За свою работу я имел еду и место для ночевки. Но я не мог вернуться в Советский Союз, поскольку боялся быть узнанным, да и родных не осталось у меня никого...

Мы без проблем выбрались из посольства, проехав на «БМВ» «Пионера» мимо охранников на внутреннем КПП, а потом и через центральный вход. Охрана приветствовала «Пионера» как старого знакомого. Я сидел вместе с ним на заднем сидении, его амбал был за рулем, а Эрик сидел рядом с водителем и с любопытством разглядывал приборную панель. Когда мы подъезжали к моему дому, на мосту перед зданием Верховного Совета «Пионер» сказал водителю остановиться, чтобы закончить рассказ о своей истории. Ничего более трагичного мне до этого слышать не доводилось.

- С 1945 по 1949 год я жил в советской зоне Берлина и занимался всем, что под руку попадалось. Когда в 1949 была основана Германская Демократическая Республика, я отыскал Бауэра. Он не был еще Генеральным секретарем, но был всемогущ. Чтобы объяснить ему, почему я не вернулся в Советский Союз, я открыл ему, кем я являюсь на самом деле. Его растрогала моя история. Он считал, что советские власти плохо со мной поступили. В тот момент они реорганизовывали спецслужбы, и он нашел для меня работу. Я должен был следить за русскими эмигрантами в Западном Берлине. Когда в 1956 году Никита Хрущев начал в Советском Союзе процесс десталинизации, Бауэр поговорил с ним обо мне. Хрущев разрешил мне вернуться в СССР под именем Сергей Тамурян, но не захотел огласки моей истории. Видишь, и у десталинизации были свои границы. Я продолжал ездить в ГДР, встречался с Бауэром, но у Штази не было особых интересов в Советском Союзе. Много лет я был в «запасе». В 1970 году «холодная война» была в самом разгаре, и он попросил меня стать его особым агентом, контролировать работающих в Москве «офицеров на спецзадании».

- Значит, ты был и ее руководителем?

- Я знал о вашей связи с самого начала... И хотел посмотреть, удастся ли тебе забрать ребенка без моего вмешательства. Так называемые «субмарины» раскрывают себя только тогда, когда все другие возможности исчерпаны. Я был вынужден это сделать сегодня, чтобы пройти на территорию посольства, когда мне сообщили, что Миллер вернулся домой, и я понял, что тебе несдобровать. Хорошо, что штазисты, работающие в посольстве, до сих пор верны Бауэру... Кроме покойного...

- То есть ты знал, что Мадлис имела связь с Елиным? – я говорил о своем.

- Она хотела от него избавиться, но ей это не удавалось.

Я кивком указал на мальчика.

- Ты говорил, что Бауэр не одобрил того, как поступил с тобой Сталин. Но самое страшное – то, что он так же поступил с этим мальчиком. Он отобрал его у матери и попытался внушить ему ненависть к ней.

«Пионер» развел руками.

- Это все равно, что спросить меня, как коммунисты докатились до такого состояния. В Германии я был хорошо с ними знаком до того, как они получили власть, и намеренья их были благими.

Последовали несколько секунд молчания. Затем он сказал:

- Можешь выйти здесь. Мы едем в «Октябрьскую».

Эрик снова расплакался.

- Я не хочу опять в гостиницу, я хочу к маме!

«Пионер», казалось, задумался.

- Я хочу маму, как у всех детей, - повторил Эрик.

Второй раз за последние два дня я заметил слезы на глазах у «Пионера».

- К черту, - произнес он. – Я никогда этого не забуду, я уже стар. Но мальчик может забыть. Я освободил его самое любимое существо. Больше я ему ничего не должен.

- Кевин, ты сдержишь свое обещание? Ты обещал отвести меня в супермаркет и в кино, - обрадовался Эрик.

Водитель развернулся и поехал по Калининскому проспекту. Мы остановились напротив недавно открывшегося огромного ирландского супермаркета.

- Оставьте нас здесь, - сказал я «Пионеру», пожимая ему руку.

- Я с самого начала понял, что ты хороший парень, Даннахер. Я слышал, ты уезжаешь?

- У меня проблемы. Но, думаю, разберусь.

- Если тебе что-то нужно, ты знаешь, где меня искать.

- Надеюсь, не пригодится... Ты что будешь делать?

- Бизнес. Мое дело с женихами-иностранцами нашло много последователей. Повсюду открываются брачные агентства. Сейчас все воруют у государства. Думаю, через несколько лет появятся тысячи русских нуворишей, с большими деньгами. Я открою компанию по развитию советско-советских общественных связей.

- С богатыми советскими женихами?

- Ты в своем уме? Я сразу обанкрочусь. У советских людей нет денег на женщин, да и тратить они еще долго не будут. Что говорит закон спроса и

предложения? В Советском Союзе много женщин и мало мужчин. Я буду помогать богатым женщинам находить себе мужей. Секс не дает власти. Деньги – это власть.

Я собрался открыть дверь, но «Пионер» схватил меня за руку.

- Еще кое-что. Извинись перед своим другом Фабио. Мои нелюди жестко с ним поступили. Впрочем, я слышал, он поправляется.

- Ты все еще ищешь «Джульетту»?

- Мы нашли ее...

- Вот тут ты промахнулся, «Пионер». Девушка, которую, как ты думаешь, ты убил позавчера, - жива. И «Джульетта» - это не она.

- Не может быть. Нам сказала об этом...

Немного подумав, он добавил:

- Твоя Мадлис.

- Я тоже так думал, но это не она. Тебе все еще нужна настоящая «Джульетта»?

- Я умываю руки. С Бауэром я рассчитался, говорю же. Я был в Берлине в 1961 году, когда строили Стену. Я всегда знал, что она падет. Я больше ни за кем бегать не буду. Но, все-таки, кто она?

Я посмотрел на Эрика. Он уже вышел из машины и нетерпеливо переминался с ноги на ногу на тротуаре.

- Ты можешь с ней пообщаться, если позвонишь мне домой. Кстати, сделай мне одолжение. Скажи Мадлис, что мальчик у меня. Мы погуляем и вернемся домой. И пусть прочитает - хотя, наверняка, она уже это сделала - конец моего романа.

Тот с удивлением посмотрел на меня.

- Интеллектуальная разведка, «Пионер». Даже ты не мог бы до такого додуматься.

- Видимо, тут ты лучше разбираешься, - сказал он, открывая мне дверь, но тут же одернул руку, как будто что-то вспомнив.

- Что ты будешь делать с ключом от банковской ячейки? Отдай его ей. Пусть начнут с сыном новую жизнь.

- Эти деньги будут связывать их с прошлым. Здесь сейчас находится одна дама из нового восточногерманского правительства, Вера Бергер. Я отдам все это ей, пусть деньги вернуться тому, кому они по праву принадлежат, - немцам. Если хочешь, ты тоже можешь помочь Мадлис...

- Как?

- Найди ей какого-нибудь американского жениха с деньгами. Она любит их. Она со вчерашнего дня знает, что ключ находится у Эрика, ей это Бауэр сказал. Однако она предпочла скрыть это и посмотреть, не удастся ли тебе освободить мальчика без выкупа. А деньги оставить себе.

- Меня развели как мальчика, - заметил «Пионер».

- Она очень способная. Я стал жертвой слепой любви, но и ты, который должен был контролировать ее, так и не понял, что «Джульетта» - она. Она нас обоих обвела вокруг пальца...

***

Недавно открывшаяся в Москве потребительская мекка находилась на проспекте Калинина, нынешнем Новом Арбате, на втором этаже огромной сети магазинов. Чтобы попасть в этот оазис «западной» жизни, необходимо было пройти через социалистическую пустошь под названием «Гастроном», находившуюся на первом этаже. В этом магазине распродавали за рубли то, что оставалось на полках. В ирландском магазине на втором этаже картина была совершенно иная. Там находились отделы электронных товаров, одежды и продуктовый. Эрик осмотрел все витрины. Особенно его заинтересовал плеер. Он значительно, без слов, посмотрел на меня. Конечно, после всего, что с ним случилось, он заслужил подарок. Воспользовавшись случаем, я приобрел и политизированный вариант матрешки. Это было новое изобретение советской неофициальной торговли для фанатов «перестройки». Снаружи – Ельцин, потом, по очереди, Горбачев, Брежнев, Хрущев, Сталин и, самый маленький, Ленин.

- Зачем тебе это? – спросил, улыбаясь, Эрик.

- Я пошлю это одному своему заклятому врагу. С запиской. Я на днях был у него в кабинете, и он показывал мне матрешку.

Мы отправились в продуктовый отдел, и я купил ему огромную швейцарскую шоколадку и кока-колу. Эрика явно что-то беспокоило. В конце концов, он спросил:

- А почему у нас, в ГДР, нет таких магазинов?

- Спроси лучше своего дедушку.

***

Наблюдая в ноябре 1989 года, как Гавел и Дубчек обращаются к миллионной толпе на площади Венцеслас, Патрик испытывал невероятное чувство радости. Окружавшие люди плакали от волнения, и он плакал вместе с ними. В тот вечер на пражской площади не был ни одного равнодушного человека. Вся эта огромная толпа была охвачена вселенским чувством, которое наполняет человека и делает его прекрасным, превращает его в сверхчеловека. Это как когда плачешь нагой в объятиях любимой женщины после любви или как когда выходишь из тюрьмы и еще не встретился со встречающими тебя родными. Это чувство испытываешь только в моменты счастья или долгожданной свободы.

Он сделал все возможное, чтобы оказаться в Праге в тот момент, когда стало очевидно, что режим дышит на ладан. В противном случае его могли бы не пропустить на границе из-за той давней истории 1983 года. Тогда, после суда и вынесения приговора, его выдворили из Чехословакии. Он никогда не раскаивался в произошедшем и, главное, считал, что его позиция во время их с Анной ареста была правильной. К тому же, Патрик никогда всерьез не собирался сотрудничать с чехословацкими спецслужбами. Он притворился, что, якобы, готов это обсудить, стараясь выиграть время.

На следующее утро, не раздумывая ни минуты, он направился к Музею полиции. Там было пусто и холодно. Не было там ни кандидатов на вступление в партию, которым, для выполнения плана, предписывалось в обязательном порядке

посетить музей, ни шумных юных пионеров, которые, дабы «слинять» с уроков, разгуливали по огромным гулким залам. Даже на неживой морде отважного Брека Патрик увидел печаль о былом величии. Он шел по безлюдному музею, слыша только звук своих шагов по мраморному полу. В зале, посвященном неудачным попыткам побега, стоял теперь стол. За ним сидела Анна.

Или, скорее, тень былой Анны. Она очень состарилась за эти шесть лет. Ее волосы расцветили большие седые пряди, лицо ее было бледным и неестественно худым. Застывший взгляд был печален, как будто она пережила большое горе. Она сразу узнала его, потому что тут же заслонила руками глаза, словно не желая увидеть что-то, чего она уже давно боялась и убеждала себя, что это не произойдет никогда. Она была неподвижна, как соляной столп, пока Патрик не подошел к ней и не спросил:

- Почему ты меня предала?

Казалось, у нее не было сил говорить, но в конце концов она промолвила:

- Я тебя предала?

- Давай не будем терять время в пустых разговорах. Я все знаю. Меня интересует только одно: почему ты меня предала?..

Она уронила голову.

- Шесть лет и живу, пытаясь отыскать ответ на этот вопрос, - продолжал Патрик. – Я знаю, ты боялась. Мне объяснил это А.Х. в психбольнице: большинство предпочитает надежность тюрьмы, а не неизвестность свободы. Я понимаю, что ты мне не верила, потому что вас приучили не верить людям. Я и это принимаю. Ты не виновата. Но я не могу смириться с тем, что ты меня не любила.

- Я тебя не любила? – механически повторила сидящая за столом женщина.

- Ты меня не любила. Потому что любящие люди – свободны. Это одно из условий свободы. Ты не была свободна. Я знаю, что ты работала на спецслужбы. Ты оказалась в трудном положении и решила сотрудничать с ними. Но ты пошла дальше, и за это я не могу тебя простить. Ты мне противна, потому что ты спала с руководителем спецслужбы...

- С руководителем спецслужбы? С чего ты взял?

- Не пытайся отпираться. Я все знаю. Не может сотрудник спецслужбы любить, потому что любовь переворачивает все. Я говорил тебе об этом. В стране, где все были бы влюблены, царил бы хаос. Ты могла бы полюбить меня, могла бы прекратить шпионить за мной, только если бы ты решилась совершить маленькую революцию внутри себя самой. Так, как это сделала Лариса. Она действительно любит Фабио.

- Фабио? Лариса? Ты с ума сошел? Я не знаю никакой Ларисы.

Патрик улыбнулся.

- Ты ее знаешь. «Мисс КГБ», которую ты пыталась выдать за «Джульетту»...

- «Мисс КГБ»? «Джульетта»? – повторяла она, как робот.

- Я знаю, ты сейчас скажешь мне, что все это ты делала ради сына.

- Сына? – переспросила она слабым голосом. – У меня нет детей.

- Ты не ради сына так поступила. Ты сделала это потому, что не верила, что мы вдвоем можем освободить мальчика. Ты не веришь в людей и в любовь. Ты веришь во власть.

Анна попыталась что-то сказать, но Патрик хранил молчание годы.

- Я знаю, знаю. Ты скажешь мне, что предала меня, чтобы защитить. Что это было лучшее, что ты могла сделать. Вы все говорите одно и то же, потому что вы верите не в людей, а в машины. Ты уничтожила меня во имя любви.

Он чувствовал облегчение, потому что ему удалось выговорить то, что мучило его долгие годы.

- Я бы тебя за все простил, но ты украла у меня самое дорогое.

- Украла?..

- Мои мысли. Ты читала мои мысли и сообщала им все, что меня волновало.

- Но я не читала твои мысли, Патрик.

- Ты читала мои мысли на экране компьютера. Ты все знаешь, Мадлис...

- Мадлис? Меня не зовут...

- Да, твое имя – Мадлис. И ты знаешь, что меня зовут не Патрик. Меня зовут Кевин. Удачи! – сказал он и собрался уходить.

Он дошел уже до выхода из зала Музея полиции, но повернулся и прокричал ей:

- Впрочем, у тебя ничего не вышло. Ты не смогла заставить меня ненавидеть людей и бояться любви.

***

Когда мы вернулись домой, Мадлис избегала смотреть мне в глаза. Прежде чем она успела спрятать лицо, нагнувшись и обняв Эрика, я заметил, что глаза ее были красными. Я взглянул на компьютер. Он был включен. Она прочитала конец моей книги. Я услышал, как Эрик спрашивает ее:

- Мама, мы с Кевином идем в кино. Ты пойдешь с нами?

- Нам надо у него спросить.

- Кевин, мы возьмем маму с нами вместе?

Поначалу я хотел предложить ей отправиться на какой-нибудь спецпоказ Штази или КГБ. Но когда я увидел светящееся радостью лицо мальчика, я понял, что не имею права еще раз лишить его матери.

***

На премьере в Доме кино царил аншлаг. Там собрались все сливки советской интеллигенции, а также несколько светлых голов советского руководства. Фильм был посвящен теме преступности. Речь в нем шла о жизни в Советском Союзе, и название ленты представляло собой одну из фраз Горбачева: «Так жить нельзя». Присутствовал там и знаменитый советский поэт Евгений Евтушенко, написавший одноименное стихотворение. Перед началом показа один известный советский сценарист сказал короткую, но полную чувства речь.

- Это фильм о преступности. Не той обычной преступности, которую мы знаем, а той особой ее форме, которую породило наше общество и с которой мы вынуждены жить... Мы гордимся тем, что один брат убил другого, нам привычен образ сильного, который убивает слабого. Мы радуемся тому, что наша культура и

наша духовная жизнь разрушались, что настоящие ее создатели и хранители стирались с лица земли. Мы распевали веселые песенки в то время, когда так называемые «враги народа» стояли перед расстрельными отрядами. Мы радовались, когда меч новой жестокой власти на смерть поражал кого-то из нас. По прошествии лет это привело нас к поразительному явлению. Мы получили в наследство преступность, которая живет в каждом из нас. Мы – жертвы высокомерия, радости и счастья, которые мы чувствовали, нашего сосуществование с преступностью. Мы – заложники созданной нами самими преступности.

В зале царила мертвая тишина. Выступающий запнулся, как будто рыдания сдавили его горло. Затем он глубоко вздохнул и продолжил:

- Самое большое преступление нашей бывшей власти – это создание человека нового типа, умеющего ненавидеть, но не любить. Он боится любить. Сейчас мы понимаем, что так больше жить нельзя. Без любви к человеку. Но осознали мы это, когда жизнь наша стала бесчеловечной. Этот фильм рассказывает о болезни нашей страны.

Шквал аплодисментов прервал его речь. Я заметил, что многие в зале плакали. Украдкой я взглянул на Мадлис – между нами сидел Эрик. Она сидела окаменевшая, как будто ее и вовсе там не было. Лариса была вся в слезах, Джузеппе явно нервничал.

- В Советском Союзе нет любви. Мы должны это признать, - продолжал оратор. – Мы научились чувствовать солидарность с сандинистами и любить только африканское освободительное движение. Но лед тает опять. Позавчера я видел сцену, которая вселила в меня надежду, что наш сад скоро зацветет. Молодая пара на эскалаторе в метро. Вокруг них сотни серых людей с пустыми сумками, бегущие с талонами в руках, чтобы успеть в магазин, где еще остались продукты. Все, кроме этой пары, вели себя неподобающе, неприлично. Он стоял на эскалаторе на ступеньку ниже, и всю дорогу они целовались с закрытыми глазами. Они перестали целоваться, только сойдя с эскалатора, и глаза их светились. Пока люди целуются, надежда живет.

»Все возможно. Я не верю, что через неделю, через месяц, шесть месяцев или год у нас будет триста шестьдесят видов сыра, как во Франции, или шестьдесят сортов немецкого пива. Но уже сегодня, и пусть мы будем продолжать работать за мизерную зарплату и бороться за выживание, давайте начнем любить друг друга и влюбляться, давайте займемся этим извечным делом. Давайте договоримся, что это – не худшая сторона нашей жизни, что нам не надо чувствовать за это вину. К тому же, этой области не нужны финансовые вливания с Запада. Наши женщины красивы, и, как показывает «перестройка», у наших мужчин накопилось много сил. Не важно, производим ли мы лучшие ракеты в мире, как и не важно то, что мы отстаем от западных стран по уровню дохода на душу населения. Давайте соревноваться с развитыми странами в количестве людей, глаза которых по утрам светятся.

***

Поведение Эрика во время просмотра фильма заставило меня улыбнуться: каждый раз, когда сцена приходилась ему по душе, он вскакивал с места и выражал свое одобрение громкими криками. Он вел себя так, потому что привык смотреть кино на частных показах в компании своих друзей-сверстников. Я погладил его по голове и шепнул:

- Эрик, тебе придется стать обычным мальчиком.

Он обернулся и изумленно на меня посмотрел.

- Почему, Кевин, тебя с нами не будет?

Я снова улыбнулся ему.

- Я должен уехать завтра, и я не вернусь в Советский Союз. Ты останешься со своей мамой, и вы начнете новую жизнь. Без, я надеюсь, частных показов и прочих излишеств.

Джузеппе имел возражения, и высказал их, когда после фильма мы отправились перекусить:

- Я согласен. Было сделано много ошибок, - впервые в жизни признал он. – Но меня безумно раздражает это восхваление Запада. Они думают, что мы живем в раю.

Выходя из кафе, Мадлис в первый раз подошла ко мне и сказала:

- Прошу прощения, но нас так воспитали.

Я оглянулся кругом. Эрик шел впереди вместе с Ларисой. И тогда я дал ей такую пощечину, что, думаю, она запомнила ее на всю жизнь.

[1 декабря]

В десять утра я позвонил Елину. Тот был на своем рабочем месте. Очевидно, он ждал моего звонка. Как оказалось, я испортил его выходные.

- Позавчера вечером я наблюдал КГБ в действии. Я понял, что ваши люди продолжают трудиться без устали допоздна. Интересно, они получают сверхурочные?..

- Чтобы ты знал, я и понятия не имел обо всем этом.

- Признаюсь, это меня не волнует. Потому что вы - сторонник системы, которая привела к подобным явлениям, причем неизбежно.

- Здравствуйте приехали. Ты еще нас учить будешь...

- Когда целое общество взращивается на постулате: «Цель оправдывает средства», конец не сложно предугадать. Вчера была революция, сегодня – доллары. Но я позвонил вам, не чтобы читать мораль. У меня есть для вас подарок.

- Кассета с того вечера?

- Нет. Политическая матрешка. Открываешь, открываешь и доходишь до Ленина. Кассета с вашими «рогоносными» подчиненными – это не подарок. Я меняю ее.

- На что?

- На дело «Товарищ Кевин Даннахер». Со всеми документами и показаниями, а также на официальную справку от КГБ и МВД о том, что все, что случилось в Москве-400, было ловушкой и что меня ни в чем не обвиняют. Вы передаете мне все это, я вам – кассету.

- Ладно. Где встретимся?

- Нет никакой надобности нам снова встречаться. Отправьте через час своего сотрудника в американское посольство.

- В посольство? – в недоумении переспросил он.

- Да, я буду там. Мне надо кое-что уладить.

Он замолчал, видимо, формулируя свой вопрос.

- Что вы будете делать? Вы уедете из Москвы?

Он впервые обратился ко мне на «Вы».

- Возможно, но не потому, что этого желаете Вы. А Вы? Что будете делать? У меня создалось впечатление, что КГБ разваливается. Половина агентов работают по ночам «обманутыми мужьями». Если так будет и дальше продолжаться, вы всех своих солдат растеряете...

Он злобно рассмеялся.

- Не беспокойтесь. Моя служба воспрянет. Как феникс из пепла.

***

Через полчаса мы встретились с Машей у входа в посольство. Я попросил консула приехать в связи со срочным делом. Но Маша, конечно, была последним человеком, которого тот ожидал бы увидеть вместе со мной.

- Уважаемый господин консул...

- Зачем так официально, Кевин?

- Затем, что выяснилось, что наши отношения всегда были лишь официальными.

Он неудачно попробовал улыбнуться. Потом опустил голову.

- Ладно, - прервал я молчание, – мне нужна виза для моей невесты.

У него чуть не выпали последние волосы.

- Кого?

- Моей невесты. Разве это не единственный способ для советского человека получить американскую визу? Если империя зла не позволяет им выезжать, мы готовы принимать их пропаганды ради. Теперь, когда разваливающийся Советский разрешает им выезд, империя добра не желает их принимать. Новую стену строим мы сами.

Я разговаривал с консулом на философские темы, он же настаивал на выяснении деталей моей личной жизни.

- Но, с этой...

- Ну что Вы, уважаемый консул. Давайте не будем сами себя обманывать. У нее самая честная работа в этой стране. Да вы и сами мне говорили: каждая работа является проституцией. Ваша, моя...

Надувшись, он поставил печать в паспорт Маши. Я передал его ей и поцеловал ее в щеку.

- Удачи, - сказал я ей. – Собери столько долларов, сколько хочешь, и уезжай отсюда.

Маша была еще там, когда на глазах изумленного консула мы обменялись «подарками» с только что пришедшим в посольство сотрудником советского МВД. Я дал ему матрешку и кассету, он передал мне мое дело и справки.

- Вы не могли бы передать кое-что товарищу Елину? – спросил я перед его уходом.

- С удовольствием.

- Я хочу, чтобы вы сказали ему, что у «Купидона» есть крылья. Он всегда может ускользнуть.

***

Я обратился к Хардману. После пяти часов «специнформации» мы все совершенно выдохлись.

- Это все. Вчера вечером я вылетел в Нью-Йорк.

Хардман указал на лежавшую передо мной толстую серую папку. Потом он открыл ее и перелистал официальные документы на русском языке.

- Все в порядке, господин Даннахер. Я возвращу вам эту папку через пару дней. Нам необходимо кое-что проверить. Так полагается. Признаюсь, мой русский – не лучше, чем мой греческий. Спасибо вам, что согласились побеседовать с нами. И вам, господин Вебер...

Большой босс поднялся со своего места, подошел ко мне и обнял за меня за плечи. Я был мертв от усталости, но доволен.

- Кевин, если хочешь, ты можешь вернуться в Москву. Возглавишь офис. Но если ты хочешь остаться здесь, у меня есть к тебе предложение... Мы давно уже не обсуждали все это. Однако сейчас мне нужна серия статей об этой истории.

- Секундочку, господин Вебер, сказал Хардман. Я боюсь, что многие из этих тем не могут быть представлены так, как нам их изложил господин Даннахер, потому что касаются государственных вопросов. Наши отношения с СССР продолжают оставаться весьма уязвимыми, а общее положение – нестабильным. Вероятно, должно пройти несколько лет, прежде чем некоторые данные смогут быть преданы гласности.

Вебер приготовился идти в атаку.

- Но наша Конституция...

- Не имеет значения, господин Вебер, - сказал я ему. – Мне тоже необходимо, чтобы время все обдумать, потому что события развивались слишком быстро. Я напишу о том, что не считается государственной тайной, об остальном же – позже.

- Ты решил, что будешь делать? – поинтересовался Вебер.

- Думаю, мне бы не хотелось возвращаться в Советский Союз. Я там достаточно пережил. Это - как любовь, с ее привязанностями и неприязнями, которая когда-то должна закончиться.

ЭПИЛОГ

Любовь – величайшее открытие нашей цивилизации.

Октавио Пас

Я встретил ее четыре года спустя в нью-йоркском аэропорте. Вернее, сначала я увидел Рона, симпатичного солдата любви, которого я встретил, когда на меня шла охота в московской гостинице «Россия», потом – Эрика, и затем ее. Это был июнь 1993 года. Нью-Йорк изнывал от зноя и влажности. Эрик уже подрос. Над его верхней губой красовались усики, редкие, как антирежимные выступления в СССР, которого, кстати, уже не существовало. На нем была бейсбольная кепка, клубный блейзер и кроссовки наподобие тех, что рекламируют по телевизору звезды баскетбола.

Она меня сразу узнала и подошла.

- Кевин, хорошо выглядишь. Ты совсем не изменился.

- Люди не меняются, Мадлис. Никогда...

- У тебя есть новости из Москвы?

- Тебя кто интересует? Елин?

Лицо ее вдруг застыло. Бывший руководитель КГБ все еще находился в тюрьме после неудачной попытки путча против Горбачева.

- Я пошутил. Все хорошо. Фабио живет там вместе с Ларисой, которая ушла из КГБ и работает теперь представителем издательств, публикующих любовные романы, на чем заработала кучу денег. Они собираются пожениться. Джузеппе – в Италии. Он перешел в демократическое левое движение, организованное бывшими коммунистами. А точнее, он и был зачинателем партийных реформ. «Пионер» процветает...

- «Пионер», - произнесла она, автоматически повернувшись к Рону.

- Я был в Москве весной. Он открыл закрытый клуб для богатых женщин. Мужчинам вход воспрещен. Там показывают мужской стриптиз, организуют конкурсы мужской красоты, и каждую субботу, утром, аукцион мужчин.

- Что это?

- Женщины соревнуются, кто даст больше денег за мужчину, которого выставляют. Он пригласил меня на один из таких аукционов, и я от души посмеялся. Начальная цена – двести долларов за вечер, а дальше все зависит от конкуренции и самого продукта. Мужчин – десятки. Неудавшиеся модели, студенты, кинорежиссеры, бывшие комсомольцы. С каждой «покупки» «Пионер» получает десять процентов.

- Это, должно быть, очень смешно.

- Это возмездие советской женщины.

- Вы с Синтией все еще вместе?

- Я развелся. Я хотел быть верен тому, что говорил и делал в то время. Ты живешь здесь, в Нью-Йорке?

- В Техасе.

- Ты его любишь?

Рон грузил чемоданы на весы билетной стойки.

- Мне хорошо, и я успокоилась. Что же касается любви... Знаешь, я много думала о нас с тобой. Мне кажется, ты был прав, когда говорил о том, что коммунизм убивает любовь. Но и здесь я не вижу много влюбленных...

- Вот, пожалуйста, хотя бы в чем-то мы согласны. У вас любовь была подчинена государству, здесь она подчинена наживе. Любовь есть повсюду, но только не в людских сердцах. Чем больше влюбленных парочек показывают по телевизору, тем меньше встречаются они в обычной жизни. Мы живем в обществе без любви, где обнаженные тела можно увидеть только на экране. Предметы наших желаний – машины, йогурты, пылесосы. Вчера я видел рекламу, где какой-то человек звонит владельцу автомобиля. Я, говорит, украл вашу машину, но не отдам ее, потому что влюбился!

»Мы больше не влюбляемся в людей, мы влюбляемся в вещи. Человека нигде нет. А хуже всего то, что мы привыкаем к такому положению вещей, мы каждый день принимаем маленькие дозы яда и попадаем в зависимость, но не восстаем против этого. Единственная наша реакция – понажимать на кнопки пульта в поисках эротичной рекламы. Последний виденный мною бунт – это то мероприятие в Москве, с Золотовым. Боюсь, твой свекор...

- Какой свекор?

- Я про твоего бывшего свекра. Боюсь, он был прав, говоря, что значение имеет лишь борьба за душу. Ошибка же его в том, что душу нельзя заполучить при помощи тайной полиции. К счастью, мы покончили с этими режимами: они не давали нам жить спокойно в течение всего двадцатого века. Они завели нас в дебри бессмысленного разговора на тему того, станет ли коммунизм будущим человечества. Они бросили нас в вихрь «холодной войны», и каждая из сторон гордилась этим положением. Высшим критерием было наличие оружия и денег, а не ориентированность системы на человека. Мы живем в неправильные времена, Мадлис. Мы живем во времена, когда воруют любовь, а не автомобили.

Где-то с минуту она молчала. Потом она заметила мой пуленепробиваемый жилет.

- У меня скоро рейс. Пункт назначения – Сараево.

- Босния? Что ты там делаешь? Ты не боишься?

- Смерти боятся все.

- Ты по работе туда едешь, как я понимаю.

- Никто не едет в Сараево против своей воли. В последние годы я освещаю югославскую войну, и, следовательно, мне надо там быть. К тому же, этот город дышит любовью, как ни один другой в мире.

- Какой? Сараево? Там люди убивают друг друга.

- Именно потому, что убивают. Любовь – единственное противоядие к смерти. Ты получаешь бессмертие, пусть даже на мгновения.

- Ты все еще ищешь идеальную любовь, но ошибся местом. Где ты видишь людей в Сараево? Они убивают друг друга...

- Потому что и там политика одолела любовь. Националистические амбиции, сохранение власти любыми средствами, взращивание ненависти к другому. Человек и его чувства никого не волнуют. Но Сараево – это не только та официальная уродливая реальность, которую нам показывают по телевизору. В этом городе живет людская солидарность. Хороший человек или плохой – это решает не марка машины, а его человеческие качества. Я не защищаю войну, а также не предлагаю ее в качестве выхода. Война проявляет худшее в человеческой природе. Но, мне кажется, я это уже тебе говорил?

- Что?

- Нет, действительно. Это говорил Патрик Анне. Точно так же, как в любви присутствует ненависть, в войне существует любовь. Тот, кто уходит или возвращается с фронта, думает только об одном человеке – о человеке, которого он любит. И в этом многонациональном городе живет любовь, потому что... Ты помнишь, когда мы говорили об этом в первый раз?

- У тебя дома?

- Да. Мы говорили, что любовь имеет способность переворачивать все. Как Лара и доктор Живаго преодолели гражданскую войну в России, так и в Сараево любовь двух людей разных национальностей разрушает саму основу войны. Единственное противоядие к войне – это любовь.

- Мама, ты где?

Эрик прервал наш разговор и, увидев меня, бросился в мои объятия.

- Кевин, мы так соскучились по тебе. Когда ты к нам приедешь? А, я понял. Ты поэтому, мам, хотела, чтобы мы летели через аэропорт «Кеннеди»... Чтобы встретиться...

- Ты о чем, Эрик? – спросил я. В моей голове быстро пронеслись все московские события.

- Мы купили билеты на сегодняшний вечер, чтобы улететь из другого аэропорта, из Ньюарка. Но мама очень настаивала, чтобы мы поменяли билеты на рейс из этого аэропорта. Мама, пойдем! Уже дали последнее объявление о вылете.

Мадлис, казалось, хотела что-то спросить.

- А какова судьба твоего романа? Ты издал его?

- В итоге я передумал. Я решил включить весь этот материал в свой новый роман, который пишу сейчас. Там говорится уже о нашей истории.

- Я знаю, как он будет называться, - сказала она с хитрым видом. – «Не ходи один на почту».

Она собралась уходить, но я схватил ее за руку. Рука ее была очень горячей.

- Мне необходимо выяснить один момент, чтобы закончить книгу. Наша встреча тогда на почте была случайной? Или тебя Елин заставил со мной познакомиться?

Она обняла Эрика и, уходя, обернулась в мою сторону. Она улыбалась той знакомой, загадочной и очаровательной улыбкой:

- Она была такой же случайной, как и наша сегодняшняя встреча здесь...